

Министерство образования и науки Российской Федерации

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Альманах

№ 11 (34)

Издательство Политехнического университета

Санкт-Петербург

2017

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

альманах

Редакционный совет альманаха:

Ю.С. Васильев, академик РАН –
председатель;
Д.Г. Арсеньев, д-р техн. наук, профессор;
А.Н. Кашеваров, д-р ист. наук, профессор;
Д.И. Кузнецов, д-р филос. наук, профессор;
В.М. Никифоров, профессор,
Чрезвычайный и полномочный посол РФ;
А.В. Прохоренко, д-р филос. наук, профессор;
В.С. Ягья, д-р ист. наук, профессор.

Редакционная коллегия выпуска:

С.Н. Погодин, д-р ист. наук, профессор –
главный редактор;
И.И. Климин, д-р ист. наук, профессор;
С.В. Кулик, д-р исторических наук,
А.В. Малинов д-р филос. наук, профессор
В.П. Живулин, канд. филол. наук, доцент.

С 2001 года альманах «**Россия в глобальном мире**» издавался как Приложение к научно-историческому журналу «Клио».

Альманах зарегистрирован в Международной системе периодических изданий ISSN 2304-9472. Ссылки на статьи Альманаха отображаются в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

С 2012 г. выпускается два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание на русском и английском языках под названием: «**Россия в глобальном мире**» = «**Russia in the Global World**».

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.)

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Альманах рассылается в ведущие библиотеки страны, распространяется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес редакции: Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 28
Телефон: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42

E-mail: kmo@spbstu.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnics University

RUSSIA IN THE GLOBAL WORLD

Almanac

№ 11 (34)

Polytechnic University Publishing House

Saint Petersburg

2017

RUSSIA IN THE GLOBAL WORLD

Almanac

Editorial Council:

Yuriy S. Vasiliev, Member of
Russian Academy of Science – Chairman;

Dmitry G. Arseniev,
Doctor of Science, Professor;

Anatoliy N. Kashevarov,
Doctor of Science, Professor;

Dmitry I. Kuznetsov,
Doctor of Science, Professor;

Valentin M. Nikiforov,
Professor, Ambassador Extraordinary and
Plenipotentiary of Russian Federation;

Alexander V. Prokhorenko,
Doctor of Science, Professor;

Vatanyar S. Yagya,
Doctor of Science, Professor.

Editorial Board:

Sergey N. Pogodin, Doctor of Science,
Professor – Chief Editor;

Ivan I. Klimin,
Doctor of Science, Professor;

Sergey V. Kulik,
Doctor of Science,

Alexey V. Malinov,
Doctor of Science, Professor;

Vladislav P. Zhivulin,
PhD, Associate Professor

Since 2001, Almanac “Russia in Global World” was published as an Annex to scientific and historical journal “Clio”.

Almanac is registered in the ISSN system, ISSN 2304-9472. Links to the Almanac articles can be seen in the Russian Science Citation Index database.

Since 2012 Almanac is issued twice a year as an independent periodical in the Russian and English languages named: «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World».

Almanac is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Certificate of Registration PI number FS77-52142 of 11 December 2012).

In selecting articles the editorial board is guided by scientific and editorial policy of the almanac and by the principles of publishing ethics.

The views of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

The point of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

Any reproduction of materials of the almanac requires reference to the almanac.

Almanac is circulated among the leading libraries in the country, distributed in Russia, the CIS and other foreign countries.

Editorial address: 28, Grazhdansky pr., Saint-Petersburg, Russia, 195220

Phone: +7 (812) 329-47-42; + 7 (812) 606-62-42

E-mail: kmo@spbstu.ru

© Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, 2017

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Очередной выпуск альманаха «Россия в глобальном мире» содержит четыре раздела. Открывает содержание раздел, посвященный юбилею Первого проректора Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ), доктора экономических наук, профессора Владимира Викторовича Глухова. Вся научная и педагогическая жизнь Владимира Викторовича связана с нашим вузом. Под его руководством подготовлено более 60 кандидатов и 10 докторов наук. В первый раздел альманаха вошли статьи, написанные В.В. Глуховым, его коллегами и учениками.

Второй раздел альманаха «Российско-китайские отношения на современном этапе». Выбор данной темы не случаен, он обусловлен стратегическим партнерством двух стран, определенным Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. Отношения между нашими странами развиваются активно, плодотворно, поступательно затрагивая различные стороны общественно-политической жизни обеих стран. История, анализ и перспективы отношений между нашими странами нашли отражение в публикациях российских и китайских авторов.

Кафедра «Международные отношения» Гуманитарного института СПбПУ всегда активно участвовала в научных проектах. В 2017 году одним из таких проектов стал Грант Российского гуманитарного научного фонда «Китай и Россия: идеология национализма. Сравнительно-исторический анализ». Статьи преподавателей кафедры, авторов – участников указанного гранта вошли в третий раздел альманаха.

Завершает содержание альманаха четвертый раздел, основу которого составили избранные материалы научного симпозиума «Философия истории в российских университетах: становление, институционализация, концепции», проводившегося 29 сентября 2017 г. на кафедре «Международные отношения» под научным руководством профессора, доктора философских наук Н.И. Безлепкина.

Следует отметить расширение географии авторов, представленных в альманахе. В данном номере опубликованы статьи не только ученых из вузов Санкт-Петербурга (*Санкт-Петербургского государственного морского технического университета; СПбПУ Петра Великого; Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ»; Санкт-Петербургского государственного экономического университета; Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Военной академии связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного*), но и из Владивостока (*Дальневосточного федерального университета; Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ДВО РАН)*) из университетов Китая (*Шэньчжэньского политехнического университета*), Словакии (*Прешовского университета*), Украины (*Национального университета пищевых технологий; Центра гуманитарного образования Национальной академии наук Украины*).

Редколлегия альманаха выражает надежду на дальнейшее развитие научного сотрудничества с представителями вузов других регионов и стран.

*Главный редактор Альманаха
доктор исторических наук, профессор
Сергей Николаевич Погодин*

К 70-ЛЕТИЮ В.В. ГЛУХОВА
TO THE 70TH ANNIVERSARY OF
V. V. GLUKHOV

УДК 029

С. Н. Погодин

**ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ ГЛУХОВ – УЧЕНЫЙ
И УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРОФЕССОР.
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: pogodin56@mail.ru.

В статье рассматривается научная и педагогическая деятельность доктора экономических наук, профессора Владимира Викторовича Глухова, основные темы его исследований: экономика и менеджмент технологий и материалов; экономические механизмы управления и стратегии развития предприятий, отраслей, комплексов промышленности; математические методы и инструментальные средства в экономике и менеджменте; мировая, национальная, региональная экономика и

менеджмент; экономика и управление в социальной сфере, науке и образовании. Дается характеристика его лекционных курсов и учебно-методических работ. Отмечаются его заслуги по созданию кафедры «Экономики и менеджмента технологий и материалов» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Приведена библиография основных научных работ профессора В.В. Глухова.

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ ГЛУХОВ; САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО; ЭКОНОМИКА; МЕНЕДЖМЕНТ; НАУКА; МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ; ТЕХНОЛОГИЯ МАТЕРИАЛОВ; МИРОВАЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА; ОБРАЗОВАНИЕ

В мае 2017 года один из многолетних и активных авторов нашего альманаха Владимир Викторович Глухов отметил свой юбилей. Прежде, чем стать первым проректором, университетским профессором, заведующим кафедрой В.В. Глухов прошел длительный путь становления ученого, преподавателя, организатора научно-образовательной работы в вузе. Его научные, профессиональные и человеческие качества, коммуникабельность способствовали созданию единения не только коллектива кафедры, сотрудников ректората, но и коллег из других российских вузов, академических учреждений, зарубежных коллег.

Владимир Викторович Глухов родился 16 мая 1947 г. в Москве, в семье военнослужащего. Его отец, Виктор Филиппович, с 1939 г. проходил службу в рядах Красной Армии. Мать, Александра Васильевна, всю свою трудовую жизнь была детским врачом. Семья всегда является основой для формирования характера человека. От своего отца Владимир перенял твердость, терпение, исполнительность, усидчивость. Мама воспитала выдержку, отзывчивость, внимание, деликатность.

В 1950 г. Виктор Филиппович Глухов закончил Академию им. Ф.Э. Дзержинского и переехал с семьей в Ленинград. В этом городе начались школьные годы Владимира. Он поступил в восьмилетнюю школу № 182. Семья военного всегда готова к новым переездам с места на место. Не исключением была и семья Глуховых. В городе Черняховске Владимир закончил с серебряной медалью среднюю школу.

После окончания школы он решил поступать в Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина. Это было время повышенного интереса к ядерной физике. Поддавшись всеобщему

увлечению, Владимир подал документы на Физико-Механический факультет, на специальность «Ядерная физика». Успешно сдав вступительные экзамены и набрав 24 балла по результатам пяти экзаменов, он не поступил на эту специальность. Вмешался «Господин Случай», который играет в жизни каждого судьбоносную роль, но не менее важна готовность воспользоваться им. Владимир не знал, что для зачисления на эту специальность необходимо личное присутствие студента. Когда он пришел в деканат, ему сказали, что осталось только два места: на специальности «Гидроаэродинамика». Не представляя будущей специальности «Механика и процессы управления», он согласился поступить на нее.

Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина (ЛПИ им. М.И. Калинина) давал фундаментальное образование по стремительно развивающемуся направлению – кибернетике. Кафедра «Механики и процессов управления» была одной из ведущих на Физико-Механическом факультете, возглавлял её член-корреспондент АН СССР А.И. Лурье (1901–1980), ведущими профессорами были М.З. Козловский, В.Я. Котковник, В.А. Пальмов, А.А. Первозванский (1932–1999), И.Б. Челпанов. Последние трое оказали большое влияние на формирование научного мировоззрения В.В. Глухова, привили навыки научного исследования.

Институт Владимир Викторович закончил с отличием в 1970 году. Кафедра готовила специалистов с квалификацией инженеров-физиков по специальности «Теория управления». По распределению он должен был идти работать в ЦНИИ робототехники и технической кибернетики, но опять вмешался «Господин Случай». Часть выпускников была призвана в вооруженные силы, других – перераспределили. Молодой специалист В.В. Глухов оказался на недавно организованной кафедре «Автоматизации металлургических процессов» Физико-металлургического факультета, коллектив которой состоял из преподавателей кафедры «Механики и процессов управления».

Свой первый рабочий день – 1 марта 1970 года – младший научный сотрудник В.В. Глухов провел на Череповецком металлургическом комбинате как исполнитель научной темы «Разработка системы

планирования для цеха холодной прокатки». Технологию и организацию металлургии, как и позднее экономику, осваивать пришлось самостоятельно. С мая 1970 года Владимиру Викторовичу было поручено чтение поточных лекций по методам оптимизации для студентов Физико-Металлургического факультета и на Экономическом факультете по трем дисциплинам.

1 июня 1973 года состоялась защита В.В. Глуховым диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности: 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики», на тему «Разработка математических моделей и алгоритмов планирования для АСП холодного листа и сортового проката» [1]. Это была одна из первых защит в вузе по научной специальности «Экономико-математические методы».

После защиты диссертации Владимир Викторович был приглашен на должность ассистента кафедры «Экономики и управления металлургическим производством»¹. В 1977 году он стал доцентом этой кафедры. Огромную поддержку развитию экономико-математического моделирования применительно к металлургическому производству в этот период оказали заведующий кафедрой Александр Федорович Метс (1915–2005) и декан факультета Сергей Алексеевич Соколицын.

Работая на кафедре, В.В. Глухов побывал на многих металлургических предприятиях, начиная от Днепропетровска, заканчивая Иркутском и Красноярском. Результатом ряда научных командировок стала докторская диссертация, успешно защищенная им в 1981 году на тему «Совершенствование плановых решений в прокатном производстве (модели и методы решения задач)» [2]. Оппонентами по диссертации выступили заведующие кафедрами Н.С. Сачко (Минский политехнический институт), И.С. Саломахин (Московский институт управления) и П.П. Долгов (Ленинградский политехнический институт). Привлеченными рецензентами ВАК² выступили В.А. Роменец (Московский институт стали и сплавов) и А.А. Макаров (Институт системного анализа).

¹ С 1992 года это кафедра «Экономики и менеджмента технологий и материалов».

² Была такая процедура в то время.

В 1984 году Владимиру Викторовичу было присвоено научное звание профессор. С 1988 года его избирают заведующим кафедрой «Экономики и управления металлургическим процессом». В период с 1982 по 1986 гг. он был ученым секретарем диссертационного совета по экономическим наукам. В 1986 года избирается деканом нового факультета подготовки экспертов. Эта была новая область деятельности вуза, поставившая перед ним задачу разработки новых принципов его организации.

С 1987 по 1995 гг. В.В. Глухов являлся Главным ученым секретарем совета вуза. В сентябре 1995 года совместно с Ю.С. Васильевым и М.П. Федоровым на Ученом совете вуза был сделан доклад о принципах экономического управления вузом. Тогдашним ректором вуза Ю.С. Васильевым были внесены изменения в организацию управления университетом. Ю.С. Васильев был избран советом и утвержден Минобразования первым Президентом вуза, П.М. Федоров стал первым вице-президентом, а В.В. Глухов – вице-президентом по учебной работе.

Становление В.В. Глухова как одного из руководителей вуза происходило под руководством академиков РАН Ю.С. Васильева и М.П. Федорова. С 1995 по 2011 гг. он – проректор университета по учебной работе; с 2011 по 2015 год – проректор по организационной и экономической деятельности; а в феврале 2015 года назначен Первым проректором.

Профессор В.В. Глухов – член учебно-методического совета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбГПУ) и УМО по экономическим наукам Минобразования РФ. Неоднократно выступал с докладами на международных и национальных конгрессах и научно-технических конференциях, В.В. Глухов – действительный член Академии экологии и безопасности, Академии информатизации, Международной академии наук высшей школы, Международной академии технологической кибернетики, член Ученого совета СПбГПУ.

Основными направлениями научной школы В.В. Глухова являются:
– экономика и менеджмент технологий и материалов;

- экономические механизмы управления и стратегии развития предприятий, отраслей, комплексов промышленности;
- математические методы и инструментальные средства в экономике и менеджменте;
- мировая, национальная, региональная экономика и менеджмент;
- экономика и управление в социальной сфере, науке и образовании.

Экономика и менеджмент технологий и материалов выделяют два основных направления научных исследований: экономический анализ, организация и планирование металлургических процессов; экономическая оценка инновационных технологий.

Вклад В.В. Глухова в экономический анализ, организацию и планирование металлургических процессов заключается в развитии теории и методологии, в разработке экономико-математических моделей, методов и методик экономического анализа, организации и планирования металлургических процессов. Начало этому направлению было положено в кандидатской диссертации [1], подготовленной на кафедре «Экономика и управление металлургического производства». В дальнейшем указанное направление получило развитие в учебных пособиях, подготовленных В.В. Глуховым совместно со своим научным руководителем, заведующим кафедрой А.Ф. Метсом [3; 4; 5; 6]. В рамках своей насыщенной преподавательской деятельности В.В. Глухов, подготовил к изданию ряд методических указаний по написанию курсовых работ студентами [7; 8].

Итогом длительного кропотливого научного исследования в области прокатного производства стала докторская диссертация, защищенная Владимиром Викторовичем в 1981 году в ЛПИ им. М.И. Калинина [2]. Научной новизной диссертации стал разработанный комплекс экономико-математических моделей планирования производства проката. Автором были предложены принципы и методы оптимизации на стадиях планирования прокатного производства: отраслевое перспективное планирование – технико-экономическое проектирование – отраслевое текущее планирование – технологическая подготовка – оперативное планирование.

Сегодня все более востребованными становятся научные работы, закладывающие новые основы и принципы эффективного управления в современных условиях рыночного взаимодействия предпринимательских структур и государства. Именно с таких позиций написана монография «Организация прокатного производства» [9]. Ее область прокатные технологии как важнейший передел металлургического производства и как ресурсное обеспечение машиностроения – ведущей отрасли народного хозяйства. Уникальность этого издания заключается в несвойственном учебникам недавнего времени удачном сочетании сравнительного анализа особенностей современных технологий прокатного производства.

Другая, не менее значимая особенность издания – его комплексность, которая представляется чрезвычайно важной, так как обеспечивает системность в изучении дисциплины. То самое необходимое обучение, позволяющее читателям, пусть даже до этого профессионально и не подготовленным, применить и, может быть, в дальнейшем и развивать на собственной практике предлагаемый в книге реальный инструментарий управления производством.

Экономическая оценка инновационных технологий стала приоритетным направлением для научных исследований кафедры «Экономики и менеджмента технологий и материалов», возглавляемой в 1988 году В.В. Глуховым. Его личным вкладом стала разработка теории и методологии, моделей, методик оценки и экономического анализа инновационных технологий. В данном направлении был выполнен комплекс научно-исследовательских работ, в которых объектами исследования и экономического анализа явились технологические процессы, относящиеся к области инновационных технологий.

В 80-е годы XX века в производстве стал активно развиваться новый метод – порошковая металлургия. Это направление получило детальное развитие в совместных работах В.В. Глухова с Т.П. Некрасовой [10; 11; 12].

В современных условиях важным является разработка методических основ управления природоохранной деятельности, комплексной экономической оценки экологической ситуации в мире, в стране, в регионе, влияние деятельности людей на окружающую среду, проводимых

природоохранных мероприятий. Этой проблематике были посвящены написанные В.В. Глуховым учебное пособие [13] и учебник совместно с Т.В. Лисочкиной и Т.П. Некрасовой [14].

Во введении авторы так формулируют «...одну из основных задач современного образования – **становление экологического способа мышления**. От лозунга «Взять от природы все» необходимо перейти к лозунгу «Природа – наш дом».... Необходим переход к другой системе ценностей человечества, ...необходима мудрость для осознания гармонии человека и природы» [14, с. 10], – призывают читателя авторы.

В книге сконцентрирован и систематизирован обширный и разнообразнейший материал, объединенный одной идеей – рациональное использование обществом природной среды, в которой оно существует. Каждая из одиннадцати глав начинается с эпиграфа. В качестве таковых процитированы изречения Овидия, Горация, Цицерона, Ювенала, Лукреция, М. Монтеня, К. Маркса. Обращение к «древним» за мудростью – это особенность книг Владимира Викторовича. Такой подход, бесспорно, характеризует автора как всесторонне образованного человека, как ученого-энциклопедиста.

Первое издание учебника пришлось на середину девяностых годов, когда в стране активно укреплялись рыночные отношения во всех сферах деятельности, в том числе и в природопользовании. Это был один из первых учебников данной тематики. В последующие издания (а их вышло три) вносились необходимые изменения, определяемые, в первую очередь, расширением правовой базы природоохранной и природопользовательской деятельности, что и по сей день поддерживает актуальность излагаемого материала.

Одним из базовых требований к профессиональной подготовке экономиста является владение знаниями основ технологии производства товаров и услуг. Это требование нашло отражение в трех учебных пособиях подготовленных под редакцией В.В. Глухова [15], и совместно с Т.П. Некрасовой [16] и Л.Б. Гущиной [17]. Последнее пособие хорошо «вписывается» в курсы, читаемые кафедрой национальной экономики.

Авторы приводят многочисленные исторические примеры использования различных материалов, энергоресурсов, методов организации производства на отечественных и зарубежных предприятиях. В каждом параграфе приводятся данные о разработчиках тех или иных процессов, странах, городах и фирмах-первооткрывателях, где впервые были получены новые знания и практические результаты использования этих знаний.

Такой подход к изложению сложного «технического» материала для студентов экономического профиля заслуживает всякого одобрения, поскольку вводит студента кафедры национальной экономики в привычное для него «историческое» русло, продолжая и развивая курсы истории экономических учений, экономической истории, национальной и институциональной экономики.

Экономические механизмы управления и стратегии развития предприятий, отраслей, комплексов промышленности. В этой области можно выделить три основных направления научных исследований по базовым отраслям промышленности: металлургия, машиностроение, энергетика.

В металлургической области основными работами В.В. Глухова являются: разработка методологических и методических подходов к решению проблем в области экономики металлургической промышленности [18], организации и управления отраслями и предприятиями металлургического комплекса [19].

В машиностроении были выполнены научные исследования и получены следующие научные результаты под руководством профессора В.В. Глухова:

– разработаны методы и модели организации подготовки на предприятиях машиностроения в условиях АСУП [20];

– разработана программная комплексная система экономического анализа технологических процессов получения и обработки конструкционных материалов [21];

– разработаны организация и методы стратегического планирования в промышленности [22; 23];

– разработан механизм управления затратами как элемент реализации развития промышленного предприятия [24];

– разработан комплекс моделей и методик оперативного экономического анализа хозяйственной деятельности производственных малых предприятий [25; 26].

В энергетике получили развитие следующие направления научной школы В.В. Глухова:

– разработка методики тарифообразования в теплоэнергетическом комплексе [27; 28];

– разработка принципов и методов формирования и стратегического инновационного управления межрегиональной электроэнергетической генерирующей компании [29].

Математические методы и инструментальные средства в экономике и менеджменте. В этом направлении В.В. Глухов разработал и исследовал модели и математические методы анализа экономических процессов и систем, разработал системы поддержки принятия решений для рационализации организационных структур и оптимизации управления экономикой на всех уровнях.

По этому направлению были выполнены научные исследования и получены следующие результаты:

– разработана система экономико-математических методов моделей для планирования и управления на металлургических предприятиях [30; 31];

– разработаны методология и модели параметрического анализа в антикризисном управлении предприятиями [32];

– разработаны системы математических методов и моделей для менеджмента [33]. Учебное пособие «Математические методы и модели для менеджмента» выдержало второе издание в 2005 г. [34] и вышло под рубрикой «Учебники для вузов. Специальная литература». Оно предназначалось для студентов, аспирантов, менеджеров, использующих в своей работе математические методы.

Главная цель, которую поставили перед собой авторы, заключается в выработке у студентов научного мировоззрения, обеспечивающего четкое понимание существования возможности и полезности формализованного

описания и численного решения экономических и управленческих проблем. Руководитель творческого коллектива авторов профессор В.В. Глухов таким образом структурировал и изложил материал книги, что она органично вписалась в Санкт-Петербургскую экономико-математическую школу, созданную в середине прошлого века выдающимися учеными: математиком Л.В. Канторовичем и экономистом В.В. Новожиловым. В рамках этой научной школы профессорами С.А. Соколицыным, А.А. Первозванским, Б.И. Кузиным, В.В. Глуховым, П.П. Долговым, В.Р. Окорочковым и другими учеными СПбГПУ были разработаны оригинальные экономико-математические модели и методы, которые нашли отражение при написании данного учебного пособия. Пособие состоит из трех взаимосвязанных частей: методы менеджмента, типовые модели менеджмента и прикладные модели менеджмента.

Мировая, национальная, региональная экономика и менеджмент.

Приоритетными исследованиями в работах В.В. Глухова стали тенденции, закономерности, факторы и условия функционирования и развития региональных социально-экономических систем на уровне мировой и национальной экономики, разработка проблем функционирования и развития предприятий, отраслей, комплексов в регионах.

В данном направлении были выполнены научные следующие исследования:

– разработана система методов управления и экономического анализа современного финансового рынка [35];

– разработаны математические методы оценки и прогнозирования валютных курсов и методология организации внешнеэкономической деятельности предприятия [36].

С выходом российских предприятий на глобальные рынки резко возросла и потребность в квалифицированных специалистах, способных управлять внешнеэкономической деятельностью российских предприятий. В высших учебных заведениях страны стали открываться новые специальности, целые факультеты и институты, основной задачей которых стала подготовка специалистов по внешнеэкономической деятельности и

мировой (международной) экономике, а также по ряду смежных направлений.

Учебник Ю.М. Бахрамова и В.В. Глухова «Организация внешнеэкономической деятельности (особенности менеджмента)» [37], стал одним из первых, где излагались основы организации внешнеэкономической деятельности предприятий не совсем традиционным путем. Если традиционный путь основан на рассмотрении сущности внешнеэкономической деятельности, причем, ее определяющих, и форм организации внешнеэкономической деятельности на предприятиях, то авторы учебника пошли другим путем. Основное внимание они уделили изложению правовых основ, способов, механизмов и инструментов рынка международной деятельности, а также описанию особенностей действий менеджмента предприятий на этом рынке.

Такой путь изложения материала был обусловлен настоятельной потребностью менеджмента российских предприятий, осознавшего новые возможности международных рынков для их развития, но не имевшего соответствующих знаний и опыта работы на них. По сути дела авторы подготовили в первую очередь практическое руководство по организации внешнеэкономической деятельности для управленческого персонала российских предприятий, вынужденных работать в условиях открытой экономики, и в меньшей степени – учебное пособие для студентов и аспирантов экономических специальностей университетов, изучающих учебную дисциплину «Внешиэкономическая деятельность».

«Налоги. Теория и практика» – учебник, подготовленный авторским коллективом под руководством В.В. Глухова, предназначен для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Менеджмент» [38]. Учебник характеризуется высоким научным и практическим уровнем содержания, а также широким спектром рассматриваемых проблем. Весь учебный материал изложен последовательно, аргументировано, подкреплен практическими примерами и статистическими данными. Очень важно отметить, что авторы уделили должное внимание понятийному аппарату, представили словарь специфических терминов и краткий словарь международных терминов.

Материал учебника авторы сопроводили цитатами и историко-библиографическими справками, что является отличительной чертой издания и свидетельствует о высоком научно-педагогическом потенциале его авторов.

Финансовый менеджмент относится к дисциплинам, наиболее обеспеченным научно методической и учебной литературой. Имеется значительное количество отечественных и зарубежных научных, научно-методических и учебных изданий по данной проблематике. При этом существование большого количества отечественных учебных пособий по предмету обычно принято объяснять необходимостью отражения различных сторон российской специфики управления финансами. В действительности же они чаще всего отражают сугубо авторское понимание и трактовку проблем финансового менеджмента, существенно различное у разных авторов и не всегда совпадающее как с положениями экономической теории, так и с общепринятой трактовкой. Учебное пособие, подготовленное Ю.М. Бахрамовым и В.В. Глуховым, лишено этого недостатка [39].

Авторы стремились следовать фундаментальным общепризнанным представлениям экономической науки. Целью учебного пособия было приблизить изучение финансового менеджмента в России к мировым стандартам.

Хотя учебное пособие не адресовано конкретной читательской аудитории (общая адресация – «учебное пособие для вузов»), оно имеет определенную «негуманитарную» направленность на читателя, подготовленного по конкретным дисциплинам – математика, математическая статистика и теория вероятности, оптимальные методы программирования и принятия экономических решений, в том числе и на финансовых рынках.

Экономика и управление в социальной сфере, науке и образовании. Под руководством профессора В.В. Глухова были разработаны методологические и методические основы формирования экономических механизмов управления, экономического обоснования и поддержки управленческих решений в социальной сфере, науке и образовании.

Актуальность проблем экономики и управления в социальной сфере, науке и образовании объясняется тем, что именно здесь наиболее болезненно проявились негативные последствия перехода России к рыночным отношениям. Способы и средства, известные отечественной теории и практике с советских времен, стали неприменимы. Зарубежный опыт, оказалось, невозможно использовать в российских условиях без переосмысления и учета национальной специфики. В ответ на потребности практики отечественная наука занялась поиском решений этих проблем.

Основными результатами в указанном направлении стали подготовленные под руководством В.В. Глухова следующие исследования:

- разработка методологии инновационного развития экономики мегаполиса через развитие научно-образовательного потенциала [40];
- разработка теории многоуровневого управления финансами в вузе [41];
- разработка экономического механизма управления целевыми комплексными программами научно-технических работ [42];
- разработка методики оценки влияния налоговых издержек на стоимость капитала и инвестиционную привлекательность организации науки и образования [43; 44].

Своими обобщениями и выводами учебник «Экономика и организация управления вузом» [45] представляет несомненный интерес для руководителей, управленческих работников и преподавателей вузов.

В настоящее время в России создается и совершенствуется механизм управления высшей школой. Сформирована необходимая законодательная база. Постоянно совершенствуется нормативная база, определяющая функция учебных заведений, их ограничения по действующей рыночной ситуации. Высшее учебное заведение – это организация с очень высоким суммарным интеллектом работников, и, казалось бы, для достижения своих целей такая организация должна работать весьма рационально. Тем не менее, на практике из-за совмещения коллегиального и индивидуального принятия решений часть их отклоняется от лучших вариантов. Это связано, с одной стороны, как и в других организациях, с постоянным проявлением в управлении вузом отпечатков личной заинтересованности, неспособности

предвидеть в полной мере последствия принимаемых решений, нежелание находить компромиссные варианты действий. С другой стороны, в вузе действуют свои экономические закономерности, которые, на первый взгляд, не кажутся существенными и иногда не принимаются во внимание для принятия решений.

За годы своей научно-педагогической деятельности В.В. Глуховым опубликовано более 500 научных, учебных и учебно-методических работ, в том числе 25 учебников и монографий, более 50 учебных пособий, 6 компьютерных учебников. Под его руководством подготовлено более 60 кандидатов наук и 10 докторов наук.

Рамки одной статьи ограничивают возможности полноценно отразить всю многогранность деятельности профессора В.В. Глухова. Избранная библиография, приведенная в конце данной статьи, лишь частично отображает его публикационные достижения за сорок шесть лет научно-педагогической работы. Подводить даже промежуточный итог научной, педагогической и организационной деятельности Виктора Владимировича Глухова преждевременно. Семьдесят лет для ученого – пора расцвета. Древние китайские философы называют 70-летний возраст «лао шоу» [46]. Хочется пожелать Владимиру Викторовичу дальнейших свершений в тех делах, в которых он уже столь успешно реализовал свои таланты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Глухов В.В.** Разработка математических моделей и алгоритмов планирования для автоматизированных систем управления производством холоднокатаного листа и сортового проката : автореф. дис...канд. техн. наук : (08.00.13) / Ленингр. политехн. ин-т им. М.И. Калинина. – [Ленинград], 1972. – 16 с.
- 2. Глухов В.В.** Совершенствование плановых решений в прокатном производстве : (Модели и методы решения задач) : автореф. дис... д-ра экон. наук - Л., 1981. – 35 с.
- 3. Метс А.Ф., Глухов В.В.** Основы проектирования автоматизированных систем управления металлургическим производством: учеб. пособие. – Л.: ЛПИ, 1976.
- 4. Метс А.Ф.** Сборник задач по экономике металлургического производства / А.Ф. Метс, Н.В. Абакумова, В.В. Глухов. – М.: Металлургия. 1977.
- 5. Метс А.Ф.** Совершенствование организации прокатного производства: учеб. пос. /А.Ф. Метс, В.В. Глухов. – Л.: ЛПИ, 1979.

6. **Метс А.Ф.** Экономика прокатного производства: учеб. пособие /А.Ф. Метс, В.В. Глухов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979.
7. **Глухов В.В.** Организация доменного и сталеплавильного производства: метод. Указ. По расчету на ЭВМ курсовой работы / В.В. Глухов. – Л.: ЛПИ, 1978.
8. **Глухов В.В.** Вопросы для самоконтроля степени усвоения материала по общему курсу «Организация металлургического производства»: учеб. задания. – Л., 1978.
9. **Глухов В.В.** Организация прокатного производства: учебник. – СПб.: Лань. 2001.
10. **Метс А.Ф.** Экономическая эффективность применения методов порошковой металлургии / А.Ф. Метс, В.В. Глухов, Т.П. Некрасова. – Л., 1985.
11. **Глухов В.В., Некрасова Т.П.** Экономика производства деталей из порошков. – Л.: Машиностроение. 1990.
12. **Глухов В.В., Некрасова Т.П.** Экономическая эффективность производства инструмента из порошка. – Л.: Знание, РСФСР: ЛО : ЛДНТП. 1991.
13. **Глухов В.В.** Экономика природопользования: учеб.пос. – СПб., СПбГТУ, 1994.
14. **Глухов В.В., Лисочкина Т.В., Некрасова Т.П.** Экономические основы экологии : учебник. – СПб. : Спец. лит., 1995. – 278 с.
15. **Основы современных технологий:** учеб. пособие / под ред В.В. Глухова. – СПб.: СПбГТУ. 1998.
16. **Глухов В.В., Некрасова Т.П.** Экономика и менеджмент высоких технологий: учеб. пособие. – СПб.: СПбГТУ. 1999. – 132.
17. **Глухов В.В., Гущина Л.Б.** Основы технологий отраслей национальной экономики. Ч. 1.: учеб. пособие. – СПб.: СПбГПУ. 2004. – 466 с.
18. **Глухов В.В.** Организация прокатного производства: учебник. – СПб.: Лань. 2001.
19. **Глухов В.В.** Экономика и организация производства алюминия: учеб. пособие. – СПб.: СПбГТУ. 2002.
20. **Глухов В.В.** Управление производством: учеб. пос. – Л.: Изд-во ЛГТУ. 1990.
21. **Глухов В.В., Кобышев А.Н., Козлов А.В.** Организация консультационной деятельности (консалтинг): учеб. пособие. – СПб.: СПбГТУ. 1995. – 107 с.
22. **Глухов В.В., Демидов А.В.** Выбор стратегий промышленного предприятия. – СПб.: Северная звезда. 2002.
23. **Глухов В.В.** Деловые игры для освоения методов выработки управленческих решений / В.В. Глухов. – Л., 1990.
24. **Глухов В.В., Демидов А.В.** Стратегия управления и факторы риска. – СПб.: Северная звезда. 2002.
25. **Глухов В.В., Демидов А.В.** Экономика малого предприятия. – СПб.: 1997.
26. **Глухов В.В.** Экономика малого предприятия. 2-е изд. – Чебоксары. 1999.
27. **Глухов В.В., Морозов В.В.** Менеджмент энергетического предприятия. Принципы стратегического инновационного управления ТЭС: учеб.пос. – СПб.: СПбГПУ. 2002.

28. Глухов В.В., Барыкин С.Е. Экономика электроэнергетического комплекса: учеб. пособие. – СПб.: СПбГПУ. 2003. – 205. ISBN: 5-7422-0339-X.
29. Глухов В.В., Окорочков В.Р., Окорочков Р.В. Состояние и перспективы обеспечения энерго- и теплоэнергетическим оборудованием ТЭК России // Экономические проблемы энергетического комплекса: открытый семинар. 42-е заседание, 17 июня 2003 г. – М.: ИНП. 2005.
30. Глухов В.В., Метс А.Ф. Применение статистических методов в задачах управления металлургическим производством : учеб. пособие. – Л.: ЛПИ. 1983.
31. Глухов В.В., Спасов А.А. Экономико-математические методы и модели в планировании и управлении на металлургических предприятиях: учеб. пособие. – М.: Металлургия. 1992.
32. Глухов В.В., Медников М.Д. Процедура антикризисного управления : учеб. пособие. – СПб.: Спец. лит. 1997.
33. Глухов В.В., Медников М.Д., Коробко С.Б. Экономико-математические методы и модели в менеджменте : учеб. пособие. – СПб.: СПбГТУ. 1998.
34. Глухов В.В., Медников М.Д., Коробко С.Б. Математические методы и модели для менеджмента: учеб. пос. – 2-е изд. - СПб.: Лань. 2005. – 528 с. ISBN: 5-8114-0278-3.
35. Глухов В.В. Управление финансами: учеб. пос. – СПб.: Изд-во СПбГТУ. 1993.
36. Глухов В.В. Оценка и прогнозирование валютного курса : учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПбГТУ. 1996.
37. Бахрамов Ю.М., Глухов В.В. Организация внешнеэкономической деятельности (особенности менеджмента): учеб. пос. – СПб.: Лань. 2000. –444. ISBN: 5-8114-0212-0.
38. Глухов В.В., Дольдэ И.В., Некрасова Т.П. Налоги. Теория и практика: учебник. – 2-е изд. - СПб.: Лань. 2002. – 447 с.
39. Бахрамов Ю.М., Глухов В.В. Финансовый менеджмент : учеб. пособие. – СПб.: Лань. 2006. – 736 с. ISBN: 5-8114-0668-1.
40. Глухов В.В., Тарасов С.Б. Инновационное развитие научно-образовательного потенциала мегаполиса. – СПб.: СПбГТУ 2006.
41. Результаты анализа и применения системы показателей распределения финансовых потоков в вузах / В.В. Глухов [и др.] – СПб.: СПбГПУ. 2006.
42. Глухов В.В., Коробко С.Б., Маринина Т.В. Налоги. Оценка результатов научных исследований : учеб. пособие. – СПб.: СПбГТУ. 2002.
43. Глухов В.В. Налоги. Теория и практика: учебник. – СПб.: СПбГПУ. 2003. – 448. ISBN: 5-8114-0275-9.
44. Глухов В.В. Организационно-правовое регулирование научной деятельности. Зарубежный опыт / В.В. Глухов [и др.]. – СПб.: СПбГПУ. 2004.
45. Васильев Ю.С., Глухов В.В., Федоров М.П. Экономика и организация управления вузом : учебник. – 3-е изд. СПб.: Лань. 2004. – 608 с.

46. Мартынов Д.Е. Теория Кан Ю-вэя в изложении его ученика Лян Ци-чао // Вопросы философии.2015. №1. С 158 – 166 с.

POGODIN Sergey N. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: pogodin56@mail.ru.

VLADIMIR VIKTOROVICH GLUKHOV – A SCIENTIST AND UNIVERSITY PROFESSOR. TO THE 70-ANNIVERSARY FROM BIRTHDAY

The article deals with scientific and pedagogical activity of doctor of economic Sciences, Professor Vladimir Viktorovich Glukhov, the main topics of his research: Economics and management of technologies and materials; economic management and development strategy of enterprises, industries, complexes of industry; mathematical methods and tools in Economics and management; global, national, regional Economics and management; Economics and management in social sphere, science and education. The characteristic of his lecture courses, and educational works. Marked his achievements in the creation of the Department "Economics and management of technology and materials" St. Petersburg state Polytechnic University Peter the Great. Bibliography of major scientific works of Professor V.V. Glukhov.

VLADIMIR VIKTOROVICH GLUKHOV; PETER THE GREAT ST.PETERSBURG POLYTECHNIC UNIVERSITY; ECONOMICS; MANAGEMENT; SCIENCE; MATHEMATICAL METHODS; MATERIALS TECHNOLOGY; GLOBAL, REGIONAL ECONOMY; EDUCATION

УДК 330.11

В. В. Глухов, Ю. К. Петреня, П. С. Шилин

ОРГАНИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ И ПРАКТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

ГЛУХОВ Владимир Викторович – доктор экономических наук, профессор, Первый проректор. Высшая школа промышленного менеджмента и экономики. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: vicerector.me@spbstu.ru.

ПЕТРЕНЯ Юрий Кириллович – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук. Генеральный директор ПАО «Силовые машины». Ул. Ватутина, д. 3, Лит. А, 195009, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: petrenya_yk@power-m.ru.

ШИЛИН Павел Сергеевич – начальник управления патентных исследований и интеллектуальной собственности. ПАО «Силовые машины». Ул. Ватутина, д. 3, Лит. А, 195009, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: shilin_ps@power-m.ru.

Статья посвящена рассмотрению актуального в настоящее время вопроса организации инновационной деятельности как основного инструмента обеспечения конкурентоспособности предприятия в нестабильных рыночных условиях. Представлен анализ различных трактовок и регламентирующих документов, определяющих терминологическую базу, приведен обзор и история развития моделей инновационного процесса. Также авторами рассмотрены практические подходы к организации инновационной деятельности в некоторых отечественных и зарубежных инжиниринговых компаниях.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА; ИННОВАЦИИ; ПРОМЫШЛЕННОСТЬ; НОВЫЕ РАЗРАБОТКИ; НАУЧНЫЙ ОБЗОР; ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Теоретическая база. Принято считать, что начало теории инноваций положил австрийский ученый Йозеф Алоиз Шумпетер с введением понятия «инновация» в работе «Теория экономического развития» в 1912 году. Под «инновациями» он понимал новые комбинации сил и вещей в рассматриваемой сфере [7].

Термин «инновация» появился задолго до Шумпетера, и происходит от латинского слова «innovatio», что означает обновление или улучшение [1]. В словарях С.И. Ожегова и В.И. Даля понятие «инновация» отсутствует. В словаре С.И. Ожегова можно найти понятия «новация» (нечто новое, новшество) и «новшество» (новый порядок, новый обычай, новый метод изобретения, новое явление) [3]. В словаре В.И. Даля – «новшество», употребляемое как введение новизны, новых обычаев, порядков [2]. Под новшеством понимается новый порядок, новый обычай, новый метод, изобретение, новое явление. Русское словосочетание «нововведение», в буквальном смысле «введение нового», означает процесс использования новшества [1].

Следует отметить значительный недостаток большинства определений: инновации рассматриваются применительно к новым продуктам, техническим изменениям и социальным услугам, однако, редко затрагивают нововведения в области организации и управления. Эта особенность учтена в одном из основных международных стандартов об инновациях, разработанном Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Статистическим бюро Европейских сообществ (Евростат) – т.н. «Руководство Осло», который является основным источником понятийно-терминологической базы в сфере планирования и учета инновационной деятельности предприятий. В соответствии с данным документом, инновация есть внедрение какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях [4].

Осуществление мероприятий по поиску новых решений, обоснованию и применению их в конечном продукте с целью получения экономического эффекта является инновационной деятельностью. За более чем 100 лет научных исследований в рассматриваемой области создано множество организационных подходов (табл. 1).

Таблица 1. Хронология развития моделей инновационного процесса

Годы	Модель/исследование	Автор
Начало XX в.	Введение понятий «инновация» и «разрушительное созидание»	Шумпетер

1920–50 гг.	Линейные модели «технологического толчка» (G1)	Росвелл
1960–70 гг.	Линейная модель «вытягивания спросом» (G2)	
1978 г.	Динамическая модель процессных и продуктовых инноваций	Абернати, Уттербак
1970–80 гг.	Совмещённая модель (G3)	Росвелл
1985 г.	Transilience maps	Абернати, Кларк
1985 г.	Цепная модель	Клайн, Розенберг
1980-е гг.	Модель интегрированных бизнес-процессов (G4)	Росвелл
1986 г.	Модель «Ворота»	Купер
1990-е гг.	Модель интегрированных систем и сетей (G5)	Росвелл
1990 г.	Выявлена зависимость между временем и затратами в инновационном процессе	Гапта, Уайлман
1992 г.	Модель «Воронка»	Уйлрайт, Кларк
1993 г.	Классификация моделей Росвелла (G1–G5)	Росвелл
2002 г.	Циклическая модель	Беркхоут
2003 г.	Открытая модель инноваций	Чесбро

Далее рассмотрены базовые модели, наиболее часто применяющиеся в научно-исследовательской и производственной деятельности.

1. Модель технологического толчка (G1).

Линейная модель «технологического толчка» разработана в начале 50-х годов XX в. (рис. 1). В основе данного подхода лежит исторически сложившаяся ситуация с дефицитом предложения новой продукции в 50–60-е гг. XX века вследствие быстрого экономического роста и повышения платежеспособного спроса в США, Японии и странах Европы, что привело к быстрому промышленному и технологическому росту [8].

Суть модели заключается в представлении инновационного процесса в виде причинно-следственной цепочки: от фундаментальных исследований до производства и распространения инноваций. Результат предыдущего этапа является входным ресурсом следующего этапа, при этом обратная связь отсутствует.

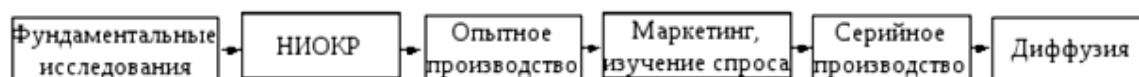

Рисунок 1. Линейная модель «технологического толчка» (G1).

Увеличение уровня конкуренции на рынке привело к необходимости выведения на рынок высокотехнологичных продуктов. Производственные

компании сосредоточили свои усилия в секторе исследований и разработок. В этот период пользовалась популярностью так называемая «стратегия надежды» («strategy of hope»): «Найми хороших людей, дай им лучшие возможности и оставь одних». Дополнительным фактором послужило то, что инновационные разработки в основном велись в транснациональных компаниях, которые были изолированы от исследовательских институтов и университетов. Острая необходимость насыщения рынка продукцией позволило компаниям сфокусироваться в большей степени на процессе производства, чем реализации продукции. Большое внимание уделялось первым стадиям инновационного процесса, в т. ч. НИОКР, что привело к созданию большого количества собственных исследовательских лабораторий.

2. Модель вытягивания спросом (G2).

В середине 60-х – начале 70-х гг. XX века появилась линейная модель «вытягивания спросом». Именно к началу 70-х годов произошло насыщение рынка продукцией, и компаниям стало трудно сохранить объемы сбыта на прежнем уровне. Теперь они вынуждены выходить на рынок с продуктом, обладающим особыми потребительскими свойствами, развивать маркетинг и прогнозирование спроса [8].

В целях сокращения издержек и повышения эффективности распределения ресурсов, в компаниях начинают применять инструменты анализа эффективности исследовательских проектов, укрепляют связи между исследовательскими и производственными отделами для сокращения сроков вывода новой продукции на рынок.

Как видно на рис. 2, модель «вытягивания спросом» учитывает первоочередность маркетинговых исследований для выявления потребностей рынка, а НИОКР становится последующим этапом.

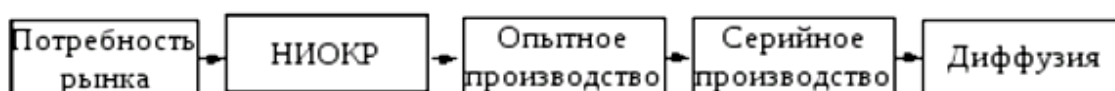

Рисунок 2 Линейная модель «вытягивания спросом» (G2).

3. Совмещённая модель (G3).

Период с середины 70-х до середины 80-х годов охарактеризовался снижением темпов экономического роста, процессами инфляции и

стагнации. Необходимость снижения производственных затрат усилила внимание к вопросам рационализации производственных процессов. Среди производственных компаний была популярна стратегия консолидации с созданием портфелей продуктов и отказом от части отдельных исследовательских проектов.

Обеспечение информационного взаимодействия между научной, производственной и маркетинговой деятельностью привело к экономии инвестиций и впоследствии легло в основу совмещённой модели инновационного процесса.

Совмещённая модель («объединяющая модель», «feedback model», «coupling of R&D and marketing») учитывает как рыночные, так и технологические факторы. Источниками инноваций являются результаты НИОКР и результаты маркетинговых исследований, а именно – потребности рынка. Линейный характер модели сохранен, при этом добавлены многочисленные обратные связи (рис. 3) [8].

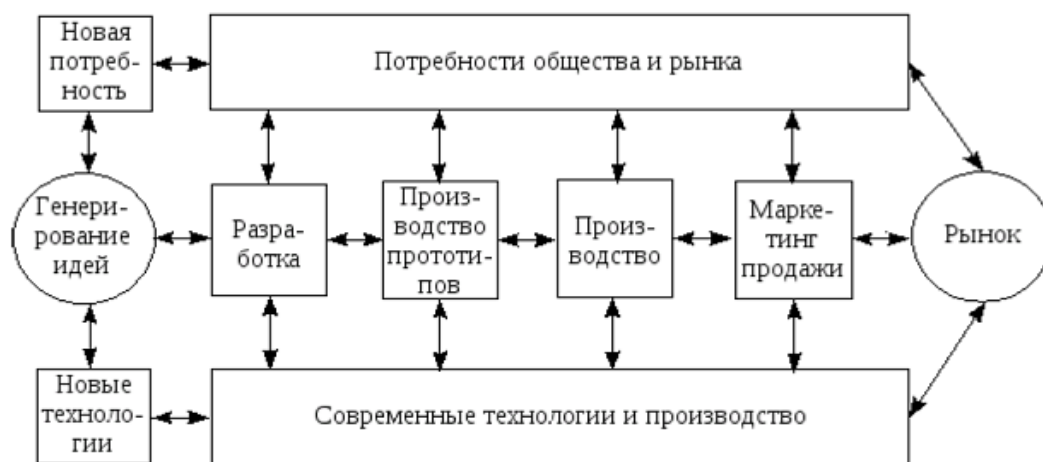

Рисунок 3. Совмещённая модель инновационного процесса (3G).

4. Модель интегрированных бизнес-процессов (G4).

Выход развитых стран из экономического кризиса начала 80-х гг. изменил фокус компаний в пользу сокращения временных затрат. Формирование на японских предприятиях новых подходов к организации производства привели к появлению нового поколения моделей инновационных процессов – модели интегрированных бизнес-процессов («интегрированная модель», «integrated business process») [8].

Суть модели заключается в интеграции исследований и разработок с производством, а также тесном сотрудничестве компании с поставщиками и

покупателями. Интеграция подразделений для создания нового продукта позволяет предприятию сократить сроки разработки продукта и снизить издержки. При этом активизируется горизонтальное сотрудничество и с внешней средой предприятия: создание совместных предприятий, стратегических альянсов. Процесс разработки нового продукта в соответствии с моделью G4 наглядно представлен на примере компании Nissan (рис. 4).

Рисунок 4. Процесс разработки нового продукта.

Основные внутренние процессы взяты из третьего поколения и реализуются через сеть взаимодействий. Разработка нового товара наиболее эффективна при тесном сотрудничестве между отделами исследований, техническим, производственным, маркетинговым и финансовым подразделениями компании. На всех этапах реализации проекта осуществляется анализ и координация работ специально созданной межфункциональной группой.

Кроме того, японские специалисты на ранних стадиях разработки определяют отношение потребителей к новому продукту, объем спроса на перспективных рынках, а на последних стадиях инновационного процесса участвуют в формировании рыночного спроса (рис. 5).

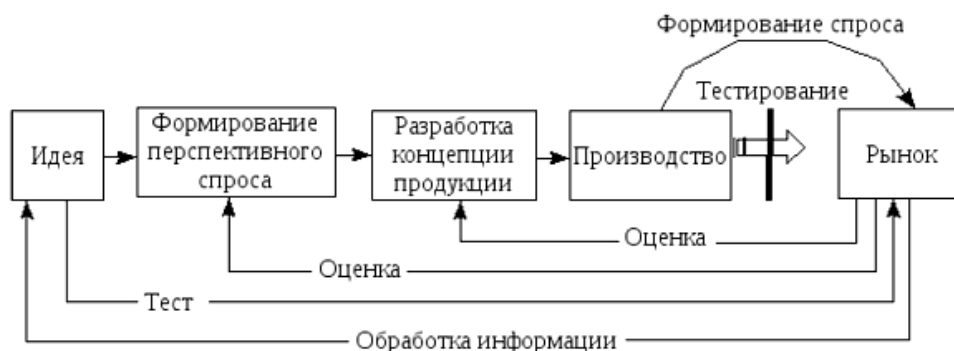

Рисунок 5. Японский подход к инновационной деятельности.

5. Модель интегрированных систем и сетей (G5).

Ограниченность ресурсов, увеличение наукоемкости продукции, кризисные явления в рыночных условиях заставляет компании с начала 90-х годов XX в. объединяться в сети. Такое решение позволяет обеспечить гибкость реакций на рыночные вызовы и сохранить темпы развития. В основе корпоративных стратегий лежит развитие партнёрства, совместный маркетинг, переход к «открытым инновациям».

Помимо группового взаимодействия представителей различных подразделений, необходимо формировать сетевые взаимодействия с внешними агентами: потребителями, поставщиками, исследовательскими лабораториями, университетами и т.д. На рис. 6. отражена модель инновационного процесса пятого поколения, предложенная Росвеллом на примере процесса накопления знаний [9].

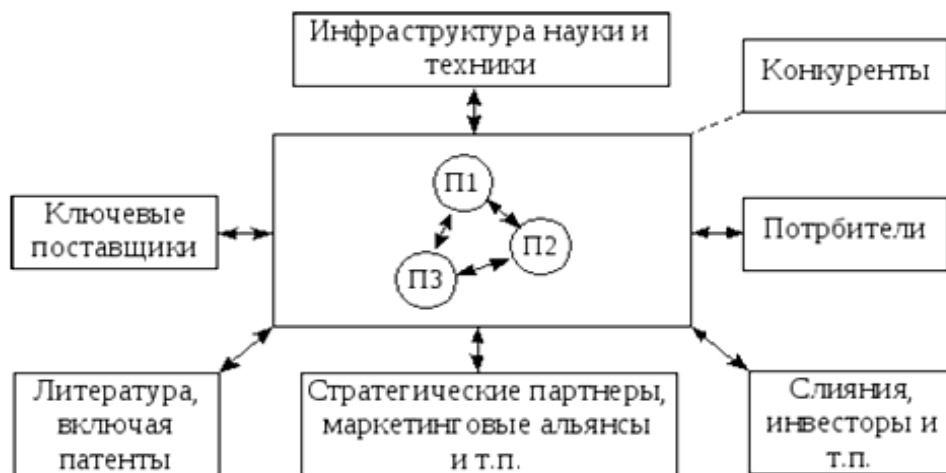

Рисунок 6. Модель инновационного процесса пятого поколения (5G).

В рамках моделей пятого поколения отдельно выделяют модель «Воронка» и модель открытых / закрытых инноваций.

Модель рассматривает инновации как процесс преобразования идеи от концепции до продукта в соответствии с потребностями рынка. Большое внимание уделяется процессу поиска и отбора идей. На вход поступают различные идеи, в результате обработки и оценки для проекта оставляют наиболее перспективные. Графически этот процесс изображается в виде сходящейся воронки (рис.7).

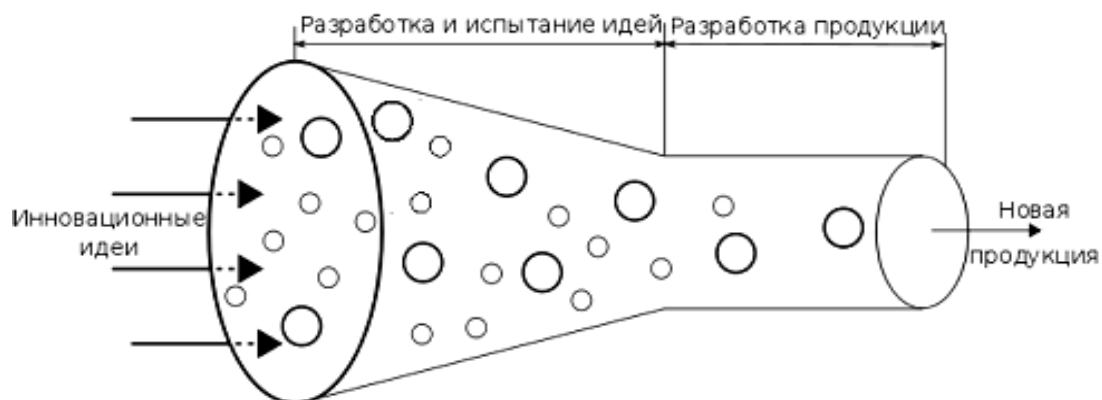

Рисунок 7. Модель инновационного процесса «Воронка».

«Закрытость» инновационного процесса была характерна для корпоративных разработок вплоть до конца XX века. В ее основе лежит идея разработки инновационных решений компаниями без использования сторонних соисполнителей: самостоятельный поиск идей, проведение НИОКР, производство, маркетинговые исследования, распространение и сервисное сопровождение продукта [5]. В тот период модель оправдала себя, т.к. собственные НИОКР являлись серьезным стратегическим активом, создающим значительные барьеры для проникновения конкурентов на рынок.

Термин «открытые инновации» ввел Генри Чесбро [6]. Процесс исследований и разработок автор рассмотрел в условиях открытой системы. Для создания инновационного продукта компания может использовать всё многообразие источников идей (внутренняя и внешняя среда), применяются исследования собственные и сторонние. Если выявленное инновационное решение не соответствует бизнес-модели компании, то получение выгоды происходит за счет использования ее другими организациями через лицензирование, создание дочерних компаний и т.д.

Анализ практических подходов. Классификация практических подходов к организации инновационной деятельности приближена к базовым теоретическим моделям.

В компании ОМЗ разработка инновационного продукта строится по линейной схеме с формированием научного задела и последующим изучением потребности рынка (рис.8) ¹. При этом заявляется

¹ Презентация представителя ОМЗ для Клуба директоров по науке и инновациям. Москва, 31.01.13.

фокусирование на потребностях клиента, кросс-функциональном взаимодействии подразделений и постоянных улучшениях продукта.

Рисунок 8. Схема инновационного процесса ОМЗ.

Аналогичен подход ГК «Ростехнологии». Широкое вовлечение организаций оборонно-промышленного комплекса в развитие инновационной экономики и формирование нового направления их деятельности по разработке, производству и продвижению на рынки гражданской высокотехнологичной продукции в рамках вновь создаваемых инновационных компаний². Базовой является линейная модель, включающая проведение фундаментальных исследований, маркетинга, прикладных исследований, коммерциализации (рис. 9).

Рисунок 9. Видение инновационной деятельности ГК «Ростехнологии».

Сохраняя линейный подход, НПО «Сатурн» в перспективе планирует организовать виртуальное проектирование и виртуальное предварительное производство продукции с применением т.н. гибких производственных единиц (рис. 10).

² Презентация представителя ГК «Ростехнологии» на Московском международном форуме инновационного развития «Открытые инновации», 2 ноября 2012 г.

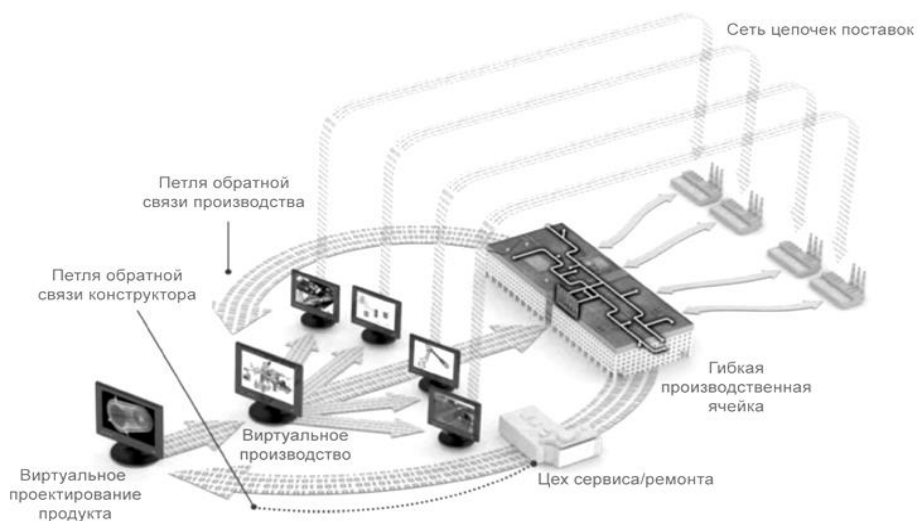

Рисунок 10. Видение развития компании к 2035 г.

Изучение опыта иностранных производителей показывает следование линейной либо совмещенной моделям организации инновационной деятельности. Однако классические схемы видоизменяются с учетом возможностей современных программно-аппаратных средств. Например, в компании Siemens, придерживаются совмещенной модели. При этом большое внимание уделяется цифровой составляющей проектирования: создание виртуальных моделей, цифровых библиотек и максимальный переход к электронному документообороту (рис. 11)³.

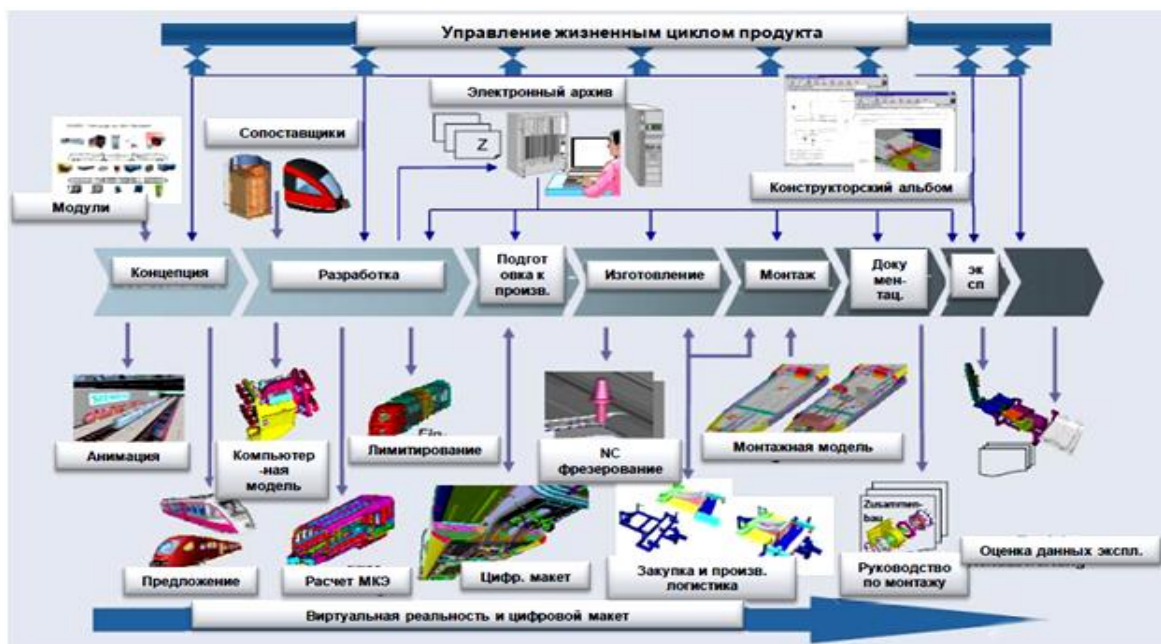

Рисунок 11. IT-цепочка от разработки до производства в Siemens AG.

³ Презентация представителя Siemens AG на выставке «Российский промышленник». Санкт-Петербург, 22.09.2016 г.

Несмотря на заявления теоретиков инноваций о низкой эффективности линейной модели инновационного процесса, в Microsoft эта модель нашла применение в совмещенном формате с учетом особенностями разрабатываемого продукта (рис. 12)⁴.

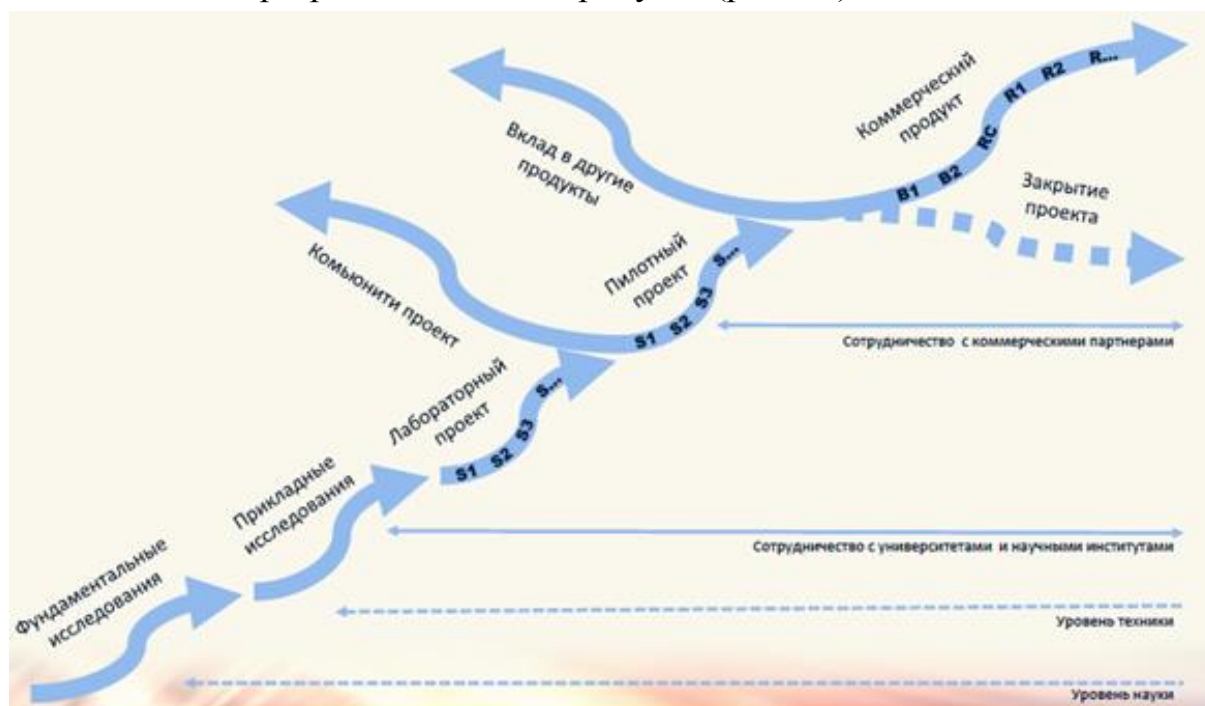

Рисунок 12. Схема организации разработок в Microsoft.

Заключение. Теоретические модели организации инновационного процесса, рассмотренные в статье, в настоящее время находят применение во всем мире в различных секторах экономики. Выбор модели зависит от множества факторов: особенностей продукции и отрасли, рыночных условий деятельности, традиций.

Ретроспективный анализ показал значительное усложнение теоретических моделей, что связано с многогранностью инновационной деятельности. Попытки описать его наиболее полно привели к трансформации линейных подходов и появлению сетевых элементов.

Анализ литературных источников позволяет выделить ряд закономерностей, присущих инновационным компаниям в настоящее время:

1. Теоретические подходы к организации инновационной деятельности на практике подвергаются адаптации в соответствии с

⁴ Презентация представителя Microsoft на встрече НП «Клуб директоров по науке и инновациям». Москва, 04.12.2012 г.

профилем и особенностями научно-производственной деятельности компании.

2. Дополнение теоретических моделей также основано на стремлении коммерческих организаций к повышению финансовых показателей деятельности, что приводит к поиску путей снижения издержек (управление рисками получения отрицательного результата исследований, виртуальное моделирование и производство) или повышения доходов (различные схемы коммерциализации результатов исследований).

3. Линейная и совмещенная модель получили наибольшее распространение, как в России, так и за рубежом.

Что касается развития теоретических подходов, то на сегодняшний день исследователи занимаются описанием моделей пятого поколения по классификации Росвелла. Эти модели отвечают рыночным условиям, позволяют сохранить высокий темп разработки новых продуктов и снизить издержки. Особое внимание уделяется вопросу применимости тех или иных моделей в странах с разными культурными, экономическими и политическими условиями ведения хозяйственной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Грицанов А.А.** Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с. – (Мир энциклопедий). – ISBN 985-6656-06-0; ISBN 985-428-431-X.
- 2. Даль В.И.** Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2001. – С. 420.
- 3. Ожегов С.И.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2001. – 944 с.
- 4.** Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. Третье издание / Организация экономического сотрудничества и развития. – Москва, 2010. – 107 с.
- 5. Сурин О.В., Молчанова О.П.** Инновационный менеджмент: учебник. – М.: Инфра-М, 2008. – 368 с.
- 6. Чесбро Г.** Открытые инновации / Чесбро, Г. – М.: Поколение 2007. – 336 с.
- 7. Шумпетер Й.** Теория экономического развития / Й. Шумпетер – М.: Прогресс, 1982. – С. 169–170.

8. Kline S.J., Rosenberg N. An overview of innovation // The positive sum strategy: Harnessing technology for economic growth / edited by Landau R. & Rosenberg N. – Washington: National Academy Press, 1986. – p. 640.

Rothwell R. Towards the fifth-generation innovation process // International Marketing Review. – 1994. – Vol.11. – No.1. – pp.7–31.

GLUKHOV Vladimir V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Politekhnikeskaya str., 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: vicerektor.me@spbstu.ru.

PETRENYA Yuri K. – General Director PJSC “Power machines”. 3A Vatutina str., Saint-Petersburg, 195009, Russia. E-mail: petrenya_yk@power-m.ru.

SHILIN Pavel S. – PJSC “Power machines”. 3A Vatutina str., Saint-Petersburg, 195009, Russia. E-mail: shilin_ps@power-m.ru.

ORGANIZATION OF INNOVATIVE ACTIVITY: REVIEW OF INNOVATIVE ACTIVITY AND PRACTICAL APPROACH

The paper is devoted to the issue of innovative activity, which is relevant as the main instrument of the enterprise competitiveness in the turbulent time of contemporary unstable market conditions. The analysis of various interpretations and regulatory documents defining the terminology database is given. The overview and history of the development of the innovation process models is provided. The authors also consider practical approaches to innovation in some domestic and foreign engineering companies.

ORGANIZATION OF PRODUCTION; INNOVATION; INDUSTRY; NEW DEVELOPMENTS; SCIENTIFIC OVERVIEW; PRACTICAL APPROACH

УДК 338.32.053.3

Е. С. Балашова

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ РЕСУРСАМИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

БАЛАШОВА Елена Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент. Высшая школа промышленного менеджмента и экономики. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: elenabalashova@mail.ru.

Управление ресурсами промышленного предприятия в экономике представлено отдельными научными школами, каждая из которых наряду с несомненными достоинствами, многократно эмпирически доказавшими свою эффективность, имеет недостатки, уменьшающие их потенциальный эффект. Позиции ученых – экономистов относительно эффективности ресурсного управления исторически находятся в прямой зависимости от конъюнктуры рыночного пространства, в которой они работали. Смена этапов развития рынка неизбежно приводят к смене школ ресурсного менеджмента. При этом проблематика ресурсного управления остается актуальной с конца XIX в. по настоящий момент, проблема выявления, оценки и использования резервов имеет особую актуальность в управлении ресурсами, так как напрямую влияет на его эффективность и оптимальность структуры ресурсных комбинаций.

РЕСУРСЫ; ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ; УПРАВЛЕНИЕ РЕСУРСАМИ; МЕНЕДЖМЕНТ; КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО

Непреходящая актуальность идеи эффективного управления ресурсами промышленного предприятия нашла свое отражение в многочисленных попытках создать систему управления совокупными производственными ресурсами, способную одновременно минимизировать операционные затраты, максимизировать качество продукции и процессов, синхронизировать движение материального потока «точно в срок» и, как следствие, максимизировать прибыль предприятия, его стоимость и инвестиционную привлекательность. Ученые-исследователи по данному вопросу не имеют единой точки зрения и предлагают кардинально отличающиеся друг от друга варианты. Актуализация проблематики школ

управления промышленными предприятиями обоснована тем, что эффективность предприятия определяется его адекватной реакцией на внешнее воздействие рыночной среды, изменения которой логично приводят к изменению принципов успешного управления и организации. При этом не требует доказательств утверждение, что «...промышленное предприятие целесообразно рассматривать как экономико-производственную систему (с учетом системного и ресурсного подходов)...» [1], поэтому управление ресурсами, являясь функциональной подсистемой организации производства предприятия, тоже менялось. Если учитывать при этом производителей товаров – субститутов (заменителей), то актуальность системы управления ресурсами как совокупности организационных технологий, повышающих эффективность организации производства, становится еще более очевидной. Основным вопросом, который традиционно обходили стороной исследователи, состоял в том, как ресурсное обеспечение должно адаптироваться к изменениям в рыночной обстановке. Другими словами, классический подход к управлению ресурсами основан на принципе статичности. Реальный сектор экономики – промышленное производство – вследствие влияния вышеперечисленных тенденций постоянно испытывает потребность в конкурентоспособной современной методологии ресурсного управления. Поскольку данная потребность возникла достаточно давно, учеными-экономистами предпринимались многочисленные попытки реализации поставленной задачи. В настоящий момент можно выделить следующие основные теории, в которых делались попытки анализа обозначенной проблемы на макро- и микроэкономическом уровнях (рисунок 1) [2]. Отдельные вопросы и аспекты моделей и теорий систем управления ресурсами появились еще в первой половине XX века в трудах многих ученых-экономистов. Ф. Тейлор стал первым, кто обратился к анализу деятельности промышленных предприятий с точки зрения науки (1911 г.), отказавшись принять существовавшее представление о самоуправляющейся системе, неподдающейся законам логики. Ключевым моментом в его размышлениях стал вопрос повышения производительности труда рабочих за счет специальных методов управления, основанных на научно

подтвержденных закономерностях, правилах, соотношениях. Тейлор анализировал рабочие процессы в поиске лучшего способа выполнения любой задачи. Он ввел сдельную систему премирования, «научно» возлагая на зарплаты роль стимула эффективной работы, и, связывая сложные производственные пути через четко задокументированный путь следования каждой детали в производстве. Ему принадлежит также идея введения стандартного учета издержек производства для распределения накладных расходов на машинное и ручное время и создания основных инструментов управления массовым производством.

Рисунок 1 – Методы, модели, школы, решающие задачи управления ресурсами

Наряду с Ф. Тейлором яркими представителями школы научной организации управления были Г. Гантт, Ф. и Л. Гилбрет. Г. Гантт продолжал и развивал теорию Ф. Тейлора, внося немалый вклад в научный менеджмент. Его главным достижением по праву считается разработка

такого инструмента планирования, как «Диаграммы Гантта», наглядно демонстрирующей фактические и плановые объемы на всех стадиях производственного процесса. Идея планирования работ занимала основополагающую роль в трудах Гантта, свои диаграммы он дорабатывал в течение многих лет. В книге «Организация труда» («Organizing for work»), опубликованной в 1919 г., описываются новые возможности диаграмм, заключающиеся в отображении текущего состояния выполнения работ, выполненных задач за месяц и за год, поступления составляющих от подрядчиков по месяцам. Ф. и Л. Гилберт принадлежат многие новаторские идеи сокращения времени тех или иных видов движений различных рабочих операций, основанных на расчете всевозможных величин, что дало основание оптимизировать рабочий процесс, устраняя лишние движения, и, разрабатывая стандартизированные операции (1911 г.) [3].

Ретроспективно истоки современных взглядов на ресурсное управление прослеживаются также в работах Р. Коуза (R. Coase) (1937 г.), особенно при изучении природы фирмы и теории отраслевых рынков.

Согласно теореме Коуза, эффективность и независимость (инвариантность) распределения ресурсов по отношению к распределению прав собственности (структура производства) остается той же самой независимо от того, кто каким ресурсом владеет. Трансакционный (контрактный) подход, предложенный Р. Коузом поставил вопрос – почему существуют фирмы, и дал ответ на него – фирмы в силу своего особого контрактного устройства обеспечивают экономию трансакционных издержек при координации использования ресурсов по сравнению с координацией, обеспечиваемой действием механизма цен, то есть рынком.

Идеи Р. Коуза позднее получили свое развитие в трудах О. Уильямсона (O. Williamson) (1975 г.), который изучал специфичность активов компании. Э. Пенроуз (E. Penrose) (1959 г.) в своих трудах впервые обращается к зависимости получения фирмой ренты и наличия отличительных способностей максимально эффективного использования имеющихся ресурсов. Дж. Стиглер (G. Stigler) (1958 г.) в теории «организации отрасли» уделил пристальное внимание нематериальным ресурсам и особенно информации, а также связанными с ними издержек.

В своем более позднем труде «Экономия на масштабах производства» (1961 г.) он развил свои идеи, дополнив их «принципом выживаемости» [4].

Основоположник современного стратегического менеджмента А. Чандлер (A. Chandler) (1962, 1977 гг.) при формировании ключевых концепций стратегического управления предприятием развивал анализ внутренних факторов (ресурсов) предприятия, предполагая их значительную роль в достижении предприятием устойчивого развития. В 1957 г. Ф. Селзник (Ph. Selznick) выдвинул и развил идею необходимости соответствия внутренних факторов бизнеса (ресурсов) и внешних факторов (условий) рынка, которая впоследствии легла в основу SWOT – анализа.

Эффективное управление и распределение экономических ресурсов стало целью многих эконометрических и математических моделей, среди которых в частности следует выделить метод «затраты-выпуск» В. Леонтьева (1930–1950 гг.), «теория оптимального распределения ресурсов» Л.В. Канторовича (1938 г.), «анализ деятельности производства и распределения», «линейное программирование и исследование операций» Т.Ч. Купманса (1951 г.), «аллокативная эффективность по сравнению с X-эффективностью» Х. Лебейнстайна (1966 г.) и прочие.

В. Леонтьев рассматривал идею ресурсного управления производственным потенциалом на макроэкономическом уровне. Теория «затраты – выпуск» («input – output»), получившая в 1973 г. Нобелевскую премию по экономике, представляет собой одну из самых совершенных идей в мировой практике по оптимизации ресурсов промышленности на макроэкономическом уровне. В. Леонтьев направлял свои основные исследования на изучение взаимозависимостей внутри экономической системы, особенно производственного сектора, с использованием метода, который он назвал анализом «затраты–выпуск» [5].

Л.В. Канторович впервые (1939 г.) обозначил задачу оптимального использования ресурсов промышленного предприятия еще в первой половине XX века. Решение данной задачи он находил в использовании экономического расчета наилучшего использования ресурсов – оптимизационной модели при принятии управленческих решений [6].

В 30-е годы XX века, в период интенсивного индустриального развития Советского Союза, Л.В. Канторович, будучи в авангарде математических исследований, приступил к решению конкретных производственных задач. В 1938 г., когда он консультировал лабораторию треста, выпускающего фанеру, перед ним была поставлена задача распределения некоторого сырья таким образом, чтобы максимизировать выпуск при некоторых ограничениях [7]. Математически эта была проблема максимизации линейной функции на выпуклом многограннике. Под влиянием идей функционального анализа, Л.В. Канторович предложил эффективный метод решения этой проблемы, получивший название «метод разрешающих множителей». Идея метода заключалась во введении новых переменных («разрешающих множителей») каждому из факторов производства. При этом оказалось, что значения искомым переменных могут быть легко определены, если известны значения «разрешающих множителей», которые в экономической интерпретации представляют собой предельные стоимости (или «внутренние цены») ограничивающих факторов производства. Л.В. Канторович, являясь основоположником линейного программирования, описал модель, основанную на представлении экономики в виде ряда главных видов производства, причем каждый вид характеризуется использованием и производством товаров и ресурсов. Отсюда выбор оптимальной программы, то есть набора интенсивностей этих действий при заданных ресурсах, требует максимизации линейной функции многих переменных, удовлетворяющих линейным ограничениям. В случае нелинейных затрат и выпусков, неопределенности исходных данных линейная модель может служить «начальным приближением» и отправным пунктом для обобщений.

Необходимо отметить, что задачи многокритериального выбора оптимального сочетания ресурсных групп для достижения максимального эффекта постоянно вызвали повышенный теоретический и практический интерес. Решение этой проблемы путем сужения множеств возможен разными способами, но особый интерес у ученых – экономистов исторически вызвали модели, основанные на принципе Эджворта-Парето, предлагающим выбор из двух и более решений, альтернатив, планов или вариантов путем использования оптимума Парето,

уточнённого Ф. Эджвортом, позволяющим формализовать большинство прикладных задач ресурсного управления. Оптимизируя частное производство, предприниматели действуют в интересах всего общества. Однако это возможно только при эффективном использовании ресурсов. Под эффективным использованием ресурсов понимается достижение наибольшей отдачи в сфере оптимального использования данных ресурсов, или, другими словами, отсутствие потерь в виде упущенной полезности. Модель была описана британским экономистом и философом Ф. Эджвортом (F. Edgeworth) (1881 г.) и получила развитие в работах В. Парето (V. Pareto) и А. Боули (A. Bowley). Ящик Эджворта является одним из инструментов в теории общего равновесия и иногда называется «ящиком обмена благ». Он удобен для анализа распределения двух благ между двумя экономическими субъектами в экономике обмена в теории потребителя или для анализа распределения двух производственных ресурсов в теории производства. Ящик Эджворта состоит из двух диаграмм с кривыми безразличия – по одной кривой для каждого индивида. Условием эффективного производства является эффективное распределение. Следовательно, именно конкуренция является естественным стимулом и организатором эффективного распределения.

Эволюция мирового экономического пространства сопровождается эволюцией экономической науки, так как изменившаяся рыночная конъюнктура меняет экономические законы взаимодействия рыночных субъектов. Организация производства в части управления ресурсами подвержена этой тенденции в полной мере. Модели и законы оптимального управления ресурсами изменились и продолжают меняться вслед за изменяющимся экономическим пространством. В настоящий момент управление ресурсами промышленного предприятия представлено отдельными научными школами, каждая из которых наряду с несомненными достоинствами, многократно эмпирически доказавшими свою эффективность, имеет недостатки, умаляющие их потенциальный эффект.

Проведенный анализ генезиса и эволюции научных подходов к проблеме ресурсного управления позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1) позиции ученых – экономистов относительно эффективности ресурсного управления исторически находятся в прямой зависимости от конъюнктуры рыночного пространства, в которой они работали. Смена этапов развития рынка неизбежно приводят к смене школ ресурсного менеджмента. Кроме того, следует отметить то, что исследуемая проблема крайне сложна, многозадачна и превосходит элементарные способы и методы решения;

2) несмотря на отмеченную динамику подходов, следует отметить, что проблематика ресурсного управления остается актуальной с конца XIX в. и по настоящий момент, при этом проблема выявления, оценки и использования резервов имеет особую актуальность в управлении ресурсами, так как напрямую влияет на его эффективность и оптимальность структуры ресурсных комбинаций. Множество видных ученых-экономистов, включая нобелевских лауреатов (В. Леонтьев, Л.В. Канторович, Т. Купманс и прочих), изучали обозначенную проблему на макро- и микроэкономическом уровнях;

3) в работе были исследованы и проанализированы классические школы, методы и модели, решающие проблемы и задачи ресурсного управления, такие как аллокативная эффективность использования ресурсов, модели многокритериального выбора, основанные на принципе Эджворта – Парето, метод «затраты – выпуск», теория фирмы, анализ деятельности производства и распределения, оптимизационные модели планирования производства, модели управления производственным запасами, теория оптимального распределения ресурсов, теория организации отрасли, транзакционный подход и другие

4) основной недостаток классических подходов к ресурсному управлению заключается в том, что они основаны на принципе статичности, в то время как в настоящий момент важен принцип динамизации (динамических изменений) процессов. Кроме того, на современном этапе развития экономики особенное значение приобретают нематериальные активы предприятия и качественное состояние основных ресурсных групп. Классические подходы к ресурсному менеджменту данные характеристики практически не рассматривали.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Тимофеев Р.А., Кулиш С.М. Анализ тенденций развития и основные понятия, характеризующий ресурсный потенциал промышленного предприятия // Проблемы современной экономики. 2009. №2 (30). С. 138–140 ISSN: 1818-3395eISSN: 1818-3409.
2. Балашова Е.С. Влияние механизма управления резервами на эффективность деятельности промышленного предприятия // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2016. №3 (245). С. 93–100.
3. Балашова Е.С. Обоснование концептуальных положений формирования и достижения долговременных конкурентных преимуществ промышленным предприятием // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. Т.15. №2. С. 171–175.
4. Детмер У. Теория ограничений Голдратта: Системный подход к непрерывному совершенствованию. – 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 444с.
5. Джордж Дж. Стиглер. Экономическая школа информации // Вехи экономической мысли. Теория фирмы. Т.2. Под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа. 1999. – С. 432–447.
6. О'Коннор Дж. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Джозеф О'Коннор, Иан Макдермотт. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 256 с. ISBN 5-9614-0335-1.
7. Марк Блауг. 100 великих экономистов после Кейнса. / Пер. с англ. под ред. М.А. Сторчевого. – СПб: Экономическая школа, 2008. – 384с.

BALASHOVA Elena S. – Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: elenabalashova@mail.ru.

GENESIS AND EVOLUTION OF INDUSTRIAL ENTERPRISE RESOURCE MANAGEMENT SYSTEMS

Resource management of industrial enterprises in the economy represented by individual academic schools, each of which, along with the undoubted advantages, many times empirically proven, has drawbacks that diminish their potential effect. The position of economists on the effectiveness of resource management historically, are in direct dependence on market space in which they worked. Change the stage of development of the market will inevitably lead to a change in schools resource management. The issue of resource control remains a pressing from the late XIX century to the present, the problem of identification, assessment and use of reserves is of particular relevance in resource management, as it directly affects the efficiency and optimality of the structure of the resource combinations.

RESOURCES; INDUSTRIAL ENTERPRISE; MANAGEMENT RESOURCES; MANAGEMENT; COMPETITIVE ADVANTAGE

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**THE PRESENT STAGE OF THE
RUSSIAN-CHINESE RELATIONS**

УДК 327.5

С. К. Песцов

РОССИЯ И КИТАЙ: ВОСПРИЯТИЕ ДРУГ ДРУГА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

ПЕСЦОВ Сергей Константинович – доктор политических наук, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ДВО РАН). Ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690001, Россия. E-mail: skpfox@mail.ru.

Россия и Китай сегодня вступают в новую эпоху двухсторонних отношений. Оптимальная модель этих отношений еще не приобрела отчетливых очертаний. Важную роль в её формировании играют так называемые «мягкие» факторы – взгляды, мнения и предпочтения, которые определяют решения и поведение людей. Данная статья посвящена анализу того, как взаимодействующие стороны видят друг друга, насколько совпадают их представления о целях, оптимальных стратегиях и желательных результатах кооперационных взаимодействий. Все это позволяет более адекватно оценить текущее состояние дел и перспективы российско-китайского сотрудничества.

РОССИЯ; КИТАЙ; МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО;
КООПЕРАЦИЯ; ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Все больше набирающие силу в последние годы взаимодействия Российской Федерации (РФ) и Китайской Народной Республики (КНР) привлекают внимание не только в России и Китае, но и далеко за их пределами. Мнения по поводу причин, содержания, возможностей, перспектив и последствий растущего сближения двух стран высказываются самые разные, варьируясь от восторженно оптимистических до тревожно алармистских сценариев [2].

Основное внимание при рассмотрении настоящих и будущих их взаимоотношений чаще уделяется «твердым» характеристикам потенциала двусторонней кооперации – географии, ресурсам, факторам производства и условиям хозяйственной деятельности. Значительно реже интерес

распространяется на так называемые «мягкие» факторы – взгляды, мнения и предпочтения, которые определяют решения и поведение людей в не меньшей степени, чем первые [17]. Однако именно они часто приобретают, на наш взгляд, определяющее значение. Адекватное восприятие друг друга взаимодействующими сторонами, совпадение, по крайней мере, в ключевых моментах, их представлений о целях, оптимальных стратегиях и желательных результатах кооперационных взаимодействий, превращаются в весьма важную составляющую оценки потенциала успешных взаимодействий и сотрудничества. Именно об этих «мягких» факторах общего потенциала российско-китайского сотрудничества о том, как обе стороны видят друг друга, понимают намерения друг друга, готовы принимать во внимание взаимные, не всегда совпадающие интересы друг друга, и пойдет речь далее.

При этом следует оговориться, что, во-первых, вряд ли можно говорить о каком-то едином взгляде китайцев на Россию или россиян на Китай. И в России, и в Китае высказывается множество самых разных, порой диаметрально противоположных, мнений по поводу друг друга. Во-вторых, необходимо учитывать, безусловно существующие различия между официальной риторикой и обычными, неформальными мнениями большого числа людей в каждой из стран. Как отмечается многими, китайцы в последнее время не очень охотно пишут о России, а в России Китай не относится к числу стран, привлекающих наибольшее внимание. В этой связи совершенно ясно, что любая попытка представления взглядов России и Китая в отношении друг друга будет хотя и не бесспорной, но, в то же время, весьма полезной с точки зрения сверки и уточнения взаимных представлений как основы для улучшения взаимопонимания и дальнейшего развития сотрудничества.

Исторический фундамент. Как и в большинстве других подобных случаев, восприятие Россией и Китаем друг друга во многом обуславливается историей их довольно продолжительных и далеко не безоблачных и простых взаимоотношений. Данное обстоятельство, не являясь определяющим, тем не менее, не может быть вообще выведено за скобки. Следует помнить, что прошлый опыт это не только «накопленные впечатления», но и основа для прогнозирования вариантов вероятного

поведения партнера. Россия на протяжении всего «века унижения» рассматривалась Китаем в ряду иностранных держав, извлекавших выгоду из его слабости и несправедливости¹. В 1920–1930-е годы вялая поддержка Москвы едва не обернулась крахом для нарождающейся Коммунистической партии Китая (КПК). Эпоха «нерушимой дружбы», начавшаяся с советско-китайского договора 1950 года, не стерла настороженности Китая в отношении СССР, воспринимавшегося в качестве ненадежного и властного союзника, за которой стояли еще и обиды за вынужденные территориальные уступки соседу, закрепленные «неравноправными договорами» середины XIX века. Признание заслуг СССР за военную, экономическую и техническую помощь в послевоенной реконструкции Китая вскоре было нивелировано резким разрывом отношений в 1960 году, обернувшимся продолжительным охлаждением отношений между двумя странами. Взаимная неприязнь, доходившая до прямого вооруженного столкновения, сохранялась в течение трех десятилетий. «Однобокая, клиентистская природа отношений («старший брат» / «младший брат») привела к формированию антагонистических восприятий: китайцы стали смотреть на Советы как нестерпимо высокомерные; Советы воспринимали китайцев, как капризных и неблагодарных» [3, р. 19]. Эхо этого сложного исторического наследия, безусловно, существенно ослабленное сегодня, тем не менее, не может не оказывать влияния на то, как обе стороны видят друг друга.

Современные представления. Китайцы всегда рассматривали Россию в качестве великой державы. И пока что в их представлениях она остается таковой. Вместе с тем, нельзя не заметить наметившуюся в последние годы эволюцию взглядов. В декабре 2015 года агентство «Синьхуа» обнародовало развернутый комментарий, посвященный России [11; 8]. Главным его выводом стала констатация того, что экономика России переживает системный кризис, а сама она оказалась в стратегическом тупике. Структурный кризис российской экономики, суть которого заключается в деиндустриализации и упадке сельского хозяйства,

¹ «Веком унижения» Китая называют период с Нанкинского договора 1842 года и до образования КНР в 1949 году. В этот период Китай переживает иностранные вторжения, крестьянские восстания, гражданскую войну, экономический и политический коллапс, многочисленные катастрофы и стихийные бедствия.

начался, по мнению китайских экономистов, еще в 2012 году. Этот кризис стал причиной нарастания в 2014–2015 годах финансово-экономической нестабильности. И, как полагают китайские специалисты, выйти из этой ситуации не представляется возможным без ликвидации диспропорций в развитии финансового и реального секторов экономики, масштабы которых только нарастают. Как утверждает директор Института России при Китайской академии современных международных отношений Фэн Юйцзюнь, Россия в результате украинского кризиса вовлекла себя в самый серьезный стратегический тупик, что ставит вполне обоснованный вопрос о том, сможет ли она выдержать это испытание. Все это подтверждает постепенно укрепляющийся в Китае взгляд на Россию как на довольно слабого, экономически все более отстающего «младшего» партнера². Данная публикация привлекла внимание российских СМИ в связи с её появлением на официальном новостном канале, однако материалы, посвященные кризису российской экономики, регулярно публикуются и многими другими китайскими медиа. Если судить по их заголовкам, то Россия для китайской аудитории «предстает как страна с кризисной и слабой экономикой, не способной меняться и весьма милитаризованной, с сильным лидером, но склонной к конфронтации во внешней политике. Россия также боится потерять свое влияние в Средней Азии, и постоянно воспринимает китайские инвестиции как поползновения на свои «имперские» владения. Китайцы с пониманием относятся к этому, но, как правило, напоминают, что Россия – это не Российская Империя» [19].

Любопытным в этой связи являются перемены в интерпретации истории взаимоотношений двух стран, также проливающие свет на современные восприятия китайцами России. Во-первых, современный интерес в Китае к России и истории китайско-российских отношений во многом связан с желанием извлечь опыт и избежать ошибок, которые привели Россию к нынешнему состоянию [6, с. 11]. Последняя в этом случае выступает в роли «учителя наоборот», учителя того, чему учиться

² Хотя довольно распространенной в Китае является и противоположная точка зрения, в соответствии с которой «большинство «теорий краха России» – это субъективные измышления западных политиков и СМИ. Если подобные идеи распространяются в китайском Интернете, то это не более чем бездумное повторение фраз западных деятелей или же воспроизведение чужой точки зрения от незнания реальной обстановки в России» [4].

не следует [10, с. 494–520]. Во-вторых, смысл содержания основной массы работ по истории двусторонних отношений заключается в формировании у читателей впечатления об этой истории как «практически непрерывных войнах или как о борьбе Китая против «агрессии» и «неравноправия» со стороны России с начала наших отношений в XVII в. и до конца XX в.» [10]. Аналогичный посыл содержат и неофициальные интерпретации истории, одним из примеров которых может служить анимационный сериал «Былые дела зайца в те годы»³. Это проект, включающий 24 серии, приобрел широкую популярность в китайском интернете, а количество просмотров только на одном из видео-хостингов Китая превысило 22 млн. В заключительной его части рассказывается о том, как обманутый и разъяренный голодом медведь (Россия) становится жертвой манипуляций хитрого зайца (Китай), соглашаясь на совместную борьбу против орла (США). Умный заяц в очередной раз переигрывает всех, заполучив от России авианосцы, которые могла бы достроить «великая страна, но этой страны больше уже не будет». «Кто бы мог подумать, что китайские войска станут гостями в Москве, – размышляет в конце сериала заяц, глядя на то, как под музыку и плач медведей, чьим знаком теперь является не серп и молот, а иероглиф «да» («большой», «старший»), марширует рота зайцев. Завершает сериал нарезка видео московского парада 9 мая 2015 года и поющая «Катюшу» рота солдат НОАК, шагающих по Москве [7].

Тренд меняющихся далеко не в лучшую сторону представлений китайцев о России отражают и распространяющиеся в китайском интернете критические публикации о реалиях современной ситуации. В качестве примера можно сослаться на статью «Те, кого мы считаем друзьями, относятся к Китаю хуже всего, и наоборот». В ней, в частности, констатируется, что в России китайцам не очень хорошо: они боятся скинхедов и склонны считать, что Россия является самой

³ Первая серия этого анимационного сериала появилась в сети 5 марта 2015 года. Создателем и автором идеи является уроженец южнокитайского порта Сямэнь Линь Чао. Первоначально идея была реализована в серии комиксов, появившихся в 2011–2012 годах и отражавших период истории Китая с момента заключения Нанкинского договора с Великобританией до наших дней. Недавно нарезка из сериала была использована для военно-патриотического ролика в честь «Движения 4 мая». Одно из ключевых мест в отражении китайской истории этим сериалом занимают отношения с Россией [7].

коррупцированной из всех государств СНГ⁴. Еще более существенной проблемой, чем сохраняющаяся враждебность, является растущее безразличие. Все большее число молодых китайцев воспринимают Россию как фактор, не имеющий отношения к их жизни, что, в частности, подтверждается числом китайцев изучающих английский язык по сравнению с русским [3, p. 21].

Представления россиян о Китае также переживают некоторую эволюцию, хотя происходит это заметно медленнее. В России признают факт стремительного роста и экономические успехи Китая. Как правило, эти его достижения рассматриваются на фоне все более уступающих свое первенство США, что вызывает особое удовлетворение значительного числа российских граждан. Чрезвычайно редко хозяйственные успехи Китая сопоставляются в России с ее собственными достижениями, что способствует сохранению все более безосновательных убеждений относительно если не превосходства, то, как минимум равенства со своим восточным соседом. «России, – в соответствии с довольно распространенным мнением, – по большому счету, ничего от Китая не надо – ни территорий, ни новейших технологий, ни военной поддержки. Во всех этих сферах Россия и до сих пор Китай превосходит и является полностью независимой от него. Наоборот, это Китай всегда требовал того, чего у него нет, а есть у России – территории, природные ресурсы, технологии производства оружия» [15]. Несмотря на очевидные экономические успехи и достижения, Китай не воспринимается в России ни в качестве эффективной хозяйственной модели, ни как пример для подражания. Как считают некоторые российские экономисты, исходные условия, обеспечившие быстрый рост Китая (бедное, многочисленное сельское население, низкие стартовые позиции и т.п.), в России отсутствуют, а потому опыт соседа для нее не является релевантным. Больше того, они критически оценивают способность Китая в будущем поддерживать высокие темпы своего роста, указывая на внутренние противоречия и трудности, с которыми ему с неизбежностью придется столкнуться [17, с. 22].

⁴ Вообще, Россия для китайцев – страна, в которой следует быть очень осторожными. Появился даже специальный термин – «три страха» (三怕 сань па), которые поджидают их в России, – это полиция, пограничный контроль и скинхеды [18].

Столь же устойчивыми остаются представления значительной части россиян относительно сохраняющегося технологического превосходства российской экономики по сравнению с китайской, которая в основном способна производить низкокачественную продукцию на основе копирования и заимствований. Как признают сами российские специалисты, среди значительной части российских граждан распространены представления о Китае таким, каким он был двадцать лет назад – экономически слаборазвитым, технологически отсталым и готовым на любые предложения и соглашения. «При всех успехах Китая, – констатирует в этой связи Д. Тренин, – россияне не считают его особенно привлекательной страной в плане модернизации и инноваций» [17, с. 13]. Весьма живучими в сознании россиян остаются и мнения о Китае как угрозе, во многом основывающиеся не на реальных фактах, а на вызывающих чувство неуверенности его размерах и численности населения [12]. Разного рода опросы общественного мнения фиксируют опасения жителей России по поводу угрозы распада страны и укоренившиеся представления о Китае и китайских мигрантах как главной угрозе территориальной целостности страны [1].

В общем, в сегодняшнем Китае все больше распространяется представление о России как не очень трудолюбивой стране, богатой благодаря лишь наличию огромного ресурсного потенциала и сохраняющей влияние вследствие обладания ядерным оружием. В ближайшем будущем она, полагают в Китае, скорее всего, останется такой же, как и сегодня: политически стабильной и экономически неустойчивой, с ярко выраженными амбициями великой державы. Влияние России в мире, а, соответственно, и во внешней политике Китая, вероятно, будет снижаться, хотя значение ее в качестве слабеющей, но по-прежнему крупной мировой державы, ближайшего соседа и потенциальной сырьевой базы для продолжающейся модернизации Китая, скорее всего, сохранится.

Для России Китай, как и ранее, не входит в число важнейших внешнеполитических приоритетов, хотя его стремительный экономический подъем порождает смешанные чувства опасений и желания воспользоваться его окрепшим хозяйственным потенциалом в своих

интересах. Для многих российских граждан «...политическая система Китая представляется непрозрачной, а долгосрочная стратегия его руководства – неясной. Большинство из них не имеют четкого мнения о соседней стране, хотя многие относятся к ней с подозрением» [17, с. 20]. В целом, можно согласиться с тем, что современное состояние взаимоотношений двух стран характеризует удивительное сочетание физической близости и нарочитой теплоты официальной риторики, с одной стороны, но психологического и культурного отчуждения, равнодушия большей части элиты и общественности обеих стран по отношению друг к другу, с другой [3, р. 1].

Двухстороннее сотрудничество. Практическое сотрудничество России и Китая, которое на современном этапе отличается очевидным оживлением, развивается на двух, слабо связанных между собой уровнях – стратегическом (глобальном) и тактическом (региональном). Цели и содержание этого сотрудничества определяются общим видением обеими странами своего нынешнего и желаемого места в мире. С этой точки зрения, Россия и Китай исповедуют прямо противоположные подходы. Россия стремится к тому, чтобы считаться великой державой, чтобы ее рассматривали в качестве таковой вне зависимости от демонстрируемых ею результатов в экономике или внутренней организации. С другой стороны, Китай, не декларируя публично претензий на роль мировой державы, прилагает все усилия для подведения реального фундамента под намерения стать таковой. Главным оппонентом для обеих сторон выступают США как единственная доминирующая в современном мире сила, которая должна признать (в случае РФ) или принять (в случае КНР) их равенство в мировых делах. Двухсторонние отношения на этом уровне с неизбежностью трансформируются в трехсторонние. И для России, и для Китая их «стратегическое партнерство» важно постольку, поскольку, с одной стороны, оно снижает опасность образования каждым из них более тесного альянса с США, и, с другой, позволяет оказывать влияние на поведение мирового гегемона. Таким образом, взаимодействие на стратегическом уровне вовсе не предполагает укрепления или углубления всесторонних связей между РФ и КНР, а большое число договоренностей и соглашений, остающихся нереализованными, вполне соответствует их декларативному

характеру. Игра на этом уровне опирается на взаимные представления России и Китая о действительных стратегических ориентирах друг друга. По мнению Китая, в числе основных приоритетов России остается, и будет оставаться Европа или, шире, атлантическое направление. Российская же сторона убеждена, что основные амбиции Китая в ближайшем будущем будут по-прежнему обращены на восток и юг, а вовсе не на север. Единственной возможной точкой конфликта интересов может оказаться только Центральная Азия. Однако здесь, как показывает практика, стороны неявным образом примирились с тактикой «уважительного вытеснения» России Китаем в рамках «взаимовыгодной» кооперации в рамках ШОС. «...Китай, – как признают российские специалисты, – стремясь показать, что у него довольно широкий фронт партнёрства, разыгрывает российскую карту так же, как мы – китайскую [13].

Кооперация России и Китая на региональном уровне является для обеих сторон предметом вторичного интереса. Обусловливается это целым рядом причин. К ним, в частности, относится уже упоминавшаяся разнонаправленность стратегических ориентаций, а также тот факт, что стороны физически соприкасаются друг с другом своими периферийными, относительно неразвитыми частями своих территорий. С одной стороны, это российский Дальний Восток (РДВ), слабо населенный, неразвитый экономически и инфраструктурно, с другой, северо-восток КНР (Дунбэй), китайский «ржавый пояс» с высоким уровнем безработицы и относительно вялыми, по сравнению с другими регионами, темпами экономического роста. Некоторая взаимная заинтересованность в содействии их экономическому и социальному подъему в какой-то степени подталкивает стороны к расширению трансграничной кооперации. Тем не менее, в стратегическом контексте РДВ и Дунбэй остаются «тылом» для обеих стран, спокойствие и безопасность которых позволяют сосредоточить усилия на более актуальных направлениях и задачах. А высоко централизованные системы управления, отличающие как Россию, так и Китай, оставляют мало пространства для самостоятельной реализации локальных интересов.

Что еще более важно, развитие сотрудничества на этом уровне осложняется несовпадающими представлениями сторон о его смысле и

содержании. Китай последовательно продвигает идею о том, что его северо-восток и Дальний Восток России представляют собой «естественную экономическую территорию», несмотря на ее разделение, время от времени, политическими границами. Для российской стороны, которую пугает призрак сепаратизма, данная идея не выглядит привлекательной. Одновременно с этим, Китай декларирует приверженность концепции международного разделения труда на этой территории, основывающейся на «сравнительных преимуществах». На первоначальном этапе (конец 1980 – начало 1990-х годов) эта концепция объединяла Китай, как поставщика рабочей силы, Японию, как основного инвестора, и Россию, как источник сырья. В последние годы Китай, оставаясь источником трудовых ресурсов, потеснил Японию в качестве инвестора, по-прежнему отводя РФ роль сырьевой базы. Россия, со своей стороны, традиционно с опаской воспринимая возможность широкого притока китайских рабочих рук, отвергает такую трактовку сравнительных преимуществ. Она в корне противоречит ее пониманию собственной идентичности как возрождающейся великой державы. Основным интересом России, поэтому сосредоточивается на китайских инвестициях для развития собственного промышленного производства. Так, в июне 2016 года Дискуссионный клуб Валдай издал четвертый доклад «К Великому океану», формулирующий общее видение российского Дальнего Востока и России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Хотя экономика России на Дальнем Востоке основана на сырьевых товарах, подчеркивает в нем, моделью развития для него является создание ориентированного на экспорт производства, а также привлечения иностранных инвесторов, которые будут финансировать эту индустриализацию [16, р. 17–22]. У Китая такая позиция вызывает недоумение, поскольку он ожидает от России, как более слабого партнера, присоединения к его инициативам, в рамках которых торговля и инвестиции должны приносить пользу его собственной экономике. Неудивительно, в силу расхождения представлений о региональном сотрудничестве, что большая часть попыток активизации двухсторонних взаимодействий на этом уровне не принесла удовлетворения ни одной из сторон.

Так, в октябре 2009 года премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао предложил проект региональной экономической интеграции РДВ–Дунбэй, в качестве дополнительного соглашения в рамках российско-китайских переговоров по ВСТО. Этот проект, названный «Программой сотрудничества между Северо-Востоком Китайской Народной Республики и Дальним Востоком и Восточной Сибирью Российской Федерации (2009–2018 гг.)», не привлек широкого внимания и, в конечном счете, так и остался на бумаге, приведя к экономическим потерям с китайской стороны. Подозрения Китая в незаинтересованности России в предлагаемых им проектах реальной экономической интеграции вынуждают его активизировать односторонние усилия. В марте 2015 года МИД КНР обнародовал документ под названием «Видение и Действия по Совместному Строительству Экономического Пояса Шелкового Пути и Морского Шелкового Пути XXI века» [5]. В соответствии с ним российский Дальний Восток вместе с китайскими провинциями Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и транспортными сетями на суше и на море был включен в план действий по этому проекту. Это представлено как уже свершившийся факт, хотя окончательное мнение российской стороны к этому времени все еще оставалось не вполне неопределенным. Большинство китайских специалистов также считают включение интеграции РДВ–Дунбэй в этот проект делом решенным, полагая, что это будет способствовать росту Китая и экономической глобализации [9]. При этом, вопрос о том, насколько это поможет хозяйственной модернизации России практически не обсуждается.

Российские же специалисты продолжают сомневаться в возможностях решения стоящих перед страной задач путем расширения сотрудничества с Китаем. Если Россия хочет модернизировать экономику, выходить на уровень высоких технологий, создавать производства, полагают они, следует иметь в виду, что необходимого технологического потенциала в Китае пока нет. У России нет опыта равноправного сотрудничества с Китаем, и пока что ее надежды несколько превышают желание Китая вносить достойный вклад в развитие ее экономики, а не просто импортировать сырье [14].

Несомненно, Россия и Китай сегодня вступают в новую эпоху двухсторонних отношений. Оптимальная модель этих отношений еще не приобрела сколько-нибудь отчетливых очертаний. Пока что сложно сказать, учитывая сложное историческое наследие, меняющиеся роли и окружение, насколько быстро и успешно такая модель будет формироваться. Очевидно, однако, что обе стороны, являясь близкими соседями, должны быть заинтересованы в позитивном сценарии. Одним из необходимых условий его реализации является четкое, лишённое иллюзий и предрассудков, понимание и учет интересов, целей и ценностей друг друга. Столь же важным является обращение большего внимания на менее масштабные, но приносящие реальные выгоды, совместные шаги, укрепляющие материальную основу двухсторонних взаимодействий, так же как взаимный интерес и понимание друг друга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Аликин А., Петров К.** Русскому китаец – угроза на век [Электронный ресурс] URL: <http://rusplt.ru/policy/russkomu-kitaets--ugroza-na-vek.html>.
- 2. Bobo Lo.** China and Russia. Common Interests, Contrasting Perceptions // CLSA. Asian Geopolitics. Special Report. May 2006. 31 p.
- 3. Bobo Lo.** How the Chinese See Russia // Russie. Nei. Reports. No 6. Paris: Russia/NIS Center, 2010. 30 p.
- 4. Ван Хайюнь.** «Теории краха России» сильно расходятся с действительностью [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/politic/20160501/236368406.html>.
- 5.** Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Issued by the National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, and Ministry of Commerce of the People's Republic of China, with State Council authorization. March 2015 [Электронный ресурс] URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease /201503/ t20150330_669367.html.
- 6. Габуев А.** Китайские советы // Коммерсантъ Власть. № 40. 13.10.2014 [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2584423>.
- 7.** «Дела зайца в те годы» – как китайцы видят историю своей страны и отношения с Россией в одном из самых популярных мультфильмов Китая [Электронный ресурс] URL: <http://orientalist-v.livejournal.com/1176100.html>.
- 8. Забелина Н.** Россия зашла в стратегический тупик [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/economics/2015-12-18/1_tupik.html.
- 9. Zhang Keyun and Cai Zhibing.** Globalization 4.0, Regional Coordinated Development 4.0, and Industry 4.0: The Background to the «One Belt, One Road» Strategy and Its Intrinsic Nature and Critical Power // ERINA Report. No. 127. December 2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.erina.or.jp/wp-content/uploads/2015/02/se12719_tssc.pdf.

10. Зарубежное россиеведение : учебное пособие / Минобрнауки РФ, Рос. гос. гуманит. ун-т ; под ред. А. Б. Безбородова. – Москва : Проспект, 2014. – С. 494–520.
11. **Иванов А.** Китай «списывает» российское правительство [Электронный ресурс] URL: <http://svpressa.ru/politic/article/138622/>.
12. Китай спит и видит: генерал Уманец заявил, что Россию может ожидать судьба Крыма [Электронный ресурс] URL: <http://obozrevatel.com/abroad/71346-kitaj-spit-i-vidit-general-umanets-zayavil-cto-rossiyu-mozhet-ozhidat-sudba-kryima.htm>.
13. «Новая экономическая нормальность» или взгляд на Китай без розовых очков [Эл. ресурс] URL: <http://www.fa.ru/dep/press/about-us/Pages/Novaya-ekonomicheskaya-normalnost-ili-vzglyad-na-Kit.aspx>.
14. Россия и Китай – вперед в светлое будущее? [Электронный ресурс] URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document272628.phtml>.
15. **Сандул Ю.** США – Китай – Россия: третьего лишнего не будет [Электронный ресурс] URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-politycs/2164723-ssakitajrossia-tretegolisnego-ne-budet.html>.
16. Towards the Great Ocean 4: Turn to the East: Preliminary Result and New Objectives. Valdai Discussion Club Report. Moscow, June 2. 2016. Pp. 17–22 [Электронный ресурс] URL: <http://valdaiclub.com/files/10920/>.
17. **Тренин Д.** Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг. М.: Центр европейских реформ, Московский Центр Карнеги, 2012. 70 с.
18. **Чеснокова Т.** Чем русские удивляют китайцев [Электронный ресурс] URL: <http://www.daokedao.ru/2015/06/12/chem-russkie-udivlyayut-kitajtsev/>.
19. **Шишкина Н.И.** Россия в заголовках китайских СМИ [Электронный ресурс] URL: <http://rusrand.ru/analytics/rossija-v-zagolovkah-kitajskih-smi>.

PESTSOV Sergey K. – Institute of Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. Far East Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya st., 89, Vladivostok, 690001, Russia. E-mail: skpfox@mail.ru.

RUSSIA AND CHINA: THE PERCEPTION OF EACH OTHER AND THE PROSPECTS FOR COOPERATION

Russia and China are entering a new era of bilateral relations. The optimal model of these relations has not yet acquired distinct outlines. An important role in its formation is played by so-called «soft» factors – views, opinions and preferences – that determine the decisions and behavior of people. This article is devoted to an analysis of how the interacting parties see each other, how much their ideas on goals, optimal strategies and desirable results of cooperative interactions coincide. All this allows us to more adequately assess the current state of affairs and prospects for Russia-China cooperation.

RUSSIA; CHINA; INTERSTATE COOPERATION; COOPERATION; PUBLIC OPINION

УДК 327.5

А. Б. Волынчук

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

ВОЛЫНЧУК Андрей Борисович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела международных отношений и региональной безопасности. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ДВО РАН). Ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690001, Россия. E-mail: i-abv@yandex.ru.

В статье рассматриваются характер взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики в условиях роста глобальной нестабильности. Сложная геополитическая и экономическая обстановка в мире привела к активизации внешнеполитической активности России и Китая. При решении острых международных проблем обе страны занимают согласованную позицию. Многими экспертами это расценивается как серьезные предпосылки для образования российско-китайского военно-политического союза. И если о полноценном военном союзе между Москвой и Пекином говорить преждевременно, то полномасштабное экономическое сотрудничество уже является реальностью. Даже несмотря на все издержки санкционного давления.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ; ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ; СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО; СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

В последние годы наметились важные перемены геополитической обстановки в мире. Главными драйверами этих изменений выступают внешнеполитические позиции Российской Федерации (РФ) и Китайской Народной Республики (КНР) по целому ряду актуальных вопросов безопасности и глобального развития.

Сирия, иранская ядерная проблема и украинский кризис ярко высветили комплекс геополитических противоречий, существующих между Россией и странами исторического Запада. А «Крымская весна» и гражданская война на Донбассе стали последней чертой, отступать за которую Москва категорически отказывается. Даже под угрозой

политической изоляции и применением экономических санкций Россия не меняет своей позиции. Западный вектор ее внешней политики перестал быть основным и уступил свое значение дальневосточному направлению. Нельзя сказать, что это направление ранее вообще не развивалось. Оно всегда определялось руководством страны в качестве одного из приоритетных. Однако главный акцент всегда все-таки делался на Европе.

Санкционное противостояние, которое длится уже три года, потребовало активизации альтернативных линий взаимодействия: Россия – Бразилия, Россия – Иран, Россия – Индия, Россия – Китай. Последняя «связка», в силу особенностей геополитического развития стран и их статусов, обладает серьезным потенциалом изменения баланса сил в мире. В этой связи, следует констатировать, что сближение Москвы и Пекина имеет долгосрочный характер. «Многие западные эксперты сходятся во мнении, что Китай и Россия разделяют стремление подорвать мощь США и добиться более многополярного мирового порядка» [14]. За последние годы позиции России и Китая по решению целого ряда острых международных проблем заметно сблизилась.

Активизация партнерских взаимодействий с Россией, которая находится в состоянии острого конфликта с лидерами западной цивилизацией, в свою очередь может стать для Пекина эффективным инструментом возвышения собственного статуса. Будучи основным претендентом на роль главной экономической державы, Китай серьезно уступает своему оппоненту – Соединенным Штатам Америки, в уровне военного и политического потенциала. Поэтому Пекину, для достижения глобального лидерства, требуется мощная союзническая поддержка, которую он может обрести только в лице Москвы. «В этом смысле наши страны являются партнерами не только в силу своего соседства и интереса к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству, но и вследствие совпадения стратегических целей в мировых делах. Россия и Китай заинтересованы в изменении существующего мирового порядка, то есть в ликвидации англосаксонской гегемонии как в военном, так и в финансово-экономическом и идеологическом планах» [3].

Развитие российско-китайского сотрудничества на мировой арене может многое дать обеим странам. Тем более, что обе страны обладают

эффективным инструментом влияния на мировые дела. И Москва, и Пекин, являясь постоянными членами Совбеза ООН, наделены правом вето, которым они, особенно в последнее время, весьма эффективно пользуются при реализации своих интересов [11].

В настоящее время бурно развивающийся Китай позиционирует себя как сила, набирающая глобальную значимость. Он ищет равноправного сотрудничества с мировым сообществом в поддержании глобальной и региональной стабильности. Но экономическое развитие Китая на основе интеграции в мировую экономику вызывает ответную, и не всегда в пользу Китая, реакцию со стороны США, ЕС, Японии. Пока в КНР сохраняются авторитарный режим и монополия Коммунистической партии Китая (КПК) на политическую власть, Китай останется для них «чужим» в политике. Подобная реакция, в свою очередь, требует ответных действий Китая, чтобы сохранить выгодную ему внешнюю среду развития. В этом плане стратегическое партнерство с Россией помогает Китаю обеспечить свое развитие в региональном и глобальном масштабах и противодействовать попыткам Запада ограничить его влияние на международной арене [9, с. 48].

Российско-китайское экономическое сотрудничество в пределах трансграничного региона «Северо-Восточная Азия» за последнее десятилетие вышло на уровень стратегического партнерства. На уровне правительств были скоординированы региональные программы развития – российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. В качестве стратегического приоритета социально-экономического развития дальневосточных территорий обеих стран был объявлен курс на объединение усилий в модернизации экономического потенциала и улучшение качества жизни людей.

С начала 1990-х гг. в окраинных регионах Китая функционирует «приграничный пояс открытости»; около двух десятилетий китайские власти стимулируют развитие приграничной торговли с Россией, Казахстаном, Северной Кореей, Монголией, Мьянмой, Вьетнамом, подчеркивая, что это путь для процветания приграничных территорий. Политика «открытых дверей» в приграничных регионах КНР была нацелена на создание благоприятных условий для жизни населения и для коммерции. В 1992 г. Госсовет КНР присвоил статус «открытых

приграничных городов» более чем 13 городам, уездным центрам и поселкам, в числе которых были Хэйхэ и Суйфэньхэ (провинция Хэйлуцзянь), Маньчжоули и Эренхот (АР Внутренняя Монголия), Хуньчунь (провинция Цзилинь), Дандун (провинция Ляонин). На специально выделенных территориях большинства этих населенных пунктов были созданы зоны приграничного экономического сотрудничества. Наиболее успешными из данных провинций по динамике внешнеторгового оборота стали провинция Хэйлуцзянь (увеличение более чем в 33 раза), Цзилинь (19 раз) и Ляонин (11 раз) [7, с. 61].

Российско-китайское стратегическое партнерство, несмотря на относительно невысокий по сравнению с другими крупными партнерами Китая (США, Японией, ЕС) уровень торгово-экономических связей, чрезвычайно важно для КНР. В настоящее время Россия и Китай имеют прочную договорно-правовую базу для развития экономических связей. Она включает межправительственные соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, о поощрении и взаимной защите капиталовложений, о научно-техническом сотрудничестве, об избегании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы, о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах, о сотрудничестве в области защиты интеллектуальной собственности и др., а также десятки межведомственных соглашений. Особо следует отметить подписанный 16 июля 2001 г. Договор между КНР и РФ о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который является официальным программным документом, определяющим перспективы долгосрочного развития китайско-российского стратегического сотрудничества [8, с. 196].

Важным шагом по восстановлению своего геополитического статуса в Северо-Восточной Азии Россия сделала накануне 2012 года, решив провести во Владивостоке ежегодный форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Правильность этого решения стала очевидной уже через два года, когда диверсификация внешнеполитических и экономических интересов Москвы превратилась в своеобразный страховой полис от похолодания отношений с Европой. Азиатский разворот России имеет явный китайский акцент. В настоящее

время российско-китайские отношения переживают наилучший период с момента распада Советского Союза. Две страны углубляют сотрудничество по всему спектру межгосударственных отношений, от торговых до военно-политических. Своего апогея они достигли в мае 2015 г., когда накануне парада, посвященного Победе в Великой Отечественной войне, Россия и Китай объявили о подписании 32 двусторонних соглашений в различных сферах, начиная с проектов в сельском хозяйстве и заканчивая изучением космоса.

В рамках этих договоренностей запланировано увеличение в течение трех лет объемов кредитования российских компаний китайскими банками до 25 млрд. долл. Весь комплекс соглашений дополняют 400-миллиардную сделку, заключенную в мае 2014 г., в рамках которой Россия будет ежегодно поставлять в Китай по восточному маршруту «Сила Сибири» 38 млрд. м³ природного газа с 2018 по 2048 год [16].

Энергетика не единственная область сотрудничества. В настоящее время более 60 субъектов Российской Федерации имеют контакты с провинциями КНР. Максимальная интенсивность трансграничных российско-китайских связей характерна для региональных контактов между краями и областями Восточной Сибири Забайкалья, Приамурья и Приморья по российскую сторону границы и административными единицами Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии. Россия и Китай договорились о создании сельскохозяйственной зоны свободной торговли между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян с прямым обменным курсом между рублем и юанем, а также льготной политикой в отношении высокотехнологичных сельскохозяйственных предприятий обеих стран [6].

В структуре российского экспорта в Китай также наметились положительные изменения. В российских поставках планируется значительно увеличить долю высокотехнологичной продукции. Уже подписано соглашение между Российско-китайским инвестиционным фондом (РКИФ) и Правительством провинции Шэньси о продвижении 100 российских самолетов SSJ-100 в Китае и в Юго-Восточной Азии. Ориентировочный объем сделки может составить более 3,6 млрд. долл. [4].

В военно-технической сфере стороны договорились о покупке

Китаем 24 реактивных истребителей Су-35 и шести зенитных ракетных комплексов С-400. «Военное вооружение и техника, которые Россия собирается продавать Китаю, являются передовыми разработками, принятыми на вооружение в самих Вооруженных Силах РФ. Это, несомненно, говорит о близких отношениях двух стран» [12].

Эти сделки с Китаем должны не только поддержать российскую экономику в условиях западных санкций, но и позволят выйти к 2020 г. на намеченный объем российско-китайской торговли в 200 млрд. долл. в год.

Однако инициативы российского и китайского руководства далеко выходят за рамки торгового партнерства. Россия и Китай стремятся на практике реализовать концепцию многополярного устройства мира, тем самым нарушить политическую гегемонию США. Первыми шагами на пути к этому стало создание новых многонациональных институтов. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), экономический форум стран развивающихся рынков БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и другие организации, созданные в последние годы, имеют своей целью снизить влияние традиционных / старых институтов и, в тоже время, повысить роль/статус стран-учредителей и их независимость в принятии решений. Особое место в ряду подобных инициатив Москвы и Пекина занимают Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и проекты «Новый экономический пояс Великого шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI века», которые часто называют «Один пояс, один путь».

Цель ЕАЭС – обеспечение условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения, всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

«Один пояс, один путь» – проект создания транспортного, энергетического, торгового коридора между странами Центральной, Южной Азии и Европы, направлен на интенсификацию научно-технического сотрудничества и углубление экономического взаимодействия между государствами. Идея создания проекта была выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 года.

Современный проект предусматривает формирование единого евроазиатского торгово-экономического пространства и трансконтинентального транспортного коридора. Для КНР одна из основных целей реализации проекта состоит в сокращении сроков доставки грузов из Китая в Европу (с 45–60 суток до 10–13 дней).

Со временем в планах по реализации китайского проекта «Нового шелкового пути» появились новые важные акценты. Министр иностранных дел Китая Ван И заявил о необходимости создания китайско-монгольско-российского экономического коридора. Таким образом, трансевразийский путь пойдет двумя дорогами – Европа и Китай будут соединены через Россию и Среднюю Азию. Создание китайско-монгольско-российского коридора будет означать воплощение китайской идеи построения экономического пояса «шелкового пути» «Один пояс – Один путь», монгольской идеи «степного пути» и российской идеи трансевразийского коридора» [11].

С тех пор, как осенью 2013 года Си Цзиньпин выдвинул концепцию «Нового шелкового пути», китайцы ведут активную подготовительную работу. В прошлом месяце китайский премьер Ли Кэцян объявил о создании инвестиционного фонда Silk Road Company, который займется финансированием проекта – озвучив пока что сумму в 40 млрд. долл. Но деньги здесь имеют лишь прикладное значение, к тому же вкладываться в проект готовы не только китайцы, но и исламские страны, и европейцы, многие из которых уже объявили о присоединении к созданному Китаем Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций. Другая часть работы по продвижению проекта – то, что Россия и Китай будут совместно делать через ШОС, которая уже расширилась за счет Индии и Пакистана. На очереди Иран и Белоруссия.

Таким образом, в основе реализации наземной части «Великого Шелкового пути» лежит строительство трех транспортных коридоров: северный, проходящий через Россию, центральный и южный (он же морской). Помимо чисто экономического измерения проект «Шелковый путь» имеет и геополитическое значение. Трансконтинентальный торгово-транспортный коридор способен экономически и, со временем, политически объединить евразийское пространство вокруг азиатского центра.

В мае 2015 г. президент России Владимир Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подписали заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и экономического пояса «Шелковый путь» [2]. В.В. Путин заявил, что сотрудничество Москвы и Пекина в рамках ЕАЭС и торгово-инфраструктурного проекта «Экономический пояс Шелкового пути» может в перспективе привести к формированию общего экономического пространства на всем Евразийском континенте. «Именно о возможности сопряжения этих интеграционных моделей говорится в подписанном с председателем Си Цзиньпином совместном заявлении. По сути, речь идет о выходе в перспективе на новый уровень партнерства, подразумевающий общее экономическое пространство на всем Евразийском континенте» [5].

Перспектива объединения двух евразийских проектов способно полностью изменить геополитическую ситуацию на континенте. Географически фокус мировой политики должен переместиться с Атлантики на Тихий океан. Вместо треугольника «Северная Америка, Европа и Япония» возникает евразийское единое пространство – Китай с Юго-Восточной Азией, Россия с Евразийским союзом и Евросоюз. Кроме того, к евразийской континентальной дуге тяготеют и Индия, и Ближний Восток, и Африка [10].

Фактически подобная геополитическая конструкция возрождает идеи классической геополитики, обозначенные Ратцелем, Мэхэном и Маккиндером еще на рубеже XIX–XX вв. Конкуренция Атлантической и Евразийской моделей дальнейшего развития мировой цивилизации, есть не что иное, как современная вариация на тему соперничества морских и континентальных держав за мировое господство. Уже на протяжении длительного времени суть этого противоборства заключается в том, что одна сторона пытается нарушить / не допустить формирования целостного континентального пространства (геополитическая ось Берлин – Москва – Токио, или Берлин – Москва – Пекин), другая – стремиться к ее созданию [1].

Для достижения своих геополитических целей по сдерживанию «подъема Евразии» США и их союзники задействуют весь арсенал доступных сил и средств. Можно со значительной долей уверенности предположить, что попытки дестабилизировать политическую обстановку

в ключевых для проекта регионах (Средняя Азия, Ближний Восток, Северная Африка, Северная Корея, Юго-Восточная Украина) будут только усиливаться, препятствуя тем самым интеграционным процессам в Евразии. На сегодняшний день «евразийский экспресс» упирается в трудноразрешимые военные конфликты в Афганистане, на Ближнем Востоке, на Корейском полуострове и на Украине. Однако, разворачиваясь на Восток, Россия не отказывается от европейского направления – просто пока что она работает над сборкой восточной части (Россия – Китай) «континентальной геополитической оси», а Китай в настоящее время формирует благоприятные предпосылки для сотрудничества на западном направлении.

Однако для интеграционного проекта реальны не только внешние риски и угрозы. Не меньшую опасность представляет характер складывающихся взаимоотношений между Россией и Китаем, которые в определенных обстоятельствах могут стать заложниками диспропорций экономического развития и положения в мире. Тем более, что страны имеют недавний печальный опыт союзнических отношений, однажды переросших в жесткую многолетнюю конфронтацию.

Пока в мире обсуждаются беспрецедентные темпы политического и экономического сближения Москвы и Пекина – двух соперников Вашингтона, следует иметь в виду, что имеющийся конфликт интересов и противоположные взгляды на множество актуальных вопросов глобального и регионального развития, мешают им окончательно оформить союзнические отношения [15]. В этой связи многие эксперты как на Западе, так и на Востоке отмечают, что в этой «связке» Россия выглядит явно младшим партнером, а существующие разногласия и противоречия между странами так велики, что Вашингтону и Брюсселю еще долгое время не следует опасаться возникновения антизападного военно-политического альянса [14].

Действительно, с геополитических позиций Россия и Китай, в настоящих условиях, в равной степени являются как стратегическими партнерами, так и стратегическими соперниками. И, несмотря на интенсивное развитие сотрудничества, страны по-прежнему сохраняют в отношениях настороженность. Так Россия с опаской относится к возможности китайского присутствия на слабо освоенных территориях

Сибири и Дальнего Востока и рискам потери своего влияния в постсоветских республиках Средней Азии. Если проект «Шелковый путь» удастся реализовать, центральноазиатские государства получат доступ к альтернативным экспортным рынкам в обход России, и ее влияние в регионе снизится. Уже сейчас торгово-экономические связи Китая с Казахстаном и Туркменией, богатыми энергетическими ресурсами, дают ему пространство для маневра в переговорах при заключении энергетических сделок с Россией.

Тем не менее, существующие и потенциальные противоречия между Россией и Китаем, по мнению Москвы и Пекина, уступают в остроте тем вызовам и угрозам безопасности, которые генерирует современное мироустройство. «Люди, которые называют это союзом по расчету, упускают из виду, что в основе этих отношений лежат – с обеих сторон – проблемы национальной идентичности и попытки изменить миропорядок», – считает профессор Принстонского университета Г. Розман, специализирующийся на Северо-Восточной Азии [11].

Но чем больше рассуждений западных аналитиков о непрочности российско-китайской «связки», тем заметней оказывается неподготовленность США к возникновению нового альянса, способного бросить вызов сложившейся модели международных отношений. Однако сорвать или приостановить это сближение Вашингтону будет непросто. Москва и Пекин выбрали наиболее выигрышную тактику: чтобы лишить США возможности спекуляций на тему «российско-китайской угрозы», Россия и Китай всячески подчеркивают, что они не союзники, а партнеры. В конечном счете, такая политика представляется наиболее эффективной для достижения общей цели Москвы и Пекина, – вытеснения англосаксов с позиции мирового гегемона. Однако тот факт, что РФ и КНР усиливают военное сотрудничество, вовсе не означает, что они собираются создавать официальный военный союз [12].

Китай предлагает всему миру инвестиции и выгодную торговлю, Россия отстаивает принципы невмешательства сильных во внутренние дела слабых. Обе страны выступают за неприсоединение к блокам, отказ от конфронтации и создания альянсов против третьих стран. Кроме того, в российско-китайских отношениях нет идеологического подтекста. Обе стороны стремятся к взаимному уважению, поддержке, взаимовыгодному

сотрудничеству и развитию. Москва и Пекин внесли большой вклад в построение нового типа международных отношений, основанных на взаимовыгодном сотрудничестве [17].

Англоязычная газета «Хуаньцю шибао» комментируя ускоренное развитие стратегического партнерства России и Китая, объясняет это устойчивой глобальной тенденцией современности: «Китай – азиатская страна, у России же особый статус: это евразийское государство. В нем сильны как европейские, так и азиатские черты. РФ и КНР равноправны... Россия и Китай – соседи. Исторический опыт подсказывает, что двум соседним державам присущи естественные меры предосторожности. И лучше быть партнерами, чем союзниками. Партнерство России и Китая соответствует стратегическим интересам обеих сторон. Оно не только развивает их экономическое сотрудничество, но и усиливает ощущение безопасности, помогает сохранять равновесие мировых сил. Однако российско-китайское стратегическое сотрудничество не является достаточным внешним условием для подъема каждой из стран. И поэтому они не хотят из-за своей дружбы лишиться остальных друзей» [18].

Москва и Пекин не лукавят, говоря о том, что они партнеры, а не военные союзники – такой уровень взаимодействия позволяет при сохранении приоритета национальных интересов, не забывать про общие цели. Например, если Европа под нажимом США решит и дальше обрывать контакты с Россией, то Китай вовсе не будет отказываться от своих планов экономической экспансии в Старый Свет. А Россия не будет отказываться от сотрудничества с Японией, даже если конфронтация Пекина и Токио будет набирать обороты [3].

Похолодание отношений между США и Россией неизбежно дает Китаю стратегический шанс. Китай одновременно является и сухопутной, и морской державой, и много раз в новой истории подвергался агрессии, однако в основном чужаки вторгались в Китай с моря. После установления между Китаем и Россией отношений стратегического партнёрства Китай освободился от давления по линии Севера. Налаживание добрососедских отношений между странами также сказалось и на других районах Китая, таких, как Запад, Северо-Запад, Северо-Восток и Юго-Восток, которые один за другим вошли в режим безопасного существования по причине сохранения с Россией дружеских отношений граничащих с Китаем стран.

Одновременно с этим, при сохранении в целом положительного характера американо-китайских отношений, происходит медленное усиление противоречий. Особенно остро они проявляются в различии подходов к вопросам безопасности в Северо-Восточной, Восточной и Юго-Восточной Азии, т.е. в тех регионах, которые Пекин воспринимает своими традиционными зонами ответственности и любое давление на реализацию китайского суверенитета, воспринимается им как прямая угроза национальным интересам. Однако Китай не идет преднамеренно на обострение ситуации вдоль своих тихоокеанских границ. Он не бросает открытый вызов американским стратегическим интересам в регионе, всячески подчеркивая, что у КНР и США «больше общих интересов, нежели разногласий», и призывает Вашингтон «действовать в духе взаимного уважения, ища точки соприкосновения и оставляя в стороне спорные моменты» [3].

В интересах Китая сохранение стабильных и сбалансированных отношений. Это даст Китаю выигрыш во времени – 20 лет мирного бесконфронтационного развития. Если в течение этого времени Китай будет развиваться с такой же скоростью, как сейчас, то его лидерство не только в Северо-Восточной Азии, но и в мире станет неминуемым. На данном этапе, в сложившейся ситуации и при имеющейся расстановке сил в регионе и мире Россия вряд ли будет способна оспорить лидерство США и возвышение статуса Китая. Однако РФ вполне может повлиять на скорость неизбежных перемен. Тем не менее, главной задачей для страны является максимально возможное сокращение экономического, технологического и демографического отставания от лидеров и формирование предпосылок для дальнейшего развития своего геополитического статуса и роста влияния в мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Волинчук А.Б., Волинчук Я.А.** Российско-китайское сотрудничество – синдром отложенного партнёрства // Россия и АТР. 2016. № 2 (92). С. 17–26. ISSN: 1026–8804.
- 2. Дайсукэ Кино** Альянс РФ и КНР и энергичная дипломатия Си [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/foreast/20150521/228165199.html#ixzz3aroX4zmi>.
- 3. России и Китаю выгодно оставаться «партнерами, но не союзниками».** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2015/5/19/745927.html>.

4. Россия и Китай договорилась о продвижении самолетов SSJ-100. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2015/5/8/744238.html>.
5. Россия и Китай начинают десятки совместных проектов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2015/5/8/574698.html>.
6. Россия и Китай решили создать аграрную зону с прямым обменным курсом валют [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2015/5/8/744288.html>.
7. **Рыжова Н.П.** Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 59–74 ISSN: 0131-2812.
8. **Чжао Синь.** Международное сотрудничество в планах социально-экономического развития регионов России и Китая // Ст. в сб. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: колл. моногр. / науч. ред. А.Б. Волынчук; под общ. ред. Я.А. Фроловой. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – С. 626 ISBN: 978-5-8044-1091-0.
9. **Чудодеев Ю.** Российско-китайское стратегическое партнерство на современном этапе: проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2008. № 5. С. 48–53 ISSN: 0321-5075.
10. Шелковым путем Китай привяжет Европу к России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2015/4/3/737891.html>.
11. **Carol J. Williams** First Russia-China naval war games underway in Mediterranean. «Los Angeles Times» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.latimes.com/world/europe/la-fg-china-russia-joint-naval-maneuvers-20150511-story.html#page=1>.
12. China and Russia: just diplomatic friends with military benefits. South China Morning Post. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1788909/china-and-russia-just-diplomatic-friends-military>.
13. **Harrison V.** China isn't Russia's answer to crisis with the West. CNN Money [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://money.cnn.com/2015/05/18/news/economy/russia-china-trade-economy/>.
14. **Putin and Xi:** not quite the allies they seem. Financial Times. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ft.com/cms/s/>.
15. Russia's Stumbling Pivot to Asia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2015/05/08/russias-stumbling-pivot-to-asia-putin-xi-natural-gas-gazprom-altai>.
16. **Schiavenza M.** China and Russia Grow Even Closer. «The Atlantic» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/05/china-and-russia-grow-even-closer/392882>.
17. 为世界和平稳定注入正能量（大使随笔）. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: paper.people.com.cn/rmrb/html/2015-05/05/nw.D110000renmrb_20150505_5-03.html.
18. 社评：结伴不结盟 中俄关系应让西方开眼. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2015-05/6407300.html>.

VOLYNCHUK Andrei B. – Institute of Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. Far East Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya st., 89, Vladivostok, 690001, Russia. E-mail: i-abv@yandex.ru.

GEOPOLITICAL AND GEOECONOMIC ASPECTS OF INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN CONDITIONS OF GLOBAL INSTABILITY

The peculiarities of interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China in conditions of growing global instability are considered in the article. The complex geopolitical and economic situation in the world has led to the activation of foreign policy activity of Russia and China. When solving acute international problems, both countries take a coordinated position. By many experts, this is regarded as a serious prerequisite for the formation of a Russian-Chinese military-political union. And if talking about a full military alliance between Moscow and Beijing is premature, then full-scale economic cooperation is already a reality. Even despite all the costs of sanctioning pressure.

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS; ECONOMIC COOPERATION; INTEGRATION PROJECTS; STRATEGIC PARTNERSHIP; NORTH-EAST ASIA

УДК 327.8

Е. В. Кучумова, Хуан Чжуан

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РОССИИ В КИТАЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

КУЧУМОВА Екатерина Валентиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: ekaterina_kuchum@mail.ru.

ХУАН Чжуан – магистрант кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: frozenxtra@hotmail.com.

В статье рассматриваются теоретические аспекты формирования имиджа страны, определяется различие между понятиями «образ» и «имидж», выявляются различные компоненты процесса формирования имиджа, а также особенности восприятия образа России современным китайским обществом.

ИМИДЖ СТРАНЫ; ОБРАЗ СТРАНЫ; СОЦИАЛЬНЫЙ СТЕРЕОТИП;
МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ; СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Поскольку процессы глобализации делают современный мир все более взаимосвязанным в политическом, экономическом и социальном плане, формирование имиджа государства становится одним из ключевых факторов, определяющих статус государства на международной арене, а также – создания политической стабильности внутри страны. Тема формирования страновых имиджей является сегодня одной из наиболее актуальных в социально-гуманитарном знании. Всё больше государств оценивают прочный позитивный имидж как важный стратегический ресурс, значимое конкурентное преимущество, позволяющее сделать голос страны на мировой арене слышимым, выражаемые ею идеи и концепции – достойными внимания, а её саму – привлекательным местом, как для внешних целевых аудиторий – туристов, инвесторов, так и для собственных граждан.

Российская имиджелогия выявляет три основных «имиджевых слоя»: культурно-исторический, общественно-политический и бытовой. При этом культурно-исторический уровень выражается через исторические традиции, политическую культуру, традиционный менталитет общества. Общественно-политический уровень транслирует образ публичной власти через средства массовой информации. Бытовой уровень формируется на уровне индивидуума реальными событиями в мире или нормативно регулируемой информацией [1, с. 198–206].

Важную роль в формировании страновых имиджей играет система массовой коммуникации: СМИ, реклама и связи с общественностью, индустрия культуры и искусства, международные отношения и внешняя политика, туризм.

Вопросам стихийного формирования и целенаправленного конструирования имиджа страны средствами и ресурсами массовой коммуникации в последние годы посвящён значительный массив научных публикаций российских учёных [2] и переводов зарубежных авторов [3], что позволило качественно повысить уровень исследований данной проблематики в нашей стране. Однако не прояснёнными до настоящего времени остаются следующие вопросы:

1. По каким основным параметрам различаются понятия «имидж» и «образ», в каких ситуациях можно использовать эти термины как синонимичные, а в каких – нет;
2. Как соотносятся между собой понятия «территориальный имидж» и «имидж страны»;
3. Являются ли синонимами термины «страновой имидж», «национальный имидж» и «имидж государства»;
4. В чём состоят различия между понятиями «медиаимидж», «медиаобраз» и «медиаизображение»;
5. И, наконец, имеют ли право средства массовой информации, даже для достижения самых благих целей, целенаправленно конструировать позитивный имидж своего, либо чужого, государства, принимая во внимание их статус объективного и достоверного (т.е., не ангажированного) источника социально значимой информации?

Чётким и однозначным ответам на эти вопросы препятствуют барьеры не только научно-методологического плана (неопределённость терминологии, путаница в понятиях, междисциплинарность имиджевой тематики), но и проблемы, связанные с реальными процессами формирования образа и имиджа.

Взять под полный контроль процесс создания имиджа страны в принципе невозможно в силу огромного количества реальных и потенциальных субъектов, в нём задействованных, – министерств и ведомств, средств массовой информации и коммуникации, организаций и учреждений, представителей органов государственного управления, топ-менеджеров, лидеров политических партий и общественных движений, представителей науки, культуры, спорта, рядовых граждан.

Управление имиджеформирующей деятельностью возможно лишь до определённого предела в связи с её сложностью, комплексностью и многоаспектностью. Поэтому научное исследование, посвящённое конструированию имиджа страны системой её массовой коммуникации, обязательно должно учитывать, помимо своего основного предмета, также и стихийные процессы формирования этой же системой образа страны.

Таким образом, процессы формирования образа и имиджа протекают одновременно, в связи с чем, в том или ином конкретном случае речь может идти только о доминировании либо стихийного формирования образа страны (тогда исследование будет иметь формулировку «Образ страны»), либо целенаправленного конструирования её имиджа (и тогда это – «Имидж страны»).

Провести грань между тем, где начинается «имидж» и заканчивается «образ» (или, наоборот), в высшей степени непросто, однако зачастую необходимо проводить чёткие различия между этими понятиями.

«Образ» – это продукт стихийно сложившегося восприятия того или иного объекта, к созданию которого не прилагались целенаправленные усилия. Основное качество образа в связи с этим – его противоречивый характер, так как конечная цель его формирования не была задана изначально, а если и существовала неявно, то не были подобраны средства её достижения, в результате чего получившийся образ и не мог стать

стабильным, целостным и эффективным.

«Имидж» – это сознательно сконструированный образ, «целесообразно и программно конструируемая категория» [4]. То есть имиджи объектов конструируются в соответствии с чётко сформулированными целями, по определённым программам, с помощью необходимых технологий.

Второе важное отличие между этими понятиями – акцент на различных составляющих процесса формирования имиджа или образа: имидж – это акцент на целях, стратегии, тактике, ресурсах формирования, тогда как образ – это в первую очередь результат отражения тех или иных качеств объекта. Таким образом, эти два понятия следует различать: если образ – это результат стихийно сложившегося восприятия целевой аудиторией тех или иных качеств объекта, то имидж – продукт определённых, целенаправленно сконструированных его характеристик.

Однако иногда использование терминов «имидж» и «образ» как синонимичных оправдано. В контексте страновых имиджей, речь может идти об исследовании ситуаций, когда определённая страна прилагает усилия к формированию своего позитивного имиджа на внутренней или международной арене, однако эти усилия пока не носят системно-комплексного характера и, по меньшей мере, равны по эффекту стихийному формированию образа этой страны собственными и зарубежными средствами массовой коммуникации. Тогда, чтобы представить целостную картину, необходимо изучать как имидж страны, так и её образ, а также средства формирования и первого, и второго. В таких ситуациях возможно использовать концепт «имидж-образ», подчёркивающий необходимость учёта обеих составляющих совокупного «портрета» страны. Понимание имиджа как целенаправленно сконструированных определённых свойств и качеств объекта подходит только в качестве предельно общего, первичного его определения. Следует конкретизировать понятие имиджа, установив взаимосвязи между психическими процессами восприятия человека и социальными процессами формирования тех или иных характеристик в его сознании. В качестве такого связующего элемента выступает понятие социального

стереотипа, обозначающего «промежуточный этап» на пути от объекта к его имиджу.

Введённое американским исследователем массовой коммуникации У. Липпманом в двадцатых годах XX столетия понятие «социального стереотипа» означает схематичное, стандартизированное, эмоционально окрашенное и обладающее высокой устойчивостью представление об объекте. Как отмечал Липпман: «В большинстве случаев мы не «сначала понимаем и потом определяем», а наоборот, понимаем после определения. Воздействия, которые мы принимаем из внешнего мира (культуры, которые мы хотим принимать), мы получаем уже определёнными для нас, нашей собственной культурой, и поэтому мы склонны следовать и принимать культуры близкие нашей собственной» [5].

Стереотипы формируются благодаря способности человека применять предыдущий опыт к новым обстоятельствам. Объясняя социальные явления и процессы, устойчивые стереотипы делают возможным взаимопонимание между людьми, помогают им ориентироваться в новых, нестандартных ситуациях.

Однако, действительность всегда динамичнее и разнообразнее любого стереотипа, поэтому, чем прочнее усвоены нами определённые стереотипы, тем меньше наши представления зависят от реального жизненного опыта.

Что касается взаимосвязи терминов «стереотип» и «имидж», то создание имиджа представляет собой формирование устойчивого, с явной положительной оценкой, стереотипа в отношении определённого объекта [6].

Понятие имиджа в последнее время активно используется по отношению к целостным территориальным образованиям – городам, регионам, странам, межгосударственным объединениям.

Используя имеющееся определение имиджа, обозначим «имидж территории» как устойчивую, структурированную, с явно выраженной оценочной компонентой систему стереотипов, сформированных у целевых аудиторий относительно конкретной территории.

Понятие «имидж территории» характеризуется высокой степенью комплексности и включает в себя следующие структурные элементы:

география, климат, природные условия, производимые товары, политическое и общественное устройство, местные знаменитости, население, история, культура, техника, инфраструктура и т.д.

Концепция имиджа территории имеет макро- и микроуровень, от странового и межгосударственного («имидж России», «имидж Европейского Союза») до городского («имидж Пскова»).

Необходимо подчеркнуть разницу между понятиями «страна» и «государство», хотя в ряде случаев их используют в качестве полных синонимов. Понятие «государство» подразумевает, прежде всего, структуру управления, которая установилась на определённой территории и непрерывно поддерживается совместными действиями населяющих её людей. Понятие «страна» имеет более широкое значение, включающее, помимо политического, также общегеографическое, культурно-историческое и социально-экономическое содержание, характеризующее специфику местного национального сообщества (традиции, менталитет, обычаи, язык и т.д.).

Страновой имидж формируется путем оценки следующих элементов: политика страны (политические руководители, репутация правительства, дипломатия, военные действия), экономика (финансовая мощь, особенности ВВП и его качества, доход на душу населения), социальная сфера (социальная сплоченность, безопасность и стабильность, национальное самосознание, национальный характер), культура (технологические мощности, уровень образования, культурное наследие, обычаи, ценности), география (географическое положение, природные ресурсы, население) и прочее. Акцентирование тех или иных элементов странового имиджа ситуативно, то есть зависит,

- во-первых, от целей и задач исследования,
- во-вторых, от той целевой аудитории, которая является субъектом восприятия данного имиджа.

Так, для стран-соседей и стран, находящихся на разных континентах, эти элементы будут различными, причем на разных временных отрезках они также могут меняться.

Согласно определению Всемирной организации по туризму, имидж страны – это совокупность эмоциональных и рациональных представлений.

Он определяется не только объективными характеристиками страны, её реальными достоинствами или недостатками, формальными показателями её состояния и основными тенденциями развития, но и спецификой субъективного восприятия аудиторией данной страны [7].

В настоящее время в России ведётся работа над созданием положительного имиджа страны. Государство финансирует крупные информационные проекты, направленные на улучшение международного имиджа страны. По оценкам разных специалистов, этот процесс может занять до 20 лет с бюджетом до полутора миллиардов долларов в год [8].

Имидж любой страны в значительной степени обусловлен ценностными ориентирами аудитории, которая его воспринимает. На его формирование влияет исторический опыт воспринимающей имидж аудитории, возникший в результате сопоставления всех признаков страны, а также – стереотипы мышления, слухи и предубеждения, которые влияют на возникновение определённого образа.

Преодоление стереотипов, связанных с политической, культурной и/или социальной сферами является острой необходимостью на данном этапе, поскольку это культивирует формирование негативного отношения к России. Для этого необходимо использовать весь комплекс информационных, творческих, культурных и исторических ресурсов, присущих именно России.

Одним из инструментов по формированию позитивного имиджа России и преодолению укоренившихся в сознании китайцев стереотипов также является формирование имиджа отдельных регионов страны.

К особенностям функционирования территориального имиджа в медиасфере следует отнести:

- во-первых, восприятие аудиторией медиаобраза страны как объективного отражения реальности, тогда как в действительности медиаобразы являются «обработанной реальностью»;

- во-вторых, зависимость сформированного имиджа от политического, экономического и идеологического фундамента той или иной страны, статуса СМИ в ней и её взаимоотношений с другими государствами.

Таким образом, можно отнести «медиаимиджи» (имиджи объектов в средствах массовой информации) и «медиаобразы» (образы объектов в средствах массовой информации) к «медиаизображениям» – репрезентациям в СМИ, как образов, так и имиджей различных объектов. Термин «репрезентация» является удачным для подчёркивания существования в массмедиа двух основных механизмов – отражения действительности и её конструирования.

Таким образом, понятия «образ» и «имидж» различаются по трём основным критериям: стихийность / сознательность формирования; акцент на различных составляющих этого процесса; роль оценки в восприятии. Система средств массовой коммуникации, не являясь только зеркалом, в котором отражается реальность, продуцирует как образы, так и имиджи объектов. Благодаря освещению тех или иных событий, средства массовой коммуникации становятся основным ресурсом формирования страновых имиджей.

Благоприятный имидж России в Китае – ключевой фоновый фактор для дальнейшего поступательного развития российско-китайского взаимодействия.

Опросы общественного мнения свидетельствуют о сравнительно позитивном образе России в КНР. Так, по итогам исследования, проведенного Институтом изучения России, Восточной Европы и Средней Азии Академии общественных наук КНР и опубликованного в 2014 г., ответы на вопрос «Считаете ли вы Россию близкой вам страной?» распределились следующим образом: очень близкой Россию назвали 6,24% из 2292 респондентов; близкой – 36,47%; более-менее близкой – 46,9%; неблизкой – 4,1%; совсем неблизкой – 1,75%; 4,54% опрошенных затруднились с ответом [9].

Таким образом, три года назад 43% опрошенных считали Россию близкой или очень близкой страной [10].

Однако имидж России в Китае неоднозначен. Некоторые китаеведы, например, Юрий Галенович, считают, что на восприятие российского образа оказали влияние не только годы советско-китайской дружбы, но и тридцать лет раскола между СССР и Китаем, начавшегося в конце 50-х годов XX века [11].

Причем более всего на имидж России, как отмечает Сергей Лузянин, влияет история территориальных споров, уходящая корнями в отношения между царской Россией и Цинской империей [12]. Юридическая точка в этом вопросе была поставлена в 2005 г. [13], но эмоциональное напряжение сохраняется и подпитывает националистов в китайском обществе. В китайском учебнике истории для 8-го класса сказано, что Российская империя отторгла у Цинской династии Китая в общей сложности 1,5 млн. кв. км территории. Отсюда популярный лозунг китайских националистов: «Заберите свои -измы (*коммунизм, социализм. – Авт.*) и верните нам территории» (Кит.: «*主义拿回去, 领土拿回来*» [zhuyi nahuiqu, lingtu nahuilai]). Впрочем, действия китайских националистов в основном ограничены блогосферой [14].

Кроме того, на имидже России сказывается опыт её постсоветского развития.

При изучении образа России в КНР и построении имиджевой политики в этой стране ключевым моментом является понимание того, что точкой отсчета должно стать китайское, а не российское общество. Китайское общество неизбежно воспринимает Россию через призму своего собственного опыта, в результате чего имидж России может оказаться искажённым. Но именно этот субъективный образ России в наибольшей степени является актуальным для китайского общества. Поэтому необходимо, прежде всего, определить круг вопросов о России, которые интересуют китайцев, и он, вероятно, будет отличаться от круга вопросов, которыми задаются сами россияне [15].

При организации информационной политики, направленной на китайское общество, необходимо также учитывать, что популярные в Китае информационные каналы сильно отличаются от международных и российских. В КНР существует не только свой отдельный мир средств массовой информации, но и достаточно изолированный сегмент Интернета. Международные социальные сети или вовсе недоступны там (Твиттер, Фейсбук), или сравнительно непопулярны, в то время как максимальную аудиторию насчитывают микроблоги *Sina Weibo* и *Tencent Weibo* (эквиваленты Твиттера) и сеть *WeChat* (нечто среднее между *Facebook* и *WhatsApp*) [15].

Жители КНР относят Россию к большим странам с богатой, относительно знакомой им культурой и качественным образованием, благодаря чему она, по их мнению, заслуживает высокого положения в мире. Хотя влияние России снизилось в 90-ые годы XX века, её авторитет и статус супердержавы постепенно восстанавливаются.

В общественном восприятии жителей Китая страны мира чётко разделяются на большие (Китай, Россия, США) и малые (например, Франция и другие европейские страны). Причём к большим странам, в том числе к России, в Китае изначально испытывают гораздо большее уважение.

Однако образ России как супердержавы вызывает тревогу у китайцев, так как он связан с имиджем агрессивной империи. Как отмечает исследователь Китая Василий Кашин, многие российские страхи в отношении Китая имеют зеркальное отражение в виде ответных китайских страхов [16].

Смена коммунистического режима в России и распад СССР – актуальная тема для Китая, так как она сочетается с внутрикитайской полемикой о собственном пути развития. Несмотря на кажущуюся извне стабильность, КНР находится на том этапе, когда необходимость политических реформ становится все более очевидной.

Китайская интеллигенция условно разделилась на два лагеря, которые в Интернете неформально называют «либералами» (公知 [gong zhi], дословно «публичные интеллектуалы») и «консерваторами» (五毛 [wu mao], дословно «пятьдесят копеек»); происхождение термина связано с представлением о том, что консерваторы пишут пропагандистские статьи за низкие гонорары от правительства) [15].

Как показывает опыт, России сложно продвигать свой образ в лагере либералов, так как его представители зачастую получали образование на западе и критикуют Россию с американских и европейских позиций. Симпатизируя России 90-ых годов XX века, они критически относятся к современной России.

Учитывая тесные межправительственные отношения с КНР, России логично искать поддержку в лагере консерваторов.

Однако у образа России, распространённого в лагере консерваторов – сторонников курса Коммунистической партии Китая, есть также слабая сторона. Как уже отмечалось выше, китайские консерваторы, симпатизируя современной России, стремятся доказать, что, если Китай пойдёт по пути политических реформ РФ 1990-ых годов, это обернётся для него катастрофой. Парадоксом официальной китайской прессы является то, что, несмотря на высокие оценки российско-китайских межгосударственных отношений, сравнения внутривнутриполитической ситуации России и Китая часто бывают не в пользу первой [15].

Ярким примером служат сообщения о коррупции. В нашумевшей летом 2013 г. публикации на сайте Синьхуа, посвященной постсоветскому развитию России, автор называл её «одной из самых коррумпированных стран мира» [17].

В последнее время подобная имиджевая конкуренция переносится из китайских средств массовой информации, рассчитанных на внутреннюю аудиторию, на СМИ, работающие на русскоязычную публику. К примеру, 17 января 2014 г. Китайский информационный интернет-центр выпустил двуязычную русско-китайскую статью, в которой говорится, что «...Россия является наиболее коррумпированным экономическим субъектом среди членов «Большой двадцатки», самой коррумпированной страной в Европе, а также лидирует по уровню коррупции среди стран БРИКС» [18].

Образ постсоветской России является в Китае необъективным и неточным. Это связано, во-первых, с политической ангажированностью в обоих лагерях китайской интеллигенции, а во-вторых, с общей нехваткой качественной информации о России.

Недостаток более объективных сведений объясняется сравнительно малой активностью российских источников информации в Китае, а также тем, что долгие годы темы распада СССР и постсоветского развития России находились в КНР под влиянием цензуры.

Тем не менее, среди китайцев традиционно высок интерес к русской культуре. Русская и советская литература имеют высокую степень узнаваемости в Китае и превосходят в этом смысле литературу других стран, в том числе США и Франции.

«Как закалялась сталь» – самое популярное произведение в КНР, эта книга входит в школьную программу. Существует двадцать вариантов перевода романа на китайский язык [19]. В 1999 г. по нему был снят телесериал, приуроченный к 50-летию Китайской Народной Республики.

В Китае широко известны имена Пушкина, Толстого, Горького, Чехова и Достоевского.

Русское искусство узнаваемо в Китае, прежде всего, благодаря фильмам «Москва слезам не верит», «А зори здесь тихие», «Война и мир» и другим.

Большой популярностью в КНР, особенно среди старшего поколения, пользуется советская музыка. Песни «Катюша», «Подмосковные вечера», «Ой, цветёт калина» переведены на китайский язык и до сих пор звучат на многих мероприятиях.

Российские музыкальные и балетные коллективы пользуются успехом в Китае. В 2012 г. балет Аллы Духовой «Тодес» выступил на главном телевизионном концерте года – китайском «Голубом огоньке» (春节晚会 [chunjie wanhui]) в канун китайского Нового года.

Литература и искусство – мощный инструмент «мягкой силы», так как они традиционно занимают особое положение в китайской культуре. На протяжении почти полутора тысячелетий китайской истории вопросы по литературе лежали в основе знаменитых императорских экзаменов на государственную службу (科举考试 [keju kaoshi]) [20], которые были основным механизмом социальной мобильности. Следовательно, в китайском сознании укрепилась чёткая связь между литературными познаниями и уровнем образованности, с одной стороны, и социальным положением – с другой.

Формируя положительный образ России для различных социальных групп, важно знать, жители какого возраста, пола, уровня образования и социального статуса считают Россию привлекательной. Оценить интерес к России среди различных групп населения КНР позволяют данные об изучении русского языка в Китае, о популярности российского образования, а также о социальной структуре интернет-пользователей.

По сведениям Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, (КАПРЯЛ), в 2004 г. около 30 тыс. китайских студентов и

70 тысяч школьников изучали русский язык, однако только около 6,5 тысяч студентов изучали его как специальность. [21]

В 2012 г. президент КАПРЯЛ, заместитель министра образования КНР Лю Лиминь заявил, что «в последние годы в Китае наблюдается тенденция к сокращению числа изучающих русский язык» [22]. Из этих данных следует, что Год русского языка, проведенный в 2009 г., не остановил в Китае тенденцию к снижению числа изучающих русский. Для сравнения: английский язык, по разным оценкам, предпочли 300 миллионов китайских граждан, 23 миллиона из которых – студенты высших учебных заведений.

Английский язык институционально закреплен в китайской образовательной системе, являясь обязательной частью китайского варианта ЕГЭ (高考 [gao kao]) – вступительных экзаменов в вузы. В китайском ЕГЭ три основных обязательных предмета – китайский язык, математика и английский. Помимо привлекательности американской культуры и сравнительной простоты английского языка, необходимость сдавать ЕГЭ является сильным мотивирующим фактором для его изучения. Возможность сдавать русский язык вместо английского существует в некоторых районах, где русский изучается в школе как основной иностранный язык, но она очень ограничена.

Молодёжь, особенно в районе Шанхая и южнее, неохотно выбирает русский язык в качестве специальности. Высок процент тех, кого распределяют на специальность «русский язык» из-за нехватки баллов на другие специальности; среди студентов распространено опасение, что с русским им будет трудно найти работу. Более того, многие меняют специальность, когда представляется такая возможность, или не работают с русским языком после окончания вуза.

Согласно данным доклада Российского Совета по Международным Делах «Интернационализация российских вузов: китайский вектор», российское образование малопривлекательно для перспективных китайских студентов. «Китайская пресса подтверждает, что «учёба в России – это выбор выпускников со слабым аттестатом и детей из семей с невысоким заработком», а также тех, кто не сумел сдать экзамены в

престижный китайский вуз», – говорится в докладе. [23, с. 42]

Что касается возраста интересующихся Россией интернет-пользователей, наибольшее количество поисков по ключевому слову «Россия» в крупнейшем китайском поисковике *Baidu* делают пользователи 30–39 лет (больше, чем в возрастных группах 10–19 лет и 20–29 лет). В группах старше 39 лет поисков меньше, однако, эти данные вряд ли репрезентативны, так как среди людей старше 40 лет гораздо меньше интернет-пользователей [24].

Низкий интерес к России у молодого поколения является слабой стороной. Осознавая, что именно молодежь – это будущее двусторонних отношений, лидеры России и Китая объявили о проведении российско-китайских молодёжных обменов в 2014–2015 годах [25].

Особенно большой недостаток – низкая привлекательность русского языка и российского образования среди китайской университетской интеллигенции и перспективных студентов. Лучшие студенты стремятся получать образование в университетах англоязычных стран, прежде всего США. Возможно, это связано и с тем, что китайские русисты чувствуют свой труд не оценённым со стороны России. В течение долгих лет российская сторона не оказывала им достаточной поддержки. Студенты и молодые специалисты опасаются, что им будет трудно найти работу и сделать карьеру в сфере российско-китайских отношений. В свою очередь, дальнейшее снижение числа знающих русский язык китайских специалистов будет усиливать непонимание России и недоверие к ней.

Позиции влияния русской культуры, которые считались сильными в Китае в 1950-ые годы, во многом теряются. Хотя старшее поколение передаёт детям и внукам свое тёплое отношение к России, что позволяет сохранить некоторые основы для их интереса к стране, при отсутствии соответствующей политики этот интерес продолжит снижаться.

Стереотипы, характеризующие российский образ жизни, а также определённый образ россиян даже в большей степени, чем достаточно абстрактный образ Российского государства, определяет имидж современной России в Китае.

Россияне представляются китайцам физически привлекательными (женщины) и сильными (мужчины). В Китае уже работает и учится немало

обычных россиян, число которых, по разным оценкам, достигает десятков тысяч человек. Поэтому жители КНР имеют возможность весьма конкретно судить о россиянах не только по российским звёздам, но и по российским представителям в Китае.

В отношении российского образа жизни стереотипом является употребление большого количества алкоголя. Впрочем, употребление спиртного пока не считается в Китае чем-то неприличным, а даже наоборот, может выступать доказательством физической силы и выносливости.

С Россией не ассоциируются статусные и стильные способы времяпрепровождения: например, не считается престижным пригласить деловых партнёров на ужин в русский ресторан, провести с ними несколько дней активного отдыха в России или отправить ребёнка заниматься балетом или фигурным катанием.

На этом фоне происходит снижение социального положения российских соотечественников в Китае, следовательно, ухудшается и среда ведения бизнеса для российских компаний.

Жителей Китая, возможно, ещё больше, чем российское общество интересуется имидж их соотечественников в России. Китайцам вообще свойственна чрезвычайная забота о своем имидже в глазах иностранцев.

Неудивительно, что в поле зрения китайских СМИ и блогеров попали российские статьи и репортажи, негативно представляющие их соотечественников. В Китае складывается впечатление, что образ китайцев в России – это, прежде всего гастарбайтеры, нелегальные иммигранты или сельхозработники, бедные и необразованные люди.

Отрицательный образ китайцев в российском обществе, а также проблемы национализма и коррупции оказывают прямое негативное воздействие на приезд китайцев в Россию с целью обучения или туризма. Граждане КНР, как уже посещавшие, так и ещё не посещавшие Россию, составляют впечатление о российском обществе как ксенофобном. Каждый случай проявления агрессивного национализма усиливает опасения китайских граждан, что, приехав в РФ, они окажутся объектом агрессии по национальному признаку. Ситуация ещё больше усугубляется

информацией о коррупции в правоохранительных органах, которая оставляет китайцев беззащитными в случае опасности. Ксенофобия российского общества противопоставляется в блогосфере дружелюбному к иностранцам и гостеприимному китайскому обществу.

Любые антикитайские настроения в России несут в себе потенциал ухудшения имиджа россиян в Китае. В случае роста ксенофобии и нетерпимости в отношении друг друга в обеих странах все усилия правительств по выстраиванию отношений «всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия» рискуют оказаться разрушенными.

Необходимо уделить особое внимание развитию толерантности в российском обществе. Важно создать для России имидж толерантной и дружелюбной страны, развивать привлекательность России для различных целевых аудиторий (молодёжи, университетской интеллигенции, женщин и детей), повышать привлекательность образа российских людей и создавать бренд российского стиля жизни

Важно отметить, что в процессе формирования положительного имиджа России в Китае необходимо учитывать особенности китайского менталитета и культуры. При планировании любых мероприятий следует учитывать особенности «восточного» восприятия мира и повышенную культурную чувствительность китайских партнёров:

– китайцы воспринимают себя как мирный и дружелюбный народ, а ценностями китайской культуры являются сотрудничество и гармония;

– китайцы гордятся своей богатой историей и культурными традициями: традиционность, последовательность, преемственность и благодарность также являются их ключевыми ценностями;

– особое внимание, уделяемое статусу и иерархичности, – отличительная черта китайской конфуцианской культурной традиции;

– вежливость, этикет, чрезвычайное внимание к достоинству собеседника находятся в центре китайских общественных отношений.

Также, сотрудничество с китайскими русистами является принципиально важным для успешного создания положительного имиджа России. Позитивный имидж России в Китае может быть создан только в сотрудничестве и при поддержке дружественно настроенных китайцев,

которые лучше всего понимают свою собственную культуру и могут максимально чётко идентифицировать то привлекательное, что есть для них в России. Кроме того, доверие к исходящей от соотечественников информации о России будет в Китае на порядок выше, чем к информации, непосредственно исходящей от российских СМИ и россиян.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Кучумова Е.В., Саблина М.А.** Национальный брендинг: теоретические аспекты и практическая разработка (на примере Финляндии) // *Философия международных отношений. От теории к практике* / отв. ред. С.Н. Погодин, И.Д. Осипов. – моногр. – СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2016, - 233 с. ISBN: 978-5-7422-5463-8.
- 2. См.: Гринберг Т.Э.** Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели. // *Медиаскоп*. 2008.№ 2. ISSN: 2074-8051; **Галумов Э.А.** Международный имидж России: стратегия формирования. – М.: Известия, 2004. и др. **Гудков Д.Б.** Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2013. – 288 с.
- 3. Анхольт С.** Создание бренда страны. // *Бренд-менеджмент*. 2007.№1.С. 50-52; **Моргентау Г.** Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир. // *Социально-политический журнал*. 1997. № 2. С. 189-201; **Котлер Ф.** 300 ключевых вопросов маркетинга: отвечает Филип Котлер /Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп–Бизнес», 2006. – 224 с.
- 4. Белобрагин В.Я., Белобрагин В.В.** Психологические истоки и составляющие имиджелогии как науки // *Изд. Акад. имиджелогии* / под ред. Е. А. Петровой. – М. : АИМ, 2005. – Т. 1. с. 361.
- 5. Липпман У.** Общественное мнение.– М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004.
- 6. Берсенева В.Л.** Территориальная конкуренция в экономическом пространстве. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2011. С. 540 ISBN: 978-5-94646-318-8
- 7. Наумова С.А.** Имиджелогия : учеб. пособие. – Томск: Изд-во ТПУ, 2004.
- 8. Орлова Е.А.** Формирование позитивного имиджа государственного деятеля (социально-психологический аспект) : дис. ... канд. психол. наук. 19.00.05: – М., 2016.
- 9.** Чем русские удивляют китайцев // *Росбалт*, 15 июня 2015 г. URL: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2015/06/12/1407715.html>.
- 10. Пань Дэли, У Вэй.** Подтверждение хороших российско-китайских отношений: исследование общественного мнения «Россия глазами китайцев» // *Исследования России, Средней Азии и Восточной Европы*, 2008. № 5 (Кит.:潘德礼. 吴伟. 中俄两国良好关系的印证 –“中国人眼中的俄罗斯”社会舆论调查. 来源:俄罗斯中亚东欧研究, 2008 年,第 5 期 [Pan Deli. Wu Wei. Zhong e liangguo lianghao guanxi de yinzheng – «Zhongguoren yanzhong de eluosi» shehui yulun diaocha // *Eluosi zhongya dongou yanjiu*, 2014 nian, di 5 qi]). URL: <http://euroasia.cass.cn/news/128599.htm>.

- 11.** См.: **Галенович Ю.М.** «Исторический счет» к России и к СССР в «Истории Коммунистической партии Китая». М.: Восточная книга, 2012.
- 12.** **Лузянин С.Г.** «Китайская мечта»: между геополитикой, национализмом и выживанием // МГИМО. 18 07 2013 г. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document240669.phtml>.
- 13.** Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее восточной части заключено в Пекине 14 октября 2004 года, ратифицировано Федеральным Собранием РФ (Федеральный закон от 31 мая 2005 года № 52-ФЗ // Бюллетень международных договоров. 2005. №7). URL: http://www.mid.ru/BDOMP/spd_md.nsf/0/4FBD8AE628B4DC4344257CBD00281BC2.
- 14.** См: История Китая: Учебник. 8 класс. Пекин: Народное издательство, 2007. Т. 1. С. 7–12. (Кит.: 课程教材研究所. 历史课程教材研究开发中心主编. 中国历史. 八年级. 上册. 人民出版社. 2007年. – 7–12页. [Kecheng jiaocai yanjiusuo. Lishi kecheng jiaocai yanjiu kaifa zhongxin zhubian. Zhongguo lishi. Banianji. Shangce. Renmin chubanshe. 2007nian. – 7–12 ye]).
- 15.** **Смирнова Л.Н.** Предложения по улучшению образа России в Китае : рабочая тетр. 16/2014 / [Л.Н. Смирнова]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М. : Спецкнига, 2014. – 40 с. ISBN 978-5-91891-370-3.
- 16.** **Кашин В.** Сумма всех страхов фактор китайской угрозы в российской политике // Россия в глобальной политике. 2013. Т.11. № 2. С.176-186 ISSN: 1810-6439.
- 17.** 王雪东国家声誉在国家外交政策的研究 // 外交评论 2007年第2期第15页 (Ван С. Нематериальные запросы во внешней политике – исследование репутации страны // Дискуссия в дипломатии. 2017. № 2. С. 15–18.).
- 18.** Борьба против коррупции в России: невозможно наказать высокопоставленных чиновников? // Китайский информационный интернет-центр. 17 января 2014 г. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-01/17/content_31223489.htm.
- 19.** **Лю Вэньфэй.** Перевод и изучение русской литературы в Китае // Новое литературное обозрение. 2004. № 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/lu34-pr.html>.
- 20.** См.: **Elman В.А.** A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China. Berkeley, Los Angeles and London, University of California Press. 2000. 847 p.
- 21.** **Лю Лиминь.** Русский язык в Китае // Газета «Жэньминь жибао» онлайн. 19 октября 2004 г. URL: <http://russian.people.com.cn/31857/33234/39566/2929328.html>.
- 22.** Заместитель министра образования КНР предлагает организовать специальные зоны изучения русского языка в Китае (Кит.: 中国教育部副部长建议在国内外建设俄语教学专区 [Zhongguo jiaoyu fubuzhangjianyi zai guonei jianshe eyu jiaoxue zhuanqu]) // China Daily (китайская версия). 12 марта 2013 г. URL: http://www.chinadaily.com.cn/micro-reading/dzh/2012-12-03/content_7664571.html.
- 23.** **Боревская Н.Е.** Интернационализация российских вузов: китайский вектор / [Н.Е. Боревская (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по

междунар. делам (РСМД). – Москва : Спецкнига, 2013. – 72 с. – ISBN 978-5-91891-330-7.

24. Baidu. URL: <http://www.baidu.com> (данные на 1 октября 2013 г.).

25. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Официальный портал Кремля. 22 марта 2013 г. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1423.

KUCHUMOVA Ekaterina V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: ekaterina_kuchum@mail.ru.

HUANG Zhuang – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: frozenextra@hotmail.com.

THE FORMATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN CHINA AT THE PRESENT STAGE

The article discusses the theoretical aspects of formation of country image, defines the difference between the notions of "image" and "concept", identifies the various components of the image formation process, as well as the perception of the image of Russia by modern Chinese society.

IMAGE OF THE COUNTRY; CONCEPT OF THE COUNTRY; SOCIAL STEREOTYPE; MASS COMMUNICATION; MEDIA

УДК 327+378.1

Сюй Хао, Ли Цзинчэн

**КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ УНИВЕРСИТЕТА МГУ-ППИ В ШЭНЬЧЖЭНЕ)**

СЮЙ Хао – старший преподаватель Института прикладных иностранных языков. Шэньчжэньский политехнический университет. 518055. просп. Люсянь, 7098, Шэньчжэнь, Гуандун, Китай. E-mail: xuhao@szpt.edu.cn.

ЛИ Цзинчэн – аспирант кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: lijc@yandex.ru.

В статье рассматривается история создания и деятельность Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Университет был создан по инициативе Китайского и Российского правительств. Это первый в истории университет, созданный Китайским и Российским правительствами. Дается анализ формирования идеи совместного университета, исследуется организационная работа, административная структура и система кампусов. Показана хронология развития университета. Университет играет важную роль во взаимодействии и культурном обмене между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА; ПЕКИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ; УНИВЕРСИТЕТ МГУ-ППИ В ШЭНЬЧЖЭНЕ; ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ; МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА; РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

История создания Совместного университета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ) является одним из старейших и крупнейших классических университетов России, обладающим уникальным опытом международного сотрудничества по осуществлению образовательной деятельности за рубежом. В настоящее время, при МГУ открыты пять филиалов в столицах зарубежных стран – Астане, Ташкенте, Баку, Душанбе и Ереване. Сотрудничество МГУ с китайскими вузами имеет долгосрочную традицию и тесные контакты.

Инициатива по созданию совместного высшего учебного заведения с участием Китайской Народной Республики на базе МГУ появилась в 2012 году. В августе 2013 года концепция и план действий создания совместного университета были представлены руководству МГУ. Ректор МГУ, академик РАН В.А. Садовничий подписал Приказ «О совместном российско-китайском университете». Реализация проекта была возложена на проректора С.М. Шахрая. Начались переговоры с китайской стороной по вопросу оценки предложений и возможностей, касающихся финансирования и базирования будущего совместного университета на территории Китая.

Проект получил полную поддержку на самом высшем уровне двух государств. В октябре 2013 года было принято решение о создании рабочей группы под совместным руководством первого заместителя Министра образования и науки Российской Федерации Н.В. Третьяк и заместителя Министра образования Китайской Народной Республики Хао Пина.

На берегу Южно-китайского моря расположен мегаполис – город Шэньчжэнь, являющийся главным входом в южный Китай. Этот мегаполис прилегает к Специальному административному району Гонконг (Сянган). Город Шэньчжэнь был основан в 1979 году по решению Правительства Китайской Народной Республики (КНР), о создании специальных экономических зон (СЭЗ) в соответствии с политикой реформ и открытости. Благодаря своему географическому и экономическому преимуществу, через тридцать с небольшим лет, Шэньчжэнь превратился из маленькой рыбацкой деревни в современный крупнейший город Китая с двенадцатимиллионным населением. Шэньчжэнь стремительно экономически развивается, валовой внутренний продукт (ВВП) города за 2016 год составил 1,9492 трлн. юаней, уступая только Пекину, Шанхаю и Гуанчжоу [1].

Высокие экономические показатели не скрывают недостатков в развитии системы высшего образования в городе. До 2013 года в городе было всего четыре вуза: Шэньчжэньский университет, Южный университет науки и технологий Китая, Шэньчжэньский политехнический университет и Шэньчжэньский институт информационных технологий. Последние два учебных заведения являются университетами с неполным высшим образованием, в них студенты обучаются три года по специализированной подготовке без присвоения квалификации бакалавра.

Город Шэньчжэнь нуждался в реформировании и оптимизации структуры своей высшей школы. В связи с этим было принято решение привлечь лучшие иностранные кадры для повышения высшего образования в городе. Администрация города предложила зарубежным университетам с мировыми рейтингами, представить условия для оказания образовательных услуг, фундаментальных и прикладных научных исследований, а также инновационной деятельности в Шэньчжэне.

Сделанные МГУ предложения совпали с потребностями города. По согласованию с Министерством образования КНР, город Шэньчжэнь принял предложения МГУ по реализации образовательной деятельности. 1 марта 2014 года МГУ и Правительство Шэньчжэня подписали меморандум о создании совместного университета. Меморандум подписали проректор МГУ С.М. Шахрай и мэр Шэньчжэня Сюй Циня.

В Китае совместная образовательная деятельность с иностранным участием регулируется «Положением о китайско-иностранном совместном учебном заведении КНР». В соответствии со статьей 2 указанного Положения, иностранные образовательные учреждения должны в двухстороннем порядке осуществлять образовательную деятельность совместно с аккредитованным китайским образовательным учреждением. В противном случае, иностранные учреждения не имеют право осуществлять образовательную деятельность на территории КНР.

Согласно «Положению», МГУ должен найти китайский университет для организации образовательной деятельности. После изучения претендентов, был выбран Пекинский политехнический институт (ППИ). Пекинский политехнический институт является первым в истории техническим университетом, созданным Коммунистической партией Китая в 1940 году [2]. Университет является участником национальных проектов – «Проекта 211» и «Проекта 985», направленных на повышение конкурентоспособности вузов страны. ППИ обладает значительной мощностью в научных исследованиях и подготовке высококвалифицированных кадров. Он занимает 389 место в рейтинге мировых университетов по данным «QS World University Rankings», опубликованному в 2017 году. Помимо 13 естественных и инженерных дисциплин, входящих в рейтинг, «материаловедение» Пекинского политехнического института занимает – 50 место в мире [3].

В апреле 2014 года МГУ, Правительство Шэньчжэня и Пекинский политехнический институт провели трехсторонние переговоры в Пекине, на них была определена организационная работа по созданию совместного университета в Шэньчжэне.

20 мая 2014 года во время официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в КНР, в Шанхае был подписан Меморандум о взаимодействии между Министерством образования и науки РФ и Министерством образования КНР. В Меморандуме констатировалось положение о создании российско-китайского университета МГУ и ППИ, в частности было отмечено, – «стороны в интересах развития новых форм двустороннего взаимодействия в области образования поддерживают ППИ и МГУ китайско-российского университета в городе Шэньчжэнь» [4].

Поддержка правительств обеих стран содействовала быстрому развитию проекта. 11 августа 2014 года был подписан договор между Правительством Шэньчжэня, МГУ и ППИ о создании совместного высшего учебного заведения сроком на 50 лет. А в сентябре того же года был подписан Учредительный договор между двумя университетами о создании Университета «МГУ-ППИ в Шэньчжэне», со стороны МГУ его подписал ректор, академик РАН В.А. Садовничий, а с китайской – ректор ППИ, академик Китайской академии наук (КАН) Ху Хайяня.

Рабочая группа по созданию совместного университета, 28 октября 2014 года, подала официальное заявление в Департамент по образованию Провинции Гуандун об учреждении Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Департамент по образованию в свою очередь, направил заявление в Министерство образования КНР на рассмотрение. В мае 2015 года экспертная комиссия при Министерстве образования дала разрешение на предварительное учреждение совместного университета. Первым шагом было создание Проектного офиса по делам Совместного университета в Шэньчжэне и привлечение сотрудников. Следующим шагом стало объявление набора студентов в течение трех лет.

В январе 2016 года Проектный офис подал документы в Министерство образования КНР для официального учреждения Совместного университета. 16–18 июня в Пекине состоялось итоговое заседание Комиссии экспертов при Министерстве образования, по

китайско-иностранным совместным высшим учебным заведениям. На заседании было принято решение об учреждении Совместного университета и разрешение на его открытие. 27 октября была выдана лицензия Совместному университету на осуществление образовательной деятельности на территории Китайской Народной Республики. 24 апреля 2017 года Университет юридически официально был зарегистрирован.

Организационная структура Совместного университета. В апреле 2014 года в Москве был создан Организационный комитет по проекту создания российско-китайского совместного университета на базе МГУ, председателем Оргкомитета стал спикер Государственной Думы РФ С.Е. Нарышкин. С учетом важности и перспектив двухстороннего сотрудничества, в состав Оргкомитета вошли представители ведущих российских компаний – «Роснефть», «Ростех», «Транснефть», «РЖД», «Роснано», «Росатом», «Сбербанк» и др.

Совместным университетом управляет Совет директоров, являющийся высшим органом в принятии решений. Совет состоит из семи членов: три от МГУ и по два от Правительства Шэньчжэня и ППИ. 5 сентября 2014 года состоялось первое заседание Совета директоров. На нем были утверждены Устав Совместного университета и выбраны основные административные кадры: председатель Совета директоров, его заместитель, ректор, первый проректор и проректор по финансам. Проектный офис был открыт в октябре 2015 года. Его функциями стали практическое выполнение поручений от Совета директоров, в частности подготовка и сопровождение документов административного и технического характера, стратегическое и рекламное сопровождение по GR (взаимодействию с органами власти), PR (связи с общественностью) и HR (человеческим ресурсам) и прочие.

Проектирование и строительство университетского кампуса было осуществлено в короткие сроки, благодаря прямой поддержке со стороны городских властей Шэньчжэня. Новый университет находится в северном районе города Шэньчжэня – Лунган, общая площадь земельного участка 33,40 га. За счет городского бюджета были осуществлены масштабные строительные работы. Были построены учебные корпуса, административный корпус, библиотека, спортивно-оздоровительный и профилактический корпуса, здания жилого назначения и общественного

питания для студентов и сотрудников университета. Все инфраструктурные объекты были предоставлены Университету местными властями за символический один китайский юань на весь период сотрудничества.

Архитектурное проектирование нового университета заняло два года. Особое внимание было уделено внешнему облику главного корпуса. По замыслу архитекторов главное здание должно сочетать китайские и русские архитектурные стили. После многочисленных обсуждений, было принято решение построить главный корпус Совместного университета по образцу главного здания МГУ на Воробьевых горах в Москве. Первый камень главного корпуса Совместного университета был заложен 6 мая 2016 г. председателем Госдумы РФ С.Е. Нарышкиным, вице-премьером Госсовета КНР Лю Яньдун и ректорами обоих университетов-партнеров. 31 августа 2017 года главный корпус был введен в эксплуатацию. Строительные работы остальных объектов должны быть завершены не позднее декабря 2017 г. К концу 2018 года весь университетский комплекс будет введен в эксплуатацию. В Совместном университете будут учиться и проживать приблизительно 5 тысяч студентов.

Первый набор студентов. В августе 2017 года в Совместный университет поступили: на бакалавриат – 118 студентов, на магистратуру – 26. Торжественная церемония начала первого учебного года состоялась 13 сентября 2017 года. В торжественных мероприятиях приняли участие: вице-премьер Госсовета КНР Лю Яньдун (сопредседатель Китайско-российской комиссии по гуманитарному сотрудничеству) и заместитель председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец (сопредседатель Комиссии с российской стороны). Они выступили с приветственными речами от имени глав двух стран.

В своем приветствии Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что китайско-российское сотрудничество в последние годы в области образования развивается очень плодотворно. Оно имеет большое значение для двух стран: в укреплении традиционной дружбы и продвижению взаимного понимания народов. Создание МГУ-ППИ в Шэньчжэне, – отметил Си Цзиньпин, – это лучший пример сотрудничества между Китаем и Россией по гуманитарному взаимодействию [5].

В приветствии Президента РФ В.В. Путина отмечалось, что открытие российско-китайского Университета на базе двух авторитетных вузов

послужит дальнейшему укреплению дружбы и взаимопонимания между народами двух стран, а его выпускники будут востребованы не только в России и Китае, но и по всему миру [6].

Общее видение лидерами двух стран будущего МГУ-ППИ в Шэньчжэне, отражается в Договоре об университете: «создание уникального комплексного высшего учебного заведения мирового уровня, предоставляющего элитное образование и отвечающего высоким стандартам исследовательской деятельности, в соответствии с мировыми технологическими и экономическими требованиями, должно готовить высоко профессиональные кадры для китайско-российского стратегического сотрудничества и регионального экономического и социального развития, а также гарантировать высокий уровень академической успеваемости» [7].

Проект МГУ-ППИ в Шэньчжэне совпадает со стратегическим курсом Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Во-первых, углубляет всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие. Во-вторых, отвечает на вызовы в реализации проекта «Один пояс и один путь».

Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне является уникальным типом высших учебных заведений в Китае. Университет является примером внедрения новых концепций и подходов к управлению, созданию новых механизмов организаторской деятельности. Перед университетом стоят большие задачи в практической деятельности, связанные с изучением иностранных языков, в первую очередь, русского языка для китайских студентов. Большое значение имеют культурное восприятие и взаимопонимание между китайскими и российскими сотрудниками.

Международное сотрудничество в сфере высшего образования нуждаются в дальнейшем исследовании и совершенствовании. Эта задача стоит перед китайскими и российскими учеными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Шэнь Юн 沈勇. Шэньчжэнь цюйнянь шисян GDP 1.949 ваньи юань 深圳去年实现 GDP1.949 万亿元 (ВВП Шэньчжэня достигнул 1,9492 трлн.) // Шэньчжэнь тэцуйбао 深圳特区报 от 24 января 2017 г. С. 1.

2. Сюэсяо цзяньцзе 学校简介 (Об Университете) // Пекинский политехнический институт. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bit.edu.cn/gbxxgk/gbxqzl/xxjj/index.htm> (05.10.2017).
3. QS World University Rankings 2016–2017 //QS Quacquarelli Symonds Limited [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2016> (05.10.2017).
4. Совместный российско-китайский университет // РИА Новости [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20170912/1502023397.html> (05.10.2017).
5. Сицзиньпин тун пуцзин фэньбэйсян шэньчжэнь бэйли мосыкэ дасюэ кайсюэ дяньли чжихэцы 习近平同普京分别向深圳北理莫斯科大学开学典礼致贺辞 (Приветственные речи Си Цзиньпина и Путина Университету МГУ-ППИ в Шэньчжэне на торжественном открытии нового учебного года) // Синьхуа мэйжи дяньсюнь 新华每日电讯 от 14 сентября 2017 г. С. 1.
6. Участникам торжественной церемонии открытия российско-китайского Университета МГУ–ППИ в Шэньчжэне // Администрация Президента РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: – <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/55592> (05.10.2017).
7. Договор о создании совместного высшего учебного заведения между Народным правительством г. Шэньчжэня, МГУ им. М.В. Ломоносова и Пекинским политехническим институтом // Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://msuinchina.org/wp-content/uploads/2015/06/The-Treaty-establishing-11.08.pdf> (05.10.2017).

XU Hao – Shenzhen Polytechnic University. 518055, No.7089, Liuxian Av., Nanshan District, Shenzhen, Guangdong Province, China. E-mail: xuhao@szpt.edu.cn.

LI Jingcheng – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, St. Petersburg, 195251, Russia. E-mail: lijc@yandex.ru.

CHINESE-RUSSIAN COOPERATION IN HIGHER EDUCATION (ON THE EXAMPLE OF SHENZHEN MSU-BIT UNIVERSITY)

The article discusses the history and activities of the Shenzhen MSU-BIT University. The University was established on the initiative of Chinese and Russian governments. This is the first university in the history, which was created by the Chinese and Russian governments. This article also analyzes the formation of joint university, studies its organizational work, administrative structure and campuses system, shows the chronological development of the University. This University plays an important role in the interaction and cultural exchange between the People's Republic of China and the Russian Federation.

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY; BEIJING INSTITUTE OF TECHNOLOGY; SHENZHEN MSU-BIT UNIVERSITY; HIGHER EDUCATION; INTERNATIONAL COOPERATION; PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA; RUSSIAN FEDERATION

УДК 94(510).07

Ли Цзинчэн

**ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ В КИТАЕ
(ПО КИТАЙСКИМ МАТЕРИАЛАМ)**

Ли Цзинчэн – аспирант кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: lijc@yandex.ru.

В статье исследуется продвижение русских землепроходцев в Сибирь и на Дальний Восток. Дается анализ взаимоотношений между русским государством и Империей Цин. Особое внимание уделяется рассмотрению условий создания поселения русских воинов в Китае. Рассматривается деятельность первого прихода русской православной церкви в Пекине.

ПРАВОСЛАВИЕ; ДУХОВНАЯ МИССИЯ; РОССИЯ; КИТАЙ; ПЕКИН; МИССИОНЕРСТВО; РУССКИЕ; КИТАЙЦЫ; ИМПЕРИЯ ЦИН; БОГДЫХАН

Появление русских православных в Китае неразрывно связано с продвижением России на восток, в частности в Сибирь и на Дальний Восток.

В Китае до XVI века географическое понятие «Сибирь» означало территорию, расположенную в среднем и нижнем течении рек Иртыш и Обь. Позднее китайские путешественники расширили это географическое понятие и стали считать Сибирь от Урала на западе до Берингова пролива на востоке, прилегающую к Северному Ледовитому океану на севере, а на юге граничащую с Китаем и Монголией. Это территория простирается приблизительно на 13 миллионов квадратных километров [1].

В 50-х гг. XVI века, после присоединения Казанского и Астраханского ханств к Русскому государству, началось активное освоение богатейших земель на востоке. 26 октября 1582 года отряд под руководством атамана Ермака занял Кашлык, с этого времени началось освоение русскими Сибири. Русские активно продвигались на восток, были построены крепости Тюмень, Тобольск, Тара, Берёзов, Обдорск и др. [2].

К концу XVI века Сибирское ханство полностью было покорено русскими [3, с. 191].

В результате военных действий все естественные барьеры для продвижения на Дальний восток были сняты. Русские дошли до бассейна рек Енисей, Лена и озера Байкал. Следует отметить, что река Енисей в китайской исторической литературе называется «Цзяньхэ [кит. – 劍河]» или «Цяньхэ [кит. – 謙河]». Проживавшие в верхнем течении реки киргизы и монголы были подданные Китайского государства [4].

В 1619 г. русской армией был построен город Енисейск, как военный острог на западном берегу реки Енисей. Позже были основаны города Красноярск на реке Каче и Рыбинский острог на реке Ангаре. Значение этих городов для русских было велико. Они имели важное стратегическое значение: выступали в качестве военных баз и контролировали вход в бассейны озера Байкал и реки Амур [кит. – 黑龙江 Хэйлунцзян] [5, с. 11].

Основанием города Якутска в 1632 г., завершилось вхождение сибирских территорий в состав русского государства. Было создано военное ведомство, подчиненное Москве. Кроме похода в Восточную Сибирь, русские также активно продвигались в южном направлении к озеру Байкал. Данный регион был под управлением Китая. Само название «Байкал» происходит от китайского слова – Бэйхай [кит. – 北海], что означает Северное море.

По данным китайской исторической хроники, опубликованной в 1060 году, – «Синь Тан Шу [кит. – 《新唐书》 Новая история династии Тан]» отмечалось, что в 662 г. в районе озера Байкал был основан город Юйуьчжоу [кит. – 余吾州]. Город входил в состав китайской губернии Ханьхай [кит. – 瀚海都督府] [6].

Во время правления китайской династии Тан, русские землепроходцы активно начали осваивать территории, прилегающие к озеру Байкал. Опорным пунктом этого освоения стал город Енисейск, основанный как острог в 1619 году. Благодаря своему выгодному географическому положению город быстро стал центром Восточной Сибири.

В 1638 г. русский царь Михаил Федорович Романов назначил Петра Петровича Головина воеводой в Ленский острог. Это был очень энергичный,

деятельный землепроходец. Под его руководством, через пять лет острог был перенесен на новое место, на левый берег Лены. Острог стал поселением и был назван Якутском, став центром русских в Сибири [7].

Россия активно развивала свою внешнюю политику, что требовало больших финансовых средств. Главным источником финансовых поступлений в царскую казну была пушнина, основным местом её добычи была Сибирь. Истощение пушного промысла, заставляло русских все дальше продвигаться на восток, к Тихому океану. Это приводило к большей удаленности Восточной Сибири от центральной части России, откуда поступало продовольствие. Землепроходцы вынуждены были искать поблизости от районов пушных промыслов места, пригодные для земледелия. Такие земли находились в бассейне реки Амур.

Приамурье было богато пушным зверем и плодородными землями, которые находились вблизи от Китая. Коренные народы, населявшие эти территории, были разгромлены маньчжурами и попали в зависимость от них. Эта зависимость выразилась в выплате дани. Цинские императоры в условиях постоянных внутренних войн в Китае, всегда уделяли большое внимание событиям в Приамурье. Таким образом, к середине XVII века на Амуре столкнулись интересы России и империи Цин [8].

Выполняя наказ царя П.П. Головин, в начале 1643 года, отправил своего помощника В.Д. Пояркова для сбора налогов в царскую казну с местного населения. Но главным было открытие и освоение новых земель в южном направлении [9]. Осенью отряд В.Д. Пояркова прошел через Становой хребет [кит. – 外兴安岭] и впервые русские вышли в бассейн реки Амур.

Проживающее по берегам Амура местное коренное население – нанайцы (нанайск. нанай, нани; кит. трад. 赫哲族, пиньинь: *hèzhé zú*; устаревшее гольды) – враждебно встретило русских землепроходцев. Осенью 1644 г. отряд В.Д. Пояркова вышел к устью Амура. Местные жители гияки (тунг. гилэкэ от гилэ «лодка») в отличие от нанайцев были настроены дружелюбно к русским путешественникам. Они даже присягнули на верность русскому царю и заплатили ясак – натуральный налог в виде пушнины. В середине 1645 г. В.Д. Поярков со своим отрядом вышел в Амурский лиман. Все территории по реке Амур были объявлены русскими.

Через пять лет после экспедиции В.Д. Пояркова, Е.П. Хабаров со своим отрядом, пересек Становой хребет и вышел к реке Амур. Узнав о приближении русских, местные жители покинули свои села. Для своего острога Е.П. Хабаров выбрал село Якса [кит. – 雅克萨]. Эту местность населяли дауры¹ (дахуры, дагуры, кит. упр. 达斡尔族). Между русскими первопроходцами и даурами возникали вооружённые конфликты. Причиной этих конфликтов был отказ последних перейти под власть русского царя и платить ясак. Дауры отказывали платить ясак, так как они уже платили его маньчжурскому императору.

С 1649 года русские землепроходцы начали осваивать территорию Приамурья. Освоение сопровождалось строительством новых поселений, и активным сбором ясака с гиляков, дауров и других местных жителей.

В 1651 г. Е.П. Хабаров овладел селением даурского князя Албазы (кит. упр. 阿尔巴西), расположенное в месте слияния рек Шилки и Аргуни, напротив устья реки Албазихи. В русской транскрипции это селение получило название Албазин [кит. – 阿尔巴津] [5, с. 14–26]. Дальнейшее развитие поселения связано с русским землепроходцем Н.Р. Черниговским [10, с. 99]. Он активно стал восстанавливать Албазин, были проведены большие строительные работы по укреплению стен, появились новые постройки. Одним из важных сооружений острога стала православная часовня, освещенная в честь праздника Воскресения Господня. Организатором строительства часовни был православный иеромонах Ермоген Албазинский [11], принимавший активное участие в походе организованном Н.Р. Черниговским. В 1671 г. иеромонах Ермоген основал мужской монастырь во имя Всемиловитейшего Спаса в Албазине [12].

В 1672 году в Албазин был назначен царский представитель – приказчик, им стал Н.Р. Черниговский. С 1682 года территория Приамурья по обоим берегам рек Шилки и Аргуни была преобразована в Албазинское воеводство.

Император Цинской империи Канси (девиз правления кит. 康熙, собственное имя Сюанье, кит. 玄燁, 1654–1722), дважды в 1685 и в 1686 гг. организовывал военные походы на оккупированную русскими территорию

¹ В настоящее время дауры проживают в северной части Китая, в основном во Внутренней Монголии и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Албазин. Командующий китайскими войсками получил приказ захватить поселение, началась длительная осада. Русский гарнизон стойко отбивал все атаки противника. После пятимесячной осады и больших потерь китайское войско прекратило штурм.

По предложению русского правительства в Пекин прибыли русские послы с предложением о заключении перемирия. Китайские власти согласились на переговоры и известили свои войска о начале перемирия. После получения известия об осаде Албазина в Москве было принято решение об отправке «великого полномочного посольства» для заключения мирного договора с Китаем [13].

Русское посольство возглавлял Федор Алексеевич Головин (1650–1706) «для договоров и успокоении ссор китайского богдыхана²» [13]. В 1689 году был заключен Нерчинский договор. По договору была определена граница России с Цинской империей в верхнем течении Амура. Русские уступали реку Амур до притока Горбицы, тем самым теряли освоенное ими Приамурье. Россия лишалась Албазина, а сама крепость подлежала уничтожению. Однако провозглашался мир, и возобновлялась торговля между двумя государствами. Этот договор стал победой китайской дипломатии [14].

В ходе военных действий многие русские оказались в китайском плену. Часть пленных была депортирована в Россию, а 45 человек сдались Цинской империи и были отправлены в Пекин [15]. Пекинские власти разрешили русским поселиться в северо-восточной части города, включив их в войска империи. Богдыхан причислил русских к почетному военному сословию. Они получили статус «русской роты» императорской гвардии. Этот статус определял высокое положение в сословной иерархии империи. Русские были приравнены к чинам китайской империи, от седьмого до четвертого ранга. Уровень такого ранга давал высокое жалованье, казенную квартиру, деньги на обзаведение хозяйством и надел пахотной земли. Русские были полностью уравнены в правах с китайцами.

Но самое главное, русским разрешалось сохранить свою религию [16]. Китайский император разрешил русским осуществлять религиозную деятельность. Для православного храма, императорской властью был

² Богдыхан (монг. Богд хаан – священный государь) – обращение в русских грамотах XVI–XVIII веков к Императорам Китая из династии Мини и ранней Цин.

выделен китайский храм³, расположенный в серво-восточной части города. Русские переделают ее в часовню во имя святителя Николая Чудотворца. Все русские пленники были православными. Среди них был священник Максим Леонтьев. Он привез в Пекин икону Святого Николая и несколько экземпляров Библии [3, с. 192]. В маленькой часовне Святителя Николая отец Максим совершал богослужения, крестил, отпевал прихожан. Его пастырская деятельность стала хорошо известна Митрополиту Сибирскому и Тобольскому Игнатию. Он благосклонно отозвался о его деятельности, сказав: «Христовы православные веры свет им (китайцам) открывал» [17, с. 26].

В 1695 года Митрополит благословил строительство православного храма. Летом он направил в Пекин, священника Григория и диакона Лаврентия, с церковной утварью и принадлежностями для освящения храма: антимиас, миро и масло [18, с. 14]. Он возложил: «проповеднику святого Евангелия в китайском царствии, благоговейному иерею Максиму Леонтьеву и всем православным христианам, обитающим в китайском царствии, архипастырское благословение» [17, с. 28]. В 1696 г. храм был построен и освещен. Он получил название в честь кафедрального собора города Тобольска – во имя Иконы «Премудрости Божией Софии» [3, с. 192]. Среди русских церковь по традиции называлась «Церковь Николая», в честь иконы Николая Чудотворца, привезенной из уничтоженного Албазина [19]. Священник М. Леонтьев регулярно совершал богослужения. На этих божественных службах присутствовали не только русские, приходили и китайцы.

Активная просветительская деятельность отца Максима, привлекла внимание митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия [18, с. 15]. Митрополит специально прислал ему письмо, о признании православной церкви в Пекине. В письмо он писал: «В будущем нужно молиться не только за нашего царя, но и китайского императора, чтобы найти в Китае настоящую точку опоры» [10, с. 100].

Получив такое благословление, отец Максим активно начал миссионерскую деятельность в Пекине. Его усилия по распространению православия в Китае привлекали внимание Петра Великого. Узнав о деятельности священника, Петр I издал приказ по Сибирско-Тобольской

³ Буддийская кумирня – 卍 (Гуандимяо) храм Бога войны.

православной епархии организовать отправку священников с духовной миссией в Китай, отметив важность терпения и вежливости к китайским чиновникам, во благо для православной церкви в Пекине [3, с. 193]. В 1716 году по указанию Петра I в Пекине была открыта православная духовная миссия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Сюй Цзинсюэ 徐景学. Эго чжэнфу сиболия цзилюэ 俄国征服西伯利亚纪略 (Краткая история покорения Сибири Россией). – Хэйлунцзян: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1984. С. 6.
2. Очерки истории Сибири. Ч.1: Присоединение и хозяйственное освоение Сибири. – 2012. – 391 с.
3. Юэ Фэн 乐峰. Дунчжэнцзяо ши 东正教史 (История православия). – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1999. С. 191.
4. Синь Тан Шу 新唐书. 卷二一七 Т. 217. Юань ю 元由. Дили чжи 地理志 (История географии). 六 № 6.
5. Хуан Динтянь 黄定天. Чжунхэ гуаньси тунши 中俄关系通史 (Общая история отношений между Китаем и Россией). – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2013. С.11.
6. Синь Тан Шу 新唐书. 卷四三 (下) Т. 43 (вторая часть). 卷二一五 (上) Т. 215 (первая часть). Тан хуэй яо 唐会要. 卷七三 Т. 73. Аньбэй духуфу 安北都护府.
7. Иванов В.Н. Якутия в составе Русского государства (XVII в.) / В.Н. Иванов; Отв. ред. Д.А. Ширина; Акад. наук Респ.Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. – Якутск: Изд-во СО РАН Якут. фил., 2002. – 154.
8. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. До конца XIX в. – М.: Наука, 1982. – 288 с.
9. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири рус. людьми / Отв. ред. А.А. Преображенский; АН СССР. – М.: Наука, 1987. – 173 с.
10. Тань Шулинь 谭树林. Бэйцзин чуаньцзяошитуань ю эго цзаоци ханьсюэ 北京传教士团与俄国早期汉学 (Духовная миссия в Пекине и китаеведение раннего периода в России) // Шаньдун шифань дасюэ сюэбао (Жэньвэнь шэхуэй кэсюэбань) (Вестник Шаньдунского педагогического университета (гуманитарные и общественные науки). 2002. № 5. С. 99–101.
11. Тан Гэ 唐戈. Сюньфан нэйди саньцзо дунчжэнцзяотан цзючжи 寻访内地三座东正教堂旧址 (Посещение прежних адресов трех православных церквей в Китае) // Шицзе цзунцзяо вэньхуа (Мировая религиозная культура). 2003. № 3. С. 33–35.
12. Чжэн Юнван 郑永旺. Элосы дунчжэнцзяо цзай чжунго дэ фаньжун юй шуайло 俄罗斯东正教在中国的繁荣与衰落 (Процветание и закат русского православия в Китае) // Сюэшу цзяолю (Научные обмены). 2015. № 12. С. 27–30.
13. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. В 2 т. Том 2. 1686–1691. М. Наука. 1972. – 835 с.

14. **Мясников В.С.** Империя Цин и Русское государство в XVII веке / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока АН СССР. – М.: Наука. (ГРВЛ), 1980. – 312 с.
15. **Сяо Юйцю 肖玉秋.** Шилунь эго дунчжэнцзяо чжубэйцин чуаньцзяошитуань вэньхуа юй вайцзяо ходун 试论俄国东正教驻北京传教士团文化与外交活动 (К вопросу о культурной и дипломатической деятельности Русской духовной миссии в Пекине) // Шицзе лиши (Мировая история). 2005. № 6. С. 66–75.
16. **Тань Тяньюй 谭天宇.** Шиси чжуньэ «Цякэту тяююэ» дуй элосы чжубэйцин дунчжэнцзяо чуаньцзяотуань дэ инсян 试析中俄《恰克图条约》对俄罗斯驻北京东正教传教团的影响 (К вопросу о влиянии «Кяхтинского» договора между Россией и Китаем» на Русскую духовную миссию в Пекине) // Чифэн сюэюань сюэбао (Ханьвэнь чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань) (Вестник Чифэнского института (гуманитарные и общественные науки). 2015. № 9. С. 36–39.
17. **Абрамов Н.** Игнатий Корсаков, митрополит Сибирский // «Странник». 1862. IV.
18. Никулин И.А. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков) – церковный деятель, писатель и мыслитель второй половины XVII в. : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.02. [Ин-т истории и археологии УрО РАН]. – Екатеринбург, 2013. – 22 с.
19. **Чжэн Юнван 郑永旺.** Элосы дунчжэнцзяо цзай чжунго дэ фаньжун юй шуайло 俄罗斯东正教在中国的繁荣与衰落 (Процветание и закат русского православия в Китае) // Сюэшу цзяолю (Научные обмены). 2015. № 12. С. 27–30.
- Тань Шулинь 谭树林.** Бэйцин чуаньцзяошитуань ю эго цзаоци ханьсюэ 北京传教士团与俄国早期汉学 (Духовная миссия в Пекине и китаеведение раннего периода в России) // Шаньдун шифань дасюэ сюэбао (Жэньвэнь шэхуэй кэсюэбань) (Вестник Шаньдунского педагогического университета (гуманитарные и общественные науки). 2002. № 5. С. 99–101.
-

LI Jingcheng – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str.29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: lijc@yandex.ru.

THE FIRST RUSSIAN ORTHODOX IN CHINA (FOR CHINESE MATERIALS)

The article examines the conditions for the spread of Russian explorers in Siberia and the Far East. The analysis of the relationship between the Russian state and the Qing Empire. Special attention is paid to the conditions for the establishment of the settlement of Russian soldiers in China. Discusses the work of the first Russian Orthodox parish in Beijing.

ORTHODOXY; ORTHODOX MISSION; RUSSIA; CHINA; BEIJING; MISSIONARY; RUSSIAN; CHINESE; THE QING EMPIRE; EMPERORS

УДК 327.8(470:5)+930

М. Ф. Новоженова, В. Н. Пантелеева

**УЧАСТИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССАХ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ
(ОБЗОР НОВЕЙШИХ ПУБЛИКАЦИЙ)**

НОВОЖЕНОВА Маргарита Федоровна – кандидат исторических наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный морской технический университет. Ул. Лоцманская, 3, Санкт-Петербург, 190121, Россия. E-mail: history@smtu.ru.

ПАНТЕЛЕЕВА Валерия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии. Санкт-Петербургский государственный морской технический университет. Ул. Лоцманская, 3, Санкт-Петербург, 190121, Россия. E-mail: history@smtu.ru.

В статье анализируются работы российских авторов, вышедшие в последние годы и посвященные вовлечению Российской Федерации в интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для их развития на современном этапе характерны тенденции к трансрегионализации и формированию новых экономических партнерств – мегапартнерств. Особый интерес для России и для стран входящих в ЕАЭС представляет китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути». Рассматривая проблемы, возникающие в процессе реализации данного проекта, российские ученые и российское экспертное сообщество уделяют особое внимание возможности соединения потенциалов стран-участниц китайской инициативы, а также поиску основных направлений и форм сотрудничества.

РОССИЯ; КИТАЙ; АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН;
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ; ЕВРАЗИЙСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ; ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

На современном этапе мирового исторического развития Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) превращается в новый центр мировой экономики. На пространстве региона, который объединяет 58 стран и территорий, действуют многие интеграционные объединения, в том числе Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). После того, как правительство РФ

объявило о стратегическом «развороте на Восток», а эта тенденция, по мнению экспертов, носит долговременный характер, Россия должна будет более активно включаться в интеграционные процессы, происходящие в АТР. В последнее время в развитии этого региона, также как и в развитии мировой экономики в целом, проявилась новая тенденция к трансрегионализации, связанная с формированием новых экономических партнерств – мегапартнерств. К ним экономисты относят ряд проектов, в том числе Транстихоокеанское торговое партнерство (ТТП), Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) между США и Европой, а также китайский проект Всеобъемлющего (Всестороннего) регионального экономического партнерства (ВРЭП). Политики, экономисты, историки анализируют проблемы, с которыми может столкнуться Россия в связи с переходом к качественно новому типу глобализации. Они рассматривают необходимость, возможность, а также цели и задачи участия России и стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в новых проектах, анализируют перспективные направления и формы партнерств.

Интеграционные процессы, происходящие в АТР, анализирует в своей статье доктор политических наук В.Е. Петровский [1]. Он считает, что Россия, прежде всего, должна трезво оценить собственный потенциал для того, чтобы определить возможность и целесообразность подключения к переговорным процессам. РФ, осуществляя свой «разворот на Восток», должна приступить к детальной, кропотливой работе по присоединению к механизмам экономической интеграции в АТР. Это имеет огромное значение не только для России, но и для стран-участниц Евразийского экономического союза, которому важно найти и закрепить за собой «конкурентоспособную нишу» в мировой экономике [1, с. 11].

Ученый обращает внимание на то, что высокий уровень обязательных требований, предполагаемый соглашениями, как, например, по ТТП, является серьезным барьером для участия России в тех или иных проектах. В связи с этим наибольший интерес для России имеет присоединение к мегaproектам, инициированным Китаем. В сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин во время визита в Казахстан предложил сформировать, совместно со странами Центральной Азии,

«Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Проект предполагает создание транспортного, энергетического, торгового коридора между странами Азии и Европы. В октябре этого же года в ходе визита в Индонезию Си Цзиньпин предложил аналогичный план для расширения сотрудничества Китая со странами Западной, Южной и Юго-Восточной Азии, а также Восточной Африки и Европы под названием «Морской Шелковый путь XXI века» (МШП). Названия напоминают о Великом Шелковом пути, проложенным Китаем еще во II в. До н. э. Торговые караванные маршруты проходили через территории современных государств: Киргизии, Казахстана, Монголии, Индии, Турции, Ирана и Греции. Китайская инициатива затрагивает различные области развития многих государств и целых регионов мира: безопасность, социокультурные, политические, цивилизационные аспекты их существования. В Китае оба проекта были объединены под общим названием «Один пояс – один путь».

Важную роль в финансировании проектов в рамках ЭПШП должны сыграть Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути. В. Петровский считает, что создание этих структур отвечает новым вызовам и отражает изменения в мировом экономическом порядке. АБИИ призван стать мощным финансовым инструментом развития инфраструктурных проектов в АТР, а также послужить дополнением к работе Мирового валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка (ВБ). На переговорах по созданию АБИИ представители китайской стороны заявили, что КНР не будет иметь права вето. По мнению ученого, это предложение оказалось чрезвычайно важным условием для вступления Великобритании, Франции, Германии и Италии в АБИИ. Отказ от права вето означает, что ни одна страна-учредитель нового банка не будет иметь права диктовать свои условия, в отличие от сложившейся практики в международных финансовых институтах, поддерживаемых США. Следует отметить, что ряд наблюдателей, в том числе историк-востоковед Д. Добров считает, что АБИИ может стать не только дополнением, но и конкурентом МВФ и ВБ [2].

Соглашение о создании АБИИ подписали 57 стран. Крупнейшими учредителями банка по объему вложений являются Китай, Индия, Россия,

Германия и Южная Корея. Из крупных экономик, как пишет В. Петровский, только США и Япония заняли по отношению к АБИИ скептическую позицию. Присоединение России к АБИИ, по мнению первого заместителя Председателя Правительства РФ И. Шувалова, позволит стране расширить сотрудничество не только в области поставок энергоресурсов, но и в сфере высоких технологий в транспорте, промышленности, строительстве, связи и сельском хозяйстве. В настоящее время к реализации ЭПШП привлечены и другие банки, в том числе Азиатский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития, Всемирный банк. Фонд Шелкового пути является средне- и долгосрочным фондом развития и инвестиций, предоставляющий помощь странам и регионам, расположенным вдоль «Одного пояса – одного пути» в строительстве объектов инфраструктуры, включая дорожно-транспортную сеть, объекты электроснабжения, телекоммуникации. Научные эксперты признают, что в ближайшие годы строительство азиатской инфраструктуры будет происходить стремительными темпами, так предполагается, что ежегодные темпы роста инфраструктурного строительства составят 7–8% [3].

Китайская инициатива Экономический пояс Шелкового пути стала предметом повышенного внимания многих политиков, историков, экономистов, экспертов. По мнению С.В. Уянаева, старшего научного сотрудника Центра «Россия–Китай» ИДВ РАН, это вызвано тем, что проект носит комплексный, стратегически важный и «географически масштабный» характер, выходящий за рамки Китая [4, с. 8]. Как отмечает ученый, некоторые российские эксперты с настороженностью встретили китайский проект ЭПШП, предположив, что он является конкурентом российского проекта создания Евразийского экономического союза, международного интеграционного экономического объединения, пришедшего на смену Евразийскому экономическому сообществу в январе 2015 г. Его участниками являются Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия. Китайские эксперты также выражали опасение, что участие ЕАЭС в проекте может ослабить экономический потенциал ШОС. С. Уянаев анализирует тот путь, который прошли две страны к пониманию необходимости сочетания проектов ЭПШП и ЕАЭС.

Настороженное отношение российских и китайских специалистов сохранялось вплоть до встречи Президента РФ В. Путина с Председателем КНР Си Цзиньпином в феврале 2014 г. в Сочи. На этих переговорах обсуждалось «совместное строительство экономического коридора Шелкового пути». Автор подчеркивает, что китайские ученые, эксперты проделали огромную работу по уточнению проекта и в марте 2015 г. была обнародована развернутая программа под названием «Концепция и план действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» [5]. В этом документе системно изложены основные принципы, цели, географические рамки, а также механизмы реализации китайской инициативы. Будущими сферами сотрудничества назывались: политические контакты и координация политических установок, транспортные коммуникации, торговые свободы, финансы, общественные и гуманитарные связи. Причем, как пишет ученый, на первое место было поставлено согласование между странами-участницами «политических установок для развития», и лишь затем говорилось о сотрудничестве в других сферах.

Анализируя проект в ряде работ, С. Уянаев отмечает, что с его точки зрения, важным является уточнение, что китайская инициатива – не скрытая идея лидерства Китая, а крупный геоэкономический план открытого взаимодействия, основанного на многополярности [6, с. 244]. Ученый рассматривает внешний географический охват «пояса и пути». Согласно документу, «сухопутный пояс», начинаясь в Китае, и пролегая по территориям Азии, Европы и Африки, включает три главные линии – через Центральную Азию в Россию и Европу (Балтию); через Центральную Азию и Западную Азию в страны Персидского Залива и Средиземноморья; в Юго-Восточную и Южную Азию к Индийскому океану. «Морской путь», начинаясь у берегов Китая, имеет два главных маршрута – «через Южно-Китайское море и Индийский океан в Европу»; через Южно-Китайское море в Южную часть Тихого океана» [6, с. 245]. В марте 2015 г. И. Шувалов в ходе Азиатского экономического форума заявил о решении России принять участие в проекте Экономический пояс Шелкового пути. Он сказал, что совместная работа по развитию ЕАЭС и ЭПШП создаст дополнительные возможности для развития Евразийского экономического союза и Китая.

Особое внимание С. Уянаев уделяет совместному российско-китайскому заявлению о сотрудничестве в рамках проекта ЭПШП, подписанному в мае 2015 г. [7]. В этом документе говорится о «сопряжении» строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Следует отметить, что, несмотря на некоторые опасения ряда китайских экспертов, руководство страны согласилось с аргументами российских политиков и ученых о необходимости сотрудничества не с каждым членом ЕАЭС, а с объединением в целом. Было заявлено, что страны будут налаживать совместную работу в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего, на площадке ШОС, твердо придерживаясь принципов транспарентности, взаимодополняемости различных интеграционных механизмов. В числе приоритетных, были названы следующие направления: расширение торгово-инвестиционного взаимодействия; развитие транспортной инфраструктуры; строительство малых и средних предприятий, важных для региона; сотрудничество в различных областях кредитно-финансовой деятельности. В документе подчеркивалось, что стороны продолжают поиск путей возможного сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза.

Китайские ученые обращают особое внимание на то, что ЭПШП и МШП – не интеграционная структура, не региональная или международная организация, а инициатива взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития. Она открыта, всеобъемлюща, лишена жестких ограничительных рамок и приветствует участие всех стран и международных организаций. Участвовать в проекте могут все заинтересованные государства и компании, которые будут сами выбирать удобный для себя формат взаимодействия. «Мораль выше интересов» – на такой основе Китай предполагает развивать контакты между странами-участницами проекта [8]. По мнению С. Уянаева, Россия, после принятия совместного заявления, стала более активно участвовать в форумах, конференциях, симпозиумах, посвященных строительству ЭПШП.

Глубокий анализ тенденций трансрегионализации глобальной экономики дает в своих работах ученый-экономист Б.А. Хейфец. Он, как и ряд других экономистов, считает, что отличительной тенденцией в

развитии мировой экономики, проявившейся в последние годы, является формирование трансрегиональных экономических альянсов нового типа – мегапартнерств, в том числе ТТП, ЕС – Канада, ЕС – Япония, ТАТИП, ВРЭП [9, с. 4]. Ученый отмечает, что тенденция трансрегионализации должна привести к принципиальным изменениям в структуре и характере международного разделения труда. Приоритетом при формировании мегапартнерств является, прежде всего, общность экономических интересов, а не территориальная близость и наличие общих границ [9, с. 10]. Б. Хейфец считает, что развитие трансрегионализации создает для России определенные риски, связанные с определением ее места в глобальной экономике, в связи с этим необходимо изменить внешнеэкономическую стратегию страны, разработать ответные меры на вызовы трансрегионализации, в том числе оценить выгоды и риски возможных партнерств.

Вполне оправдано, по мнению автора статьи, выделение особого типа экономического партнерства, к которому относится китайская инициатива Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Б. Хейфец пишет, что в настоящее время еще не сформированы четкие очертания этого проекта, тем не менее, возможно, что в нем примут участие 60 государств и международных организаций, он охватит страны, где проживает около 4 млрд. человек [9, с. 25–26].

Важнейшей стороной проекта ЭПШП является его транспортно-инфраструктурная компонента. Новый Шелковый путь пройдет по территориям, которые характеризуются невысоким уровнем развития инфраструктуры, и позволит существенно сократить сроки поставки экспортных и импортных товаров. Так, например, путь из Китая в Германию по железной дороге займет 16 дней, в то время как путь по морю – вдвое больше [10]. Что же касается России, то Б. Хейфец отмечает, что Китай участвует в финансировании разработки проектной документации высокоскоростной железной дороги Москва – Казань. Также обсуждается вариант включения в маршруты Шелкового пути и дороги Москва – Санкт-Петербург. Транссибирскую магистраль и БАМ Китай, скорее всего, предполагает рассматривать для торговли с Россией. Транссиб, нуждаясь в модернизации, в настоящее время не может

конкурировать с Казахстанским транзитом. Северный морской путь, как транспортная связка между АТР и Европой, пока не вошел в проект Шелкового пути.

Б. Хейфец пишет, что ЭПШП не следует рассматривать только как средство организации транзитных перевозок между Восточной Азией и Западной Европой. Создаваемые коридоры должны стать зоной более гармоничного институционального сопряжения, зоной более тесной хозяйственной консолидации и экономического развития. Здесь же, с точки зрения ученого, возможны различные подходы. Одним из вариантов является участие России и ЕЭАС в проектах Китая по созданию 23 экономических торгово-производственных зон в рамках ЭПШП по Евразии. Автор статьи уверен в том, Россия должна проявлять большую активность в реализации данного проекта, теснее координировать свои действия с другими странами ЕАЭС. Однако осуществить это невозможно без реальной модернизации российской экономики, совершенствования ее структуры [11].

Ученый предполагает, что китайский проект может стать крупнейшим современным экономическим партнерством. Кроме того, этот проект можно считать гибридным, так как он будет реализовываться по разным направлениям, с разными скоростями. Важной особенностью китайского проекта является то, что он не предполагает заключения одного универсального соглашения, как в ТТП или ТАТИП. Более того, ЭПШП и МШП может стать и самым гибким экономическим партнерством: его участники смогут обмениваться мнениями относительно путей экономического развития для выявления потенциальных конфликтных точек, устранять их и выработать единую концепцию развития с учетом экономической, политической и правовой практик стран – участниц этого проекта [11, с. 49].

Доктор экономических наук А.В. Островский в своих работах отмечает, что китайский проект Экономического пояса Шелкового пути можно рассматривать как путь к международному экономическому сотрудничеству. Главное внимание он уделяет перспективам взаимодействия ЕАЭС и ЭПШП, анализирует возможности их «сопряжения» [12, с. 8–9]. По его мнению, под «сопряжением» следует

понимать, то что, с одной стороны, Россия, тесно сотрудничая с КНР, будет поддерживать строительство ЭПШП. С другой, Китай станет поддерживать усилия РФ по продвижению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Появляется возможность, что на территории стран ЕАЭС в зоне развития транспортной инфраструктуры (автомобильные и железные дороги) ускоренными темпами начнет развиваться экономика. Ученый напоминает, что опыт конца XIX – начала XX вв. показывает, что после начала строительства Транссибирской магистрали и Китайской Восточной железной дороги началось быстрое освоение территорий, прилегающих к ним, в том числе Восточной Сибири и Дальнего Востока на территории России, а также северных провинций Китая. А. Островский выражает надежду, что сочетание двух проектов – ЕАЭС и ЭПШП, позволит для России и других членов Евразийского экономического союза создать огромную транзитную зону для грузов из Европы в Азию, а также в значительной степени расширить торгово-экономическое сотрудничество между странами ШОС [12, с. 10]. Важными этапами сопряжения ученый считает согласование вопроса о путях экономического развития стран-участниц проекта; снижение, а затем и ликвидация торговых и инвестиционных барьеров между участниками ЭПШП. Ученый считает необходимым максимально использовать возможности АБИИ и Фонда Шелкового пути, в которых Россия, Индия, Китай являются главными акционерами.

В докладе, сделанном на заседании Президиума Российской академии наук в марте 2017 г., А. Островский отметил три основные проблемы российско-китайского сотрудничества: создание зоны свободной торговли между КНР и ЕАЭС; начало строительства высокоскоростной железной дороги Москва – Пекин и участка дороги Москва – Казань; ускоренное развитие инфраструктуры на Дальнем Востоке [13]. Рассматривая сложившуюся ситуацию в странах ЕАЭС по сотрудничеству с китайским проектом ЭПШП, ученый отмечает, что в настоящее время у Казахстана и Белоруссии уже имеются совместные инфраструктурные проекты развития. В частности, в Казахстане осуществляется модернизация и строительство железных и автомобильных дорог. В Белоруссии полным ходом идет строительство китайско-белорусского парка «Великий камень»

под Минском. А. Островский выражает опасения, что Россия, по-прежнему, не имея, конкретных проектов сотрудничества с Китаем, может опоздать к участию в китайской инициативе и оказаться в стороне от Экономического пояса Шелкового пути.

Вопросы сопряжения проектов ЭПШП и ЕАЭС рассматривает в своих работах и казахстанский политолог, востоковед К.Л. Сыроежкин [14]. Он считает, что на Евразийском пространстве это два наиболее реальных проекта. Однако на сегодняшний день, ЭПШП по ряду позиций обладает значимыми конкурентными преимуществами по сравнению с ЕАЭС. Автор обращает внимание на то, что при их сопряжении необходимо, прежде всего, учитывать стратегические интересы России, Китая и национальные интересы государств-участников ЕАЭС, через территории которых предполагается провести Шелковый путь. К. Сыроежкин называет возможные направления сопряжения двух проектов. Прежде всего, это создание современной транспортной и логистической инфраструктуры. Следующим направлением является упрощение таможенных процедур, снятие барьеров, мешающих развитию взаимной торговли. Важным направлением является проблема, связанная с энергоресурсами. В настоящее время Китай испытывает их растущий дефицит, Россия и страны Центральной Азии, напротив, заинтересованы в наращивании поставок энергоресурсов в Китай. Эту проблему поможет решить создание новой морской, железнодорожной и трубопроводной инфраструктуры, которую предполагается создать в рамках реализации ЭПШП. Автор считает, что в перспективе можно говорить о формировании в Евразии единого энергетического пространства. Еще одним направлением сопряжения он называет водные и экологические проекты, в которых заинтересованы Россия, ЕАЭС и Китай. Именно в этой области открываются перспективы для создания механизмов научно-технического сотрудничества и внедрения научно-технических достижений в производство. Актуальным направлением является создание совместных проектов, связанных с обеспечением продовольственной безопасности [14, с. 48–50].

По мнению К. Сыроежкина, одна из серьезных проблем заключается в создании условий, при которых оба проекта не выступали бы в качестве

конкурирующих сторон, а дополняли друг друга. В этой связи Китай и Россия должны будут договориться о разделе сфер влияния и интересов. Автор статьи выражает озабоченность тем, что, несмотря на подписанное соглашение о сопряжении двух проектов, в практическом плане сделано мало. До настоящего времени отсутствуют системные исследования ученых и экспертов по проектам, а также государственные заказы на такие исследования. В рамках ЭПШП разработан только проект создания транспортно-логистической, торговой и финансовой инфраструктуры. Из стран ЕАЭС наибольших успехов в процессе сопряжения с проектом ЭПШП добился Казахстан. Дело объясняется тем, что казахстанская национальная программа «Нурлы жол» и ЭПШП во многом совпадают. Это, прежде всего, касается транзита через территорию Казахстана грузов из Китая, а также развития транспортной и логистической инфраструктуры на территории Казахстана. Важным моментом является и тот факт, что Китай предоставляет большие кредиты и готов финансировать проекты не только в рамках ЭПШП, но и те, которые намечено реализовать в рамках программы «Нурлы жол». Только за 2014–2015 гг. Казахстан подписал с Китаем контрактов на сумму 48 млрд. долларов, а общий объем китайских инвестиций в экономику Казахстана превысил 70,6 млрд. долл. [14, с. 46].

В заключение обзора научных статей по изучаемой теме, следует отметить, что в 2016 г. группой российских, казахстанских и китайских экспертов был подготовлен аналитический доклад «Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи» [15]. Авторы считают, что Экономический пояс Шелкового пути – это набор проектов, однако объединение их в единой концепции, имеющей глубокие исторические корни, дает право считать, что Китай выступает не только как экономический, но и как идейный лидер для стран региона [15, с. 5]. По мнению авторов доклада, китайские интересы в определенной степени совпадают с экономическими интересами России и стран Центральной Азии. Китай с интересом отнесся к предложению российских экспертов о своеобразном разделении труда в деле сопряжения, в соответствии с которым Россия займется вопросами безопасности, ЕАЭС – нормативной базой, а Китай, прежде всего, инвестициями в инфраструктуру и развитие [15, с. 113].

Ученые, подготовившие аналитический доклад, рекомендуют российским экспертам в самое ближайшее время разработать, согласованную в рамках ЕАЭС, концепцию, которая имела бы целостное и системное содержание. В связи с этим необходимо сформировать четкое представление о задачах России в том или ином регионе и о конкретных шагах по реализации разработанных проектов. Они считают, что объединив усилия, Китай, Россия и страны ЕАЭС будут способствовать формированию нового международного политического и экономического порядка, причем не только на региональном уровне АТР и Евразии, но и на глобальном.

Авторы доклада, отмечая, что сопряжение ЭПШП и ЕАЭС до сих пор имеет формат лозунга, предлагают конкретные пути по развитию российско-китайского сотрудничества. Стыковка двух проектов, по их мнению, возможна на нескольких платформах, в том числе это ШОС; аналитические центры в России и Китае; приграничные районы; работающие в РФ китайские компании и российские компании в Китае [15, с. 82]. Авторы доклада считают, что следует детально обсуждать конкретные инфраструктурные проекты, механизмы взаимной защиты инвестиций, вопросы регулирования сотрудничества в отдельных отраслях, таких как информационные технологии, электронная торговля, медицинские и образовательные услуги, и туризм. В докладе подчеркнуто, что Экономический пояс Шелкового пути дает возможность различным странам в соответствии с их уровнем экономического развития разработать свои предложения и проекты. России в этих условиях предстоит найти свое место.

Таким образом, анализируя статьи экономистов, историков, экспертов, посвященные проблемам участия России в интеграционных процессах, происходящих в АТР, можно сделать вывод о том, что они уделяют повышенное внимание возможности участия России в мегапроектах, разрабатываемых в рамках региона. Ученые отмечают, что в современных условиях особое значение приобретает сотрудничество России, Китая и стран ЕАЭС в рамках инициатив, предложенных китайской стороной, и, прежде всего, в проекте Экономического пояса Шелкового пути. В своих работах они анализируют направления

возможного сопряжения двух проектов, указывают на проблемы, которые могут возникнуть при их стыковке. Ученые выражают серьезную озабоченность, тем, что российская сторона до настоящего времени не разработала конкретную концепцию сопряжения двух проектов, что может оставить Россию, не только в стороне от интеграционных процессов, происходящих в АТР, от Экономического пояса Шелкового пути, но и отбросить ее на периферию глобального экономического пространства «в роли догоняющей экономики».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Петровский В.Е.** Россия и азиатско-тихоокеанская экономическая интеграция. В поисках «точки входа» // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 4–11. ISSN: 0131-2812.
- 2. Добров Дмитрий.** Китай бросает вызов гегемонии Запада. [Электронный ресурс] – http://inosmi.ru/op_ed/20150403/227278991.html (дата обращ. 25.03.2017).
- 3. Asia's infrastructure market close to \$5.3t by 2025.** http://en.ce.cn/main/latest/201411/13/t20141113_3896905.sh (дата обр. 25.03.2017).
- 4. Уянаев С.В.** Китайский проект «Один пояс – один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 8–21. ISSN: 0131-2812.
- 5. Концепция и план действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI в.»** [Электронный ресурс] – <http://kz.chineseembassy.org/rus/gyzg/t1250518.htm> (25.03.17).
- 6. Уянаев С.В.** Новые «Шелковые пути» Китая» принципы и параметры официальной «дорожной карты» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т.20. № 20. С.242–259.
- 7. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.** 8 мая 2015 г. // Офиц. сайт президента РФ, 08.05.2015. – <http://www.kremlin.ru> (дата обр. 25.03.17).
- 8. Чжочао Юй.** Проект 21 века – Экономический путь Шелкового пути. – <https://cont.ws/@olegaaa/137379> (дата обращения 25.03.2017).
- 9. Хейфец Б.А.** Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России – Москва. Институт Экономики. – 2016. – 83 с. ISBN 978-5-9940-0543-9.
- 10. Brautlecht N.** Germany plans to Expand Chinese Rail Link as Xi Visits Duisburg. URL: http://publicspherejournal.com/wp-content/uploads/2016/02/02.eurasian_land_bridge.pdf (дата обр. 25.03.2017).
- 11. Хейфец Б.А.** Экономический пояс Шелкового пути – новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 39–49. ISSN: 0131-2812.

12. Островский А.В. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути». Как путь к международному экономическому сотрудничеству // Азия и Африка сегодня. 2016. № 2(703). С. 8–12. ISSN: 0321-5075.

13. Островский А.В. Экономический пояс Шелкового пути и Евразийский экономический союз: проблемы и перспективы сопряжения двух проектов / доклад на заседании Президиума Российской академии наук, 14.03.2017. [Электронный ресурс] – <http://www.ifes-ras.ru/component/content/article/1-world/2098-vystuplenie-av-ostrovskogo-v-prezidiume-ran> (дата обр. 25.03.2017).

14. Сыроежкин К.Л. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 2(31). С. 37-55. ISSN: 2073-4786.

15. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад) / Колл. авторов: А.В. Лукин, С.Г. Лузянин, Ли Синь, И.Е. Денисов, К.Л. Сыроежкин, А.С. Пятачкова / науч. ред. В.И. Якунин / М.: Научный эксперт. 2016. 129с. – [Электронный ресурс] – <http://centero.ru/wp-content/uploads/2016/11/111-avtor-logo-CHINA2-01.pdf> (дата обр.25.03.2017).

NOVOZHENOVA Margarita F. – State Marine Technical University of St. Petersburg. 3, Lotsmanskaya st., Saint-Petersburg, 190121, Russia. E-mail: history@smtu.ru.

PANTELEYEVA Valeriya N. – State Marine Technical University of St. Petersburg. 3, Lotsmanskaya st., Saint-Petersburg, 190121, Russia. E-mail: history@smtu.ru.

PARTICIPATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN INTEGRATION PROCESSES IN THE ASIA-PACIFIC REGION (REVIEW OF THE LATEST PUBLICATIONS)

This article analyzes the works of Russian authors, published in recent years and devoted to the Russian Federation involvement in the integration processes in the Asia-Pacific region. For their development at the present stage, there are tendencies towards transregionalization and the formation of new economic partnerships – megapartnerships. The Chinese project of the Silk Road Economic Belt is of special interest for Russia and for the countries entering into the Eurasian Economic Union. Considering the problems that arise in the process of implementing this project, Russian scientists and the Russian expert community pay special attention to the possibility of combining the potentials of the participating countries of the Chinese initiative, as well as the search for the main directions and forms of cooperation.

RUSSIA; CHINA; ASIA-PACIFIC REGION; THE SILK ROAD ECONOMIC BELT; REGIONAL COOPERATION; EURASIAN ECONOMIC UNION; THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

УДК 327.8

Д. А. Мохоров, А. Ю. Мохорова

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ

МОХОРОВ Дмитрий Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Юриспруденция и судебно-техническая экспертиза». Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: mokhorov@mail.ru.

МОХОРОВА Анна Юрьевна – кандидат политических наук, доцент, кафедры «Международные отношения». Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: mokhorova@list.ru.

В статье рассмотрено одно из важнейших направлений российско-китайского взаимодействия в настоящее время – экономическое сотрудничество. В условиях глобализации, происходящих в мире, важной является совместная работа двух значимых на мировой арене государств, направленная на развитие экономических связей. В работе проанализированы результаты двухстороннего диалога государств, перспективы развития взаимоотношений, роль взаимодействия в настоящих условиях.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ; ТОВАРООБОРОТ; РОССИЯ; КИТАЙ

Международные отношения – совокупность экономических, политических, дипломатических, военно-стратегических, культурных и иных связей и взаимоотношений между народами, государствами и объединениями государств, которые, так или иначе, затрагивают государственные интересы и определяют роль и степень участия публичных органов в них.

В настоящее время наблюдается процесс глобализации современного мира, вовлечения все новых субъектов в международные отношения, установления режима проницаемости границ. Такое положение ведет к непредсказуемости поведения участников отношений, изменяет устоявшиеся представления о безопасности государств, о порядке реализации внутренней и внешней политики, о сохранении

государственного суверенитета. «Глобализация вызывает к жизни разнонаправленные и противоречивые процессы: она открывает новые возможности экономического развития регионов и государств, но в то же время обостряет существующие или порождает новые проблемы общего характера, которые, собственно, и формируют вызовы региональному и мировому развитию» [1, с. 271].

В таких условиях необходимо обозначить стратегических партнеров, взаимодействие с которыми позволит рассчитывать на реальное достижение целей международного сотрудничества.

Учитывая общие тенденции мирового развития, а также характер взаимоотношений России с западными странами, российско-китайские отношения являются элементом стратегического и тактического партнерства и конкуренции. В этой ситуации наиболее важная задача для России – расширить области партнерства с Китаем. Таким образом, на сегодняшний день для нашего государства восточное направление внешней политики является не менее важным, чем западное. Развитие Дальнего Востока для России является приоритетной задачей [2, с. 1030].

Россия и Китай – два крупнейших государства, живущих в тесном соседстве. Отношения между Китайской Народной Республикой (КНР) и Российской Федерацией (РФ) в последние годы динамично развиваются, опираются на уже устоявшиеся правовые нормы, приобретают разветвленную организационную структуру и активные связи на всех уровнях, страны выступают как партнеры на международной арене.

За последние десятилетия была проделана колоссальная совместная работа, и сегодня можно с уверенностью утверждать, что эти связи являются наилучшими за всю их историю.

Основные принципы и направления двустороннего взаимодействия отражены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 года [3].

Необходимо отметить, что страны преследуют во многом одинаковые цели – сохранение своего культурного кода и права на самобытное развитие своих цивилизаций перед лицом нарастающего глобализма. Курс на развитие российско-китайского сотрудничества отвечает интересам народов обеих стран, которые впоследствии не намерены его менять.

По словам министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова: «Сотрудничество России и КНР в полном смысле слова взаимовыгодное сотрудничество, в котором нет старших и младших, ведущих и ведомых» [4]. Действительно, Россия проводит разностороннюю внешнюю политику, направленную на расширение и развитие равноправного сотрудничества с партнерами на всех географических направлениях. В этом контексте развитие политического диалога и практического взаимодействия с Китаем носит стратегический неконъюнктурный характер.

Отношения стран направлены на расширение взаимодействия как в политической, так и экономической сферах.

Данный факт подчеркивает министр иностранных дел КНР Ван И: «Российско-китайские отношения не подвержены абсолютно никакому влиянию внешних факторов. Страна нацелена лишь на расширение сотрудничества с РФ. Нас объединяют не какие-то поверхностные моменты, а фундаментальные интересы двух сильных держав, выступающих за многополярность современного мира» [5].

Д. Медведев на 22-ой регулярной встрече глав правительств России и Китая, заявил: «Наши отношения сегодня находятся на беспрецедентно высоком уровне и являются наилучшими за многовековую историю. Есть ощутимые результаты по всем направлениям. В январе – августе текущего года торговый оборот вырос уже на 35%» [5].

Между лидерами государств осуществляется постоянный политический диалог. Президент России Владимир Путин и председатель КНР Си Цзиньпин ежегодно проводят встречи. Так, 14–15 мая 2017 года президент России Владимир Путин в качестве главного гостя принял участие в международном форуме высокого уровня «Один пояс, один путь» в Пекине. «На полях» мероприятия президент России провел отдельные встречи с председателем КНР Си Цзиньпином и премьером Госсовета КНР Ли Кэцзяном.

3–4 июля 2017 года председатель КНР Си Цзиньпин посетил Россию с официальным визитом. В ходе переговоров обсуждались вопросы политического взаимодействия, торгово-экономического, военно-технического и гуманитарного сотрудничества двух стран.

В рамках официального визита Председателя КНР в Россию Владимир Путин и Си Цзиньпин общались с представителями общественных организаций, деловых кругов и медиа сообществ обеих стран.

По итогам визита был подписан пакет межправительственных и коммерческих документов о сотрудничестве в различных областях [6].

7 июля 2017 года перед началом саммита «Группы двадцати» в Гамбурге Владимир Путин и Си Цзиньпин приняли участие в неформальной встрече глав государств и правительств стран – участниц БРИКС [7].

В рамках осуществления взаимодействия двух стран создана и осуществляет работу межпарламентская комиссия по сотрудничеству Совета Федерации и Государственной Думы с Всекитайским собранием народных представителей. Депутаты высших представительных органов Китая и России постоянно осуществляют обмен делегациями по линии профильных парламентских комитетов и комиссий, а также депутатских групп российско-китайской дружбы.

Тесное сотрудничество осуществляется между главами внешнеполитических ведомств, которое предусмотрено в процессе плановых консультаций, визитов и участия в международных мероприятиях.

Импульсы сотрудничества с межгосударственного уровня эффективно осваивают и другие субъекты с той и другой стороны – регионы, органы местного самоуправления, партии, вузы, научные структуры, представители молодежных кругов, СМИ [8].

«В основе двухстороннего сотрудничества – международное право, его неукоснительное уважение, уважение центральной роли ООН, недопустимость вмешательства во внутренние дела. С этих позиций Китай и Россия теснейшим образом сотрудничают по всем международным проблемам...» [9].

Сложившаяся конфигурация участников публичной деятельности, дополненная не менее активной частью хозяйствующих операторов, создающих национальный ВВП, реализуя экономический суверенитет, статуирует в динамике особый, интеграционный комплекс российско-китайских взаимосвязей.

Важнейшей составляющей двусторонних отношений является торгово-экономическое взаимодействие между Россией и Китаем. Китай с 2010 года является крупнейшим торговым партнером Российской Федерации. В ходе визита Президента России Владимира Путина во главе российской делегации в Шанхае 20 мая 2014 года было подписано около 46 стратегических соглашений о сотрудничестве между Россией и Китаем, кроме того, в целях укрепления межгосударственных отношений Китай и России идут на некоторые уступки, так, Китай заявил о готовности обнулить импортные пошлины на российский газ, а Россия – обнулить налог на добычу полезных ископаемых для газовых месторождений, которые будут поставлять газ в КНР.

В 2015 году увеличилось не только количество взаимовыгодных договоров и проектов, но и улучшились политические взаимоотношения России с Поднебесной.

Главами обоих государств поставлена задача по увеличению к 2020 году объема двустороннего товарооборота до 200 миллиардов долларов, а объема китайских прямых инвестиций в экономику России – до 12 миллиардов долларов.

По данным китайской таможенной статистики, товарооборот России с КНР в 2016–17 гг. составил 69,525 миллиарда долларов, в том числе экспорт России в КНР – 32,228 миллиарда долларов, импорт из КНР – 37,297 миллиарда долларов.

В структуре экспорта России в Китай в 2017 году основная доля поставок пришлась на следующие виды товаров: минеральные продукты (66,72% от всего объема экспорта России в Китай); древесина и целлюлозно-бумажные изделия (12,15%); машины, оборудование и транспортные средства (6,94%); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (5,78%) продукция химической промышленности (5,13%); металлы и изделия из них (0,75%).

По данным ФТС РФ, внешнеторговый оборот России и Китая в январе–июне 2017 года составил 38,380 миллиарда долларов, в том числе российский экспорт – 18,186 миллиарда долларов и импорт – 20,193 миллиарда долларов [7].

Одним из приоритетов развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества является активизация инвестиционного

взаимодействия. Масштабы взаимных инвестиций пока значительно отстают от объемов двусторонней торговли. При этом инвестиционные вложения Китая в российскую экономику почти в 10 раз превосходят инвестиции России в Китай.

Важными сферами китайских капиталовложений в России являются энергоресурсы, сельское и лесное хозяйство, строительство и производство стройматериалов, торговля, легкая и текстильная промышленность, производство бытовой электротехники, услуги и др.

Основные направления российских инвестиций в Китае – производственная отрасль, строительство, транспортные перевозки.

Компании двух стран также совместно реализуют целый ряд крупномасштабных проектов в сфере топливной и ядерной энергетики, гражданского авиастроения, ракетного двигателестроения, спутниковых навигационных систем, сооружения объектов инфраструктуры и др.

Повышается роль национальных валют во взаимной торговле. Были подписаны два соглашения о торговом финансировании в юанях сроком на три года (между Банком ВТБ и Государственным банком развития Китая) и на пять лет (между Банком ВТБ и Государственным банком развития Китая), а также Рамочное соглашение между Государственной корпорацией Внешэкономбанк и Государственным банком развития Китая [12].

Поскольку МВФ включил юань в расчет корзины специальных прав заимствования, это, по мнению российской стороны, открывает дополнительные возможности для резервирования валютных позиций двух государств и выпуска инструментов, которые были бы номинированы в юанях, при сохранении расчетов в рублях.

Данный шаг позволит Москве и Пекину торговать в национальных валютах без привязки к доллару и соответственно без потери прибыли, так как будет ощутимо уменьшение валютных рисков [10].

Важную роль в обеспечении роста товарооборота между двумя странами сыграла и новая модель бизнеса – рост трансграничной электронной коммерции.

В настоящее время, такие китайские предприятия онлайн-торговли, как «Алибаба», «Цзиндун» и др., активно расширяют бизнес в России, повышают уровень обслуживания, российские банки и технологические компании также прикладывают усилия для улучшения процедуры оплаты

в сфере трансграничных онлайн-сделок.

Однако в российской Интернет-торговле, несмотря на двузначные темпы роста, есть и негативные тенденции: объем покупок за рубежом стремительно растет, причем не в пользу российских игроков. В том числе доля отправок из КНР составляет 90%, из Евросоюза – 4%, США – 2%.

На фоне подобных темпов роста российские аналитики все более убеждаются в том, что в скором времени «российский рынок Интернет-коммерции будет полностью подчиняться китайским игрокам»: Россия не взимает налоги и пошлины на товары стоимостью до 1000 евро, а в Китае действуют заградительные барьеры, что создает неконкурентные условия для российских интернет-магазинов.

Таким образом, российско-китайские экономические отношения являются достаточно выгодными для обеих сторон, определяются взаимной потребностью в модернизации экономик. Рост торгово-экономического сотрудничества будет определяться рядом факторов. Они связаны с развитием приграничного и трансграничного сотрудничества государств, переходом к взаиморасчетам в национальной валюте, созданием совместных предприятий, включением территорий Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая в совместные российско-китайские программы развития территорий. По мнению ряда авторов, в том числе и В.Я. Портякова [11, с. 14], современные тенденции в основных сферах сотрудничества будут и в дальнейшем сохраняться, что, ожидаемо, приведет к постепенному расширению присутствия Китая на российском рынке. В связи с этим, ряд исследователей небезосновательно опасаются последствий столь дружественных отношений между государствами для российской экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Матвеев В.А.** Российско-китайская кооперация в экономике, торговле, инвестициях, энергетике и транспорте ШОС: современные тренды// Китай в мировой и региональной политике (История и современность), выпуск XIX, М.: РАН. Ин-т Дальн. Востока, 2014.
2. **Макарова А.О.** Экономическое сотрудничество России с Китаем на примере Приморского края // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований № 7, 2016.
3. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Подписан в г. Москве

16.07.2001). <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=9827>, дата обращения: 06.12.2017.

4. Отношения России и Китая. «Руксперт». – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://ruxpert.ru/> (Дата обращения 04.09.16).

5. 22-я регулярная встреча глав правительств России и Китая – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – <http://government.ru/news/29983/> (Дата обращения 1.11.2017).

6. <http://www.kremlin.ru/supplement/5217>.

7. Межгосударственные отношения России и Китая – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – <https://ria.ru/spravka/20170903/1501384302.html> (Дата обращения 1.11.2017).

8. **Лихачев В.** Россия и Китай: вектор международного права // Журнал Международная жизнь, №10, 2015, <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1394>, дата обращения: 5.12.2017.

9. **Ли Ш.** Российско-китайские отношения на современном этапе // Молодой ученый. – 2016. – №15. – С. 355-357. – URL <https://moluch.ru/archive/119/32888/> дата обращения: 05.12.2017).

10. Российско-китайские отношения – [Электронный ресурс] – Режим доступа. <http://russiancouncil.ru/russia-china-2017bilateral> (Дата обращения 1.11.2017).

11. **Портняков В.Я.** Российско-китайские отношения: современное состояние и перспективы развития // Китай в мировой и региональной политике (История и современность), выпуск XVIII, М.: РАН. Ин-т Дальн. Востока, 2013.

12. **Снетков В.Н., Долгополова Т.А.** Политико-правовые аспекты евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7 (98). С. 320.

МОКHOPOV Dmitry A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: mokhorov@mail.ru.

МОКHOPOVA Anna U. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: mokhorova@list.ru.

THE MODERN REALITIES OF RUSSIA AND CHINA SOCIO-ECONOMIC INTERACTION

The article considers one of the most currently important areas of Russian-Chinese cooperation – the economic cooperation. In the context of globalization occurring in the world, the joint work of two important States in the world stage is aimed at the development of economic ties. This paper analyzes the results of States bilateral dialogue, the prospects of relations, the role of interaction in these conditions.

INTERNATIONAL RELATIONS; TRADE AND ECONOMIC COOPERATION;
TRADE; RUSSIA; CHINA

УДК 339.976

Т. С. Ягья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРИНАДЦАТОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА В КИТАЕ

ЯГЬЯ Талие Саидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория». Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ». Ул. Проф. Попова, 5а, Санкт-Петербург, 197376, Россия. E-mail: talie2006@mail.ru.

Сегодня Китай приступил к реализации основных направлений тринадцатого пятилетнего плана. Этот план знаменует смену модели экономического развития, означающую переход к инновационной экономике. В статье рассматриваются важнейшие социально-экономические аспекты тринадцатой пятилетки: рост ВВП, значительный рост благосостояния, инфраструктурное строительство и др. Кроме того, автор говорит о продолжении в этой пятилетке политики открытости и реформирования военной сферы.

ТРИНАДЦАТЫЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН; ИННОВАЦИИ; ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ; ВАЛОВОЙ ВНУТРЕННИЙ ПРОДУКТ; ТЕМПЫ РОСТА; СРЕДНЕЗАЖИТОЧНОЕ ОБЩЕСТВО; ВОЕННАЯ РЕФОРМА; ИНФРАСТРУКТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Китай, следуя плановому развитию построения коммунистического общества, с 2016 года вступил в тринадцатую пятилетку, которая определила основные направления социально-экономического развития страны на 2016–2020 годы, реализация которых будет способствовать, прежде всего, выполнению намеченных целей и задач и, соответственно, приведет к еще более значительному экономическому росту страны. Следует особо подчеркнуть, что тринадцатый пятилетний план представляет новую концепцию развития, знаменует смену модели экономического развития. Это означает переход страны к инновационной экономике, к инновационному управлению, требующий определенного времени, в течение которого будут проходить сложные структурные изменения. Эти изменения связаны с неизбежным снижением темпов роста

до уровня, который определен руководством страны, а также с обеспечением должного уровня социальной стабильности. Таким образом, углубление реформирования рыночной системы, а также разработка и внедрение инноваций являются определяющими сторонами тринадцатой пятилетки, которые позволят вывести промышленное развитие, стимулируемое инновацией, на новый технологический уровень, а также повысить качество и эффективность экономического развития Китая. Руководство страны осознает необходимость в этой новой модели, которая отвечает новым поставленным целям и соответствующим задачам. Таким образом, структурное изменение экономики позволит реализовать поставленные масштабные экономические, социальные задачи, решать вопросы в сфере безопасности, инфраструктурном строительстве, обеспечивать качественный уровень жизни китайских людей. Опыт развития стран показывает, что структурное реформирование очень сложный и очень важный процесс для каждой страны. Так, например, российская экономика, подвергаясь продолжительным западным санкциям, сталкиваясь с падением мировых цен на нефть и с колебаниями валютного курса и пр., нуждается в изменении ее структуры.

Китайское руководство большое внимание уделяет основному макроэкономическому показателю страны – валовому внутреннему продукту (ВВП). Этот показатель определяет степень и уровень внутреннего экономического и социального развития страны и место ее в мировой экономике. Напомним, что пристальное внимание всей мировой общественности было приковано к Китаю, к его предыдущим пятилеткам, к валовому внутреннему продукту, к темпам его роста.

Поэтому важнейшим аспектом предстоящей пятилетки можно назвать стремительный рост валового внутреннего продукта, который к концу рассматриваемой пятилетки должен достичь 13,8 трлн. долл. США (90 трлн. юаней). Напомним, что в 2015 году ВВП составил 10,3 трлн. долл. США (67,67 трлн. юаней) [1]. Добиться такого роста ВВП возможно, как заявил председатель КНР Си Цзиньпин, лишь при темпах роста ВВП не ниже 6,5% годовых [2]. (Напомним, что в предыдущие годы пятилетки темпы роста доходили до 11%. Это соответствовало еще экстенсивному развитию). Следует отметить, что достижение поставленной задачи

предполагает, что экономика страны будет направлена на качественное, интенсивное развитие, а не на быстрые темпы экстенсивного роста. Такие процессы, как индустриализация и интеграция информационных технологий, разработка и реализация передовых производств и стратегических новых отраслей промышленности, а также структурная перестройка хозяйства страны в целом и модернизация всей экономики должны привести все народное хозяйство страны (промышленность, сельское хозяйство и остальные отрасли) к высокому технологичному уровню развития. Так, Китай за годы этой пятилетки в рамках проводимых структурных реформ экономики по сокращению избыточных мощностей в промышленности должен будет сократить объемы производства в сталелитейной и угольной промышленности. В ходе реализации этой программы по сокращению избыточных мощностей в промышленности лишатся рабочих мест примерно 1,8 миллиона человек. Властями предусмотрено создания специального фонда в размере 100 миллиардов юаней (15,3 миллиарда долларов), основная часть средств из которого будет направлена на помощь тем работникам, которые лишатся работы, станут безработными в процессе подобного сокращения [3].

Весьма существенным аспектом рассматриваемой пятилетки является ее инновационная составляющая, которая предполагает инновационную стратегию развития, дальнейшее поддержание массового предпринимательства в надежде, что это должно привести к созданию новых технологий, инноваций, а также к инновационному вкладу в самые разные сферы жизнедеятельности для получения эффективных результатов, которые и приведут к планируемому ВВП. Таким образом, инновации станут для страны Китай движущей силой для дальнейшего ее развития и будут содействовать всем сторонам инновационной деятельности (институциональной, теоретической, технологической инновации). Так, известно, что программа тринадцатой пятилетки предполагает реализацию 160 крупных проектов, касающихся научных инноваций, структурной модернизации, инфраструктурного строительства, экологии и благосостояния населения [4]. К тому же, следует отметить, что в Китае, где успешно развивается рыночная экономика, в годы тринадцатой пятилетки будет постепенно внедряться

новая модель развития и использования человеческих ресурсов – так называемый инновационный тип управления, который исходит из того, что люди и их таланты являются наиболее ценными ресурсами организации, фирм. При этом управление человеческими ресурсами станет стратегической задачей организации. Заметим, что развитие человеческого потенциала превратится в статью инвестиций, а не затрат как в фирмах с технократическим типом управления. В основе инновационного типа управления лежат такие принципы, как ориентация на высококвалифицированную рабочую силу, непрерывность процесса повышения квалификации, гибкость системы организации труда. Таким образом, внедрение инноваций в различные сферы потребует и инновационного управления людскими ресурсами. Китаю нужно время как для развития и внедрения инноваций, так и для создания всех условий инновационной модели управления. По нашему мнению, за годы этой пятилетки Китай, китайское руководство справится с этим вопросом. Но успех его во многом будет определяться уровнем благосостояния в стране.

Поэтому, следующим важным аспектом тринадцатого пятилетнего плана нужно считать значительный рост благосостояния как одно из ключевых его социальных направлений. Этого можно достичь благодаря значительному росту экономики, обеспечивающего достижение запланированного ВВП. Следует подчеркнуть, что в двенадцатом пятилетнем плане было обращено внимание на увеличение доходов беднейших слоев населения страны, на борьбу с бедностью. Однако некоторое незначительное повышение уровня жизни людей в Китае к концу двенадцатой пятилетки спровоцировало рост стоимости рабочей силы, что заставило некоторые производства иностранных компаний перебазировать в соседние с КНР государства Юго-восточной Азии, с тем, чтобы быть более рентабельными и превратить Китай из страны с дешевой рабочей силой в мощный мировой научно-производственный центр.

В этой пятилетке ставятся такие задачи социальной направленности, как: удвоить доход и городского, и сельского населения страны, искоренить бедность, завершить построения среднезажиточного общества, общества среднего достатка. Это возможно будет осуществить благодаря достижению уровня ВВП в 90 триллионов юаней. Власти Китая

определили, что к 2020 году, т.е. к концу пятилетки, выведут из-за черты бедности 70 миллионов человек. Известно, что к началу 2015 года ежегодный доход китайцев, находившееся за чертой бедности (70,17 млн.) составлял 2300 юаней (376 долларов) [5]. Следует понимать, что «среднезажиточными» надо сделать не только тех, кто живет за чертой бедности, но и сотни миллионов бедных, которые расположились на условной шкале от среднезажиточности до нищеты. Не менее важным аспектом социального направления рассматриваемой пятилетки является реализация в полной мере политики второго ребенка в семье. Известно, что в конце семидесятых годов в Китае была внедрена политика «Одна семья – один ребенок». Фактически, это политика, направленная на сокращение рождаемости, абсолютно оправданная в сложившейся экономической ситуации в стране, привела к неоднозначным результатам. С одной стороны, население страны перестало расти огромными темпами, но с другой – это привело к растущему преобладанию мужчин над женщинами и стремительному старению и, конечно, к сокращению трудоспособного населения. Таким образом, подобная политика китайских властей привела и к таким демографическим проблемам, как гендерный дисбаланс и старение населения. Кстати, из-за старения населения Китай лишится одного из своих главных экономических преимуществ – дешевой рабочей силы. К концу 2016 года в Китае насчитывалось 230,86 миллиона жителей старше 60 лет, или 16,7% от общего населения. Количество людей старше 65 лет со 143 миллионов увеличилось до 150,03 миллиона, что составляет 10,8% населения. К тому же, общая численность трудоспособного населения в возрасте от 16 до 59 лет составила 907,47 миллиона человек, то есть 65,6% от общего населения. В 2015 году этот показатель составлял 66,3% [6]. За годы тринадцатой пятилетки эти проблемы китайским руководством должны быть разрешены. Реализация политики супружеским парам иметь двух детей позволит сохранить возрастной баланс населения и даст возможность противодействовать старению населения. Заметим, что отходить от политики планового деторождения в стране пока не собираются. Однако за годы этой пятилетки будет проводиться политика улучшения в сфере планирования семьи. При этом обращено внимание на улучшение сферы

здравоохранения в отношении матерей и детей, улучшена система регистрации новорожденных. По прогнозам властей Китая, к 2020 году население страны составит 1,42 млрд. человек [7].

Начатая в годы двенадцатой пятилетки военная реформа должна будет завершиться к 2020 году, т. е. к концу тринадцатого пятилетнего плана. Правительство КНР поставило ряд задач перед Министерством национальной обороны, которые должны способствовать всестороннему укреплению народно-освободительной армии Китая (НОАК). Поэтому военное реформирование является существенным аспектом социально-экономического развития пятилетнего плана. Прежде всего, военная реформа направлена на увеличение боеспособности армии и качества армии, разработку новых технологий и видов оружия. Для решения этого ставятся такие задачи, как укрепление национальной обороны, развитие науки и техники, подготовка кадрового состава для управления войсками, обновление материально-технического обеспечения, повышение военного потенциала путем проведения совместных учений с другими странами, активное участие в международных операциях по поддержанию мира, оптимизация размеров и структуры сил и др. Эти, запланированные правительством задачи, должны быть выполнены к 2020 году. До начала реформирования было сокращено количество военных округов (вместо семи стало пять), вместо ликвидированных четырех военных ведомств были созданы пятнадцать отделов, подчиняющихся напрямую ЦВС (центральному военному совету – государственный орган) КНР. Этому государственному органу подчиняются подразделение национальной обороны, подразделение обновления вооружений и подразделение политической работы. Стоит отметить, что главные решения в вооруженных силах Китая принимаются государственным органом ЦВС и все действия армии подчиняются и контролируются ЦК КПК и партийным органом – Военным советом ЦК КПК. Таким образом, НОАК признает главенствующую роль партии в принятии решений. Военная реформа предполагает сокращение численности армии и, прежде всего, за счет уменьшения численности войск с устаревшей военной техникой. Так, уже к концу 2017 года ее численность составит 2 миллиона человек [8, с. 80–83]. Руководство КНР уделяет огромное внимание развитию и

модернизации вооруженных сил, что подтверждает увеличение военного расхода страны уже на протяжении нескольких последних лет. Так, в 2017 году военный бюджет страны вырастет на 7 %, что составит 1,3% от ВВП страны [9]. Это позволит более ускоренными темпами разрабатывать и внедрять инновации в военной отрасли. Си Цзиньпин подчеркнул особую важность инноваций для строительства эффективных сил стратегической поддержки как новый род войск, состоящий из космических войск, войск электронной борьбы и интернет-войск [10]. Проведение военной реформы требует колоссальных средств: денежных, финансовых. И это подтверждает, по нашему мнению, правильность курса страны на переход к новой модели развития страны, направленной на интенсивное, инновационное развитие, что позволит стране достичь намеченного ВВП, и, таким образом, успешно завершить все проводимые реформы.

Вопросы экологии были подняты еще в двенадцатой пятилетке. Серьезнейшая проблема в Китае и, особенно в северной части страны – загрязненный воздух, основными причинами которого являются значительное использование угля и стремительное развитие автомобильного транспорта. Поэтому, в 2013 году руководство страны разработало и опубликовало план действий по контролю загрязнения воздуха и воды. В частности, была объявлена кампания по борьбе с недостоверными данными о качестве воздуха, и власти страны в ходе ее обвинили чиновников в предоставлении данных, не соответствующих государственным стандартам. Итак, поднятые экологические проблемы не могли быть разрешены немедленно, в одночасье, поэтому тринадцатая пятилетка пронизана дальнейшими идеями и мерами по экологическому развитию. Так, властями планируется сократить потребление угля на 160 миллионов тонн, что снизит уровень загрязнения воздуха [5], а также ожидается в период тринадцатой пятилетки проведение большого количества мер по уменьшению выбросов углекислого газа. Власти намерены больше использовать энергию ветра, солнца, ядерную энергетику, энергетическое сырье из биомассы. Кроме того, энергетическая, химическая и сталелитейная промышленность станут объектом контроля по выбросу углеводородов. Сказанное свидетельствует о том, что экологические вопросы представляют весомый аспект в

социально-экономическом развитии страны, обеспечивающий комфортную жизнь китайскому населению.

Важным аспектом тринадцатого пятилетнего плана можно считать развитие инфраструктурного строительства, способствующего дальнейшему социально-экономическому развитию страны. В качестве инфраструктурного строительства выделяется долгосрочный проект строительства «Экономического пояса Шелкового пути», реализация которого рассчитана на 30 лет, но он уже входит в этот тринадцатилетний план развития страны. Реализация инфраструктурного строительства в Азии будет финансироваться за счет Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Банка развития БРИКС и Фонда Шелкового пути и создаст современные зоны международного сотрудничества в Центральной Азии, на Дальнем Востоке России, а также вдоль всего Шелкового пути вплоть до Европы. В целом, проект направлен на модернизацию развития Северо-Востока и Северо-Запада Китая, путем перенесения в эти регионы крупных производств из восточных прибрежных регионов страны, и совершенствование инфраструктуры в этих регионах.

Провозглашенная ранее политика открытости своей экономики внешнему миру продолжится и в тринадцатой пятилетке, в том числе и в таких традиционно закрытых отраслях, как электроэнергетика, нефтегазовая, телекоммуникация. Причем привлечение иностранных инвесторов будет осуществляться путем установления более прозрачных правил ведения бизнеса. Кроме того, китайское руководство будет поддерживать инвестиции своих компаний в иностранные. В целом, можно сказать, что государственный пятилетний план развития страны нацелен на качественное развитие экономики страны КНР. Китай уверенно идет по пути мирного развития и наращивает все большее влияние в глобальной экономике, привлекая к себе всеобщее внимание международного сообщества, в том числе и Россию – близкого соседа и стратегического партнера. Таким образом, продолжение открытой политики, и, соответственно, открывшиеся новые возможности для России представляют существенный аспект тринадцатилетнего плана социально-экономического развития. Поэтому можно говорить, что тринадцатая пятилетка предоставляет новые возможности для нашей страны – России.

Во-первых, тринадцатая пятилетка – это период и реализации соглашения о сопряжении ЕАЭС, и китайской инициативы «Один пояс, один путь». Причем и КНР, и Россия уже создали механизм по координации сотрудничества по сближению двух этих проектов. И уже началась работа по таким конкретным направлениям сотрудничества, как финансы, инвестиции, энергетика и инфраструктура. Во-вторых, тринадцатая пятилетка Китая даст двум партнерам: и Китаю, и России новые возможности сотрудничества и, прежде всего, в энергетике. Речь идет о прокладке новых трубопроводов, поставке электроэнергии, нефти и газа, строительстве АЭС. Так, «Роснефть» заключила с China National Chemical Corporation новый годовой контракт на поставку нефти. Важным направлением сотрудничества этих двух стран станет сфера высоких технологий: космос, транспортная инфраструктура, «зеленая энергетика». Как раз сопряжение ЕАЭС и китайской концепции «Экономический пояс Шелкового пути» будет способствовать развитию транспортной инфраструктуры. Однако речь уже идет не только о строительстве дорог, но и других крупных экономических проектах. Шелковый путь затрагивает интересы всех членов ЕАЭС и, поэтому можно говорить уже, что процесс сближения ЕАЭС и Шелкового пути вышел на финишную прямую. Так, например, активно обсуждаются инвестпроекты в области сельского хозяйства, а также вопросы взаимного экспорта рыбо- и морепродукции, экспорта российского мяса птицы и субпродуктов. К тому же Россия увеличивает объем поставок по российско-китайскому нефтепроводу, продолжается возведение нефтеперерабатывающего Тяньцзиньского завода и газопровода «Сила Сибири». Эти проекты реализуются и достигнут полной мощности в 2020 году. Китайская сторона расширяет участие в крупнейшем в России проекте по производству сжиженного природного газа «Ямал СПГ». В целом, можно полагать, что в процессе стремительного развития экономики Китая и реализации задач тринадцатилетнего плана будут создаваться новые возможности для расширения сотрудничества российских и китайских предприятий в области высоких технологий. Известно, что готовятся новые проекты в области космонавтики, авиации, ядерной энергетики, а также в сфере сельскохозяйственного производства и охраны окружающей среды. Для

России важным будет участие китайского бизнеса в развитии Дальнего Востока. Таким образом, по нашему мнению, сохранение на уровне примерно 6,5 % темпов роста китайской экономики, позволит стране Китай достичь поставленных целей и задач тринадцатилетнего плана, а также во многом определять перспективы мирового хозяйства. И каждая страна, в том числе и Россия, может связывать перспективы своего экономического развития с перспективами китайской экономики.

Можно с уверенностью сказать, что все устремления Китая по реализации тринадцатилетнего плана развития страны находятся под контролем КПК и будут обязательно выполнены. Тем более, Китай в ходе этой пятилетки, как и в предыдущие, следует линии партии, руководства страны, позиции народа, верховенства закона. А это – есть гарантия успеха в реализации поставленных задач. Став второй экономикой мира Китай вот уже более 38 лет демонстрирует всему миру свои социально-экономические достижения и всеми своими действиями показывает, что не собирается сдавать свои позиции, а будет добиваться еще больших успехов, идти дальше в своем социально-экономическом развитии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Китай определил задачи в экономике на 2016 год и XIII пятилетку – РИА Новости – [Электронный ресурс] – <https://ria.ru/economy/20160305/1385131917.html>.
2. Си Цзиньпин: экономика Китая остается устойчивой – РИА Новости – [Электронный ресурс] – <https://ria.ru/economy/20151118/1323298283.html>.
3. Провинция Гуйчжоу в КНР закроет 510 угольных шахт – РИА Новости – [Электронный ресурс] – <https://ria.ru/economy/20160305/1385187510.html>.
4. Сюй Шаоши рассказал об основных моментах 13-й пятилетней программы социально-экономического развития Китая – Russian.people.cn – [Электронный ресурс] – <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0306/c31521-9025929.html>.
5. 13-я пятилетка Китая: темпы роста экономики – главная задача – Китая – Русская весна – [Электронный ресурс] – <http://rusvesna.su/economy/1445922496>.
6. Население Китая в 2016 году выросло до 1,382 миллиарда человек – РИА Новости – [Электронный ресурс] – <https://ria.ru/world/20170120/1486095090.html>.
7. Численность населения КНР к 2020 году увеличится до 1,42 млрд человек – ТАСС – [Электронный ресурс] – <http://tass.ru/obschestvo/2719365>.
8. Качалин О.В., Ильина Е.В., Ягья Т.С. Военная реформа в тринадцатой пятилетке КНР // В сб. науч. тр. 19-й междунар. науч.-практ. конф. «Экономика, экология и общество России в 21-м столетии» (15–16 мая 2017 г.) / под ред. Н.И. Диденко. – Изд-во Политех. ун-та, СПб: 2017. – 564 с.
9. Военный бюджет Китая в 2017 году вырастет на 7% – РИА Новости –

[Электронный ресурс] – <https://ria.ru/world/20170306/1489336783.html>.

10. 习近平：努力建设一支强大的现代化战略支援部队 – Синьхуа – [Электронный ресурс] – http://news.xinhuanet.com/politics/2016-08/29/c_1119474761.htm.

YAGYA Talie S. – St.-Petersburg State Electrotechnic University. Prof. Popova Str., 5a. St. Petersburg. Russia. E-mail: talie2006@mail.ru.

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF THE THIRTEENTH FIVE-YEAR PLAN IN CHINA

Today, China has embarked on the implementation of the main directions of the Thirteenth Five-Year Plan. This plan marks a change in the model of economic development, which means a transition to an innovative economy. The article discusses the most important socio-economic aspects of the Thirteenth Five-Year Plan: GDP growth, significant welfare growth, infrastructure construction, etc. In addition, the author speaks about the continuation of the policy of openness and reform of the military sphere in this five-year plan

THIRTEENTH FIVE-YEAR PLAN; INNOVATIONS; INNOVATIVE DEVELOPMENT STRATEGY; GROSS DOMESTIC PRODUCT; GROWTH RATES; A MODERATELY PROSPEROUS SOCIETY; MILITARY REFORM; INFRASTRUCTURE CONSTRUCTION

УДК 338.48

Р. И. Алекберов

АНАЛИЗ МОТИВАЦИИ КИТАЙСКОГО ТУРИСТА ПРИ ВЫБОРЕ РОССИИ В КАЧЕСТВЕ СТРАНЫ ПУТЕШЕСТВИЯ

АЛЕКБЕРОВ Роман Илгарович – аспирант кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия
E-mail: kino92@mail.ru.

В статье рассмотрена характеристика китайского туриста, приезжающего в Россию, проведен анализ мотиваций китайских туристов. Автором показано, что социокультурные и социально-политические факторы оказывают значительное влияние на увеличение китайского туристического потока в России.

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ; МОТИВАЦИЯ; ТУРИЗМ; СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

Туризм уже давно стал важной составляющей человеческой жизни. В основе решения отправиться в путешествие лежит стремление человека к новым впечатлениям, к отдыху посредством перемены привычного места. На выбор конкретной поездки влияют множество факторов, как индивидуальных, так и общенациональных, общечеловеческих. Среди них можно выделить систему ценностей человека, его интересы, физиологические особенности, этнопсихологические особенности и т.д. [1]. Важнейшим фактором принятия решения о поездке является мотивация. В данной статье мы рассмотрим мотивацию китайского туриста при выборе России в качестве страны при поездке за границу.

Понимание мотивов туристов – это важнейшая составляющая успешного функционирования туристического предприятия. Знание туристических мотивов должно быть основой туристической фирмы. Мотивы туристов не только определяют первоначальный выбор того или иного продукта, но и стимулируют рынок выбранной страны к развитию, и

дальнейшему появлению новых разновидностей туризма и новых услуг. Санкт-Петербург является туристическим центром России и, по количеству туристов, опережает даже Москву. По данным Санкт-Петербургского комитета по развитию туризма, количество туристов, посетивших Санкт-Петербург в 2016 году, составило 6,9 млн. человек, что превышает показатели 2015 года на 6% [4]. Поэтому для формирования качественной и эффективной стратегии продвижения туристического продукта и привлечения туристов, необходимо изучать данную тему.

Для начала дадим характеристику китайскому туристу, приезжающему в Россию. В первую очередь стоит отметить, что это – групповой турист. На то существует ряд причин:

- групповой безвизовый режим с Россией;
- коллективистский образ жизни;
- страх путешествовать в одиночку.

Рассмотрим подробнее данные положения:

29 февраля 2000 года вступило в силу «Соглашение о безвизовых групповых туристических поездках» между Китаем и Россией. Теперь, приезжая в Россию в составе групп, китайцам не нужно делать российскую визу, что освобождает туриста от лишних временных и финансовых затрат. Таким образом, данное соглашение является ключевой причиной такого наплыва в Россию китайских туристов. Однако безвизовый режим характеризует только количество групповых туристов, в чем же кроется причина самой привычки китайцев путешествовать в группах? С данным вопросом мы переходим ко второму пункту.

Коллективный образ жизни. В отличие от европейской цивилизации, для китайской культуры коллективизм – это неотъемлемая его часть. Китайцы видят коллектив не только как «сухое» собрание индивидов, но и как то, что индивид должен ценить, они ощущают сами себя как часть различных коллективов. Индивид, по их мнению, не может существовать вне коллективов, он обязательно является представителем тех или иных социальных образований: он представитель нации, он может быть представителем своей профессии, класса, он, в конце концов, член семьи. Китайцы приспособливаются к обществу, в котором находятся, но отнюдь не для того, чтобы контролировать это общество, управлять другими

людьми и т.д., а для того, чтобы соответствовать требованиям этого общества, чтобы в обществе была гармония. Китайцы привыкли и даже любят находиться в толпе, у них смыты границы личного пространства. Европейец же предпочитает уединение, ненужных знакомств с посторонними людьми не заводит.

Обратимся к эксперименту психолога Кристофера Эрли, который предоставил возможность американским и китайским менеджерам поработать в разных условиях [3].

Различным испытуемым говорилось, что они работают либо с членами своей ин-группы, либо с членами аут-группы, где ин-группа – это группа людей с похожими интересами или жители той же области, что и испытуемый, а аут-группа – это группа, с которой испытуемого ничего не связывает. В действительности же, все они работали в одиночестве и никаких групп не существовало. Испытуемым же говорилось, что продуктивность их работы будет оцениваться на групповом уровне. В итоге, китайцы работали продуктивнее в ин-группах, чем в аут-группах или самостоятельно. Американцы же работали лучше самостоятельно, чем, если они считали, что работают с членами других групп, независимо от того, какая группа это была.

На Западе личность понимается как цельная и обособленная система, тогда как в Китае личность – это совокупность отношений с самим собой, с родственниками, с окружением, с обществом в целом. Китайцы всегда ощущают себя частью тех или иных социальных групп. [2, с. 108]. Таким образом, мы приблизились к третьему пункту.

Страх путешествовать в одиночку. Китаец чувствует себя некомфортно вне социальных групп, поэтому индивидуальное путешествие ему чуждо. Также стоит добавить, что, во-первых, за привычкой группового путешествия стоит незнание английского языка и западной культуры. Английский язык является языком международным, однако, он, говоря обобщенно, относится к западным языкам, то есть является алфавитным. Китайский язык – это язык идеографический и тонический. Поэтому сложность изучения английского языка для китайца сопоставима с трудностями изучения восточных языков европейцами. Во-вторых, китайцы боятся культурного шока, они понимают, что их

культура, привычки и нравы сильно разнятся с западными, поэтому китайцы боятся сделать что-то не так, боятся допускать ошибки, поэтому групповой туризм позволяет им воссоздать Китай в масштабах своей группы, и чувствовать себя комфортно в любом месте.

Таким образом, мы выяснили причины, почему китайский турист – это, в большинстве своем, турист групповой. Понимая это уже многие торговые комплексы Санкт-Петербурга и Москвы, такие как ЦУМ, Outlet Village Pulkovo и др. уже начали сотрудничать с китайскими турфирмами для привлечения китайского туриста.

Одной из главных мотиваций поездки в ту или иную страну является стоимость тура. В основном туристические группы из Китая разделяются на три потока: континентальный Китай, Гонконг и Тайвань. Анализируя цены на тур, мы опирались на данные по среднестатистическим турам из континентального Китая длительностью в 7 дней с посещением Москвы и Санкт-Петербурга с включенным перелетом, питанием, проживанием, посещением основных музейных комплексов, услугами гида и т.д. (См. Рис.1).

Рисунок 1

Больше половины составили туры стоимостью ниже 8 тыс. китайских юаней, что в переводе на рубли составляет примерно 70 тыс. Таким образом, можно сделать вывод, что туры в Россию в большинстве

своем – это туры низкой ценовой категории, что делает их привлекательными для китайского туриста.

Также стоит отметить тесное сотрудничество российских и китайских турфирм. Существует большое количество туристов, которые в России проездом. То есть тур ориентирован на посещение скандинавских стран (Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании), но покупая тур в Китае, будущему туристу предлагают маршрут, который будет проходить через Россию, длительность тура увеличивается на 2–3 дня, а по стоимости такие туры не многим дороже аналогичных, но без посещения России.

Обратимся к анализу возраста китайского туриста. Был проанализирован возрастной состав туристов, путешествующих в туристических группах. Объем генеральной совокупности составил 496 человек. В ходе исследования выяснилось, что подавляющее большинство респондентов состоит из людей в возрасте более 60 лет, и они составляют 52%, 30% составляют туристы в возрасте 46–60 лет, 10% в возрасте 35–45 лет, туристы младше 35 лет в общей сложности составляют примерно 8% (См. Рис. 2). Исходя из возрастной группы туристов, можно сделать вывод, что путешествовать в Россию едут люди старшего поколения. С чем это связано?

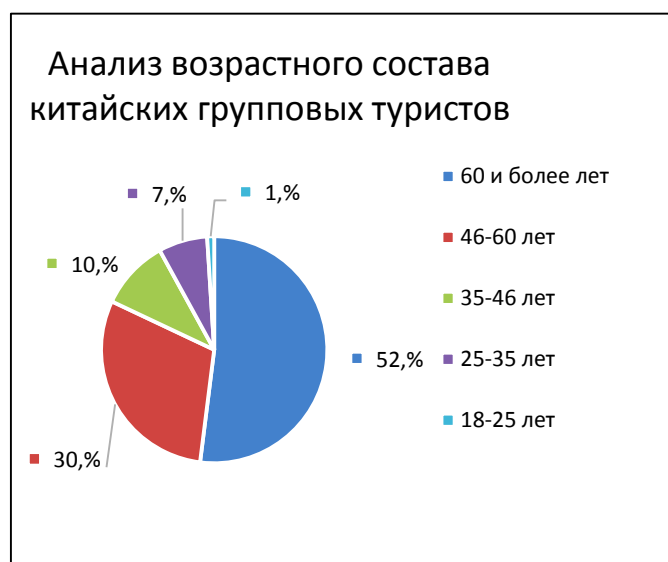

Рисунок 2

Во-первых, безусловно, это связано с выходом людей на пенсию. Пенсионный возраст у мужчин в Китае составляет 60 лет, у женщин – 55 [5]. В связи с низкими ценами на туры в Россию, поездка является очень

доступной для пенсионеров. Однако, туры в тот же Таиланд в Китае также сравнительно дешевые. Что же заставляет туристов выбирать именно Россию?

Нельзя обойти стороной и культурно-идеологический аспект. Ведь китайцы возрастной группы старше 60 лет – это люди, воспитанные в духе дружественных отношений между Китаем и Советским Союзом. Многие из них учили русский язык в средней школе, большинство китайцев знают Санкт-Петербург как Петроград и Ленинград, ведь для них он непосредственно связан с революцией 1917 года. Они знают про штурм Зимнего дворца, про выстрел «Авроры». Во время пребывания в Китае автору удалось наблюдать процесс обучения в одной пекинской школе русского языка, куда российских студентов пригласили для помощи китайским студентам в практике русского языка. Однако студенты оказались сильны как раз в иной сфере – в знании русских песен или известных высказываний. Особенно запомнились слова Мао Цзэдуна: «Октябрьский выстрел подарил Китаю марксизм и ленинизм». Для многих побывать в России, побывать в Санкт-Петербурге – это детская мечта. Поэтому для привлечения еще большего количества туристов из Китая необходимо разработать, так называемый, «красный маршрут» по местам, связанным с Октябрьской революцией. Ведь далеко не в каждом списке туристической программы можно увидеть такие места как крейсер «Аврора» или Смольный собор.

Выводы. На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Безвизовый режим для китайских туристических групп делает Россию привлекательной для китайского туриста, который привык путешествовать в составе организованных групп. Благодаря соглашению о «безвизе» по критерию простоты поездки, Россия становится хорошей альтернативой, например, европейским странам, куда китайцам надо оформлять визу.

2. Туры в Россию по большей части являются турами низкой ценовой категории, поэтому по критерию стоимости поездки, Россия также является привлекательной для китайского туриста.

3. Китайского туриста привлекает культурное наследие России и знание русской и советской истории, чего нельзя сказать об остальных европейских странах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Квартальнов В.А.** Туризм: учебник. Москва: Финансы и статистика, 2000. 320 с. ISBN: 5-279-02253-5.
- 2. Нейсбит Р.** География мысли Пер. с англ. Н. Парфеновой. – М.: Астрель, 2012. – 286 с. – ISBN 978-5-271-39427-0.
- 3. Earley C.** Administrative Science Quarterly // SAGE Journals. Vol. 34, No. 4, 1989 (Dec.). Pp. 565-581.
- 4.** Официальный сайт администрации Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_tourism/news/104110/.
- 5. Присяженко А.** Есть ли в Китае пенсия? На что живут китайские пенсионеры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fb.ru/article/262922/est-li-v-kitae-pensiya-na-chto-jivut-kitayskie-pensioneryi>.

ALEKBEROV Roman I. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str.29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: kino92@mail.ru.

ANALYSIS OF THE MOTIVATION OF CHINESE TOURISTS IN CHOOSING RUSSIA AS A COUNTRY TO TRAVEL

The article scope is the estimation of the characteristics of a Chinese tourist coming to Russia. The paper covers the motivations of Chinese tourists. The author proves that the socio-cultural and socio-political factors have a significant impact on the increase of the Chinese tourist flow in Russia.

MOTIVATION; TOURISM; SOCIO-CULTURAL FACTORS

**НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ КАФЕДРЫ
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

**RESEARCH PROJECTS OF THE DEPARTMENT
OF INTERNATIONAL RELATIONS**

УДК 323.1

В. Р. Атнашев

ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО НАЦИОНАЛИЗМА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НАЧАЛА XX В.¹

АТНАШЕВ Вадим Рафаилович – кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и гуманитарного права. Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Средний пр. В.О., д. 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Россия. E-mail: vatnash@hotmail.com.

Автором рассматриваются причины и основные особенности формирования раннего национализма в Корее, Японии, Китае, Вьетнаме. На ранней стадии национализм и корейцев, и вьетнамцев основывался на “противостоянии желтой расы белой расе”, находясь под сильным влиянием Японии. В дальнейшем национализм в Корее и Вьетнаме оказался тесно связан с национально-освободительной борьбой и революционным движением в Китае, где националисты поняли опасность паназиатской идеологии и японской экспансии.

НАЦИОНАЛИЗМ; НАЦИЯ; КОНФЛИКТ; ВЬЕТНАМ; КОРЕЯ; ЯПОНИЯ; КИТАЙ; НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

Как известно, колониальная экспансия европейских держав в Восточную и Юго-Восточную Азию вызвала резкий рост национального самосознания и антиевропейских настроений. Как и в Европе, ранний национализм в азиатских странах был формой сопротивления и сформировал основу для национальных государств в XX веке.

В XIX веке странам Восточной Азии пришлось отказаться от своей политики изоляционизма и «открыться» для европейских и других государств. Так, согласно договору 1876 года с Японией, Корея была вынуждена открыть свои морские порты для японских компаний, а затем для Франции, Германии, России и США.

Вторжения ускорили процесс формирования национальной идентичности корейцев и вьетнамцев, чтобы противостоять иностранным

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-00224.

колонизаторам. Националисты в Корее начали борьбу за независимость против Японии, Китая, Российской империи, а в Индокитае – против Франции.

В истории корейского и вьетнамского национализма можно выделить несколько общих черт. Во-первых, это трансформация феодальной микросистемы, которая копировала синоцентризм в Корее, Вьетнаме и Японии. Эти системы были базой для этноцентризма, а также для международных отношений в Восточной Азии до середины XIX века.

Во-вторых, европейская колонизация принесла в регион новые концепции, включая национализм и социал-дарвинизм. Возник так называемый паназиатизм, разработанный, в основном, в Японии не без влияния западного социал-дарвинизма. Идея азиатской солидарности и единства стала очень популярной как в Корее (до 1905 года), так и во Вьетнаме в начале XX века. Наибольшую поддержку «солидарность желтой расы» приобрела после громких побед японской армии в русско-японской войне 1904–1905 гг., реванша Японии после тройственной интервенции (Германии, России, Франции). Однако поражение в этой войне потерпела не только Российская империя, олицетворявшая европейский колониализм, но и Китай.

В-третьих, разочарование в Японии привело к переходу от паназиатизма к созданию новых идеологий и собственных путей развития со стороны Кореи и Вьетнама.

В 1905 г. Корея стала зоной влияния Японии, а в 1910 г. – ее колонией, что привело к резкому падению популярности паназиатских идей в корейском обществе. Япония же, не удовлетворившись результатами Портсмутского мира, продолжила путь милитаризма, агрессивного национализма и внешней экспансии, который в конечном итоге привел страну к поражению во Второй мировой войне, ее оккупации и Токийскому процессу.

Для вьетнамской прогрессивной интеллигенции, на рубеже веков находившейся под сильным влиянием Японии, осознание ложности паназиатизма пришло далеко не сразу. Даже после фактической оккупации Вьетнама японскими войсками, часть вьетнамской элиты продолжала сотрудничество с японцами.

В отличие от корейцев и вьетнамцев, китайские националисты и деятели революционного движения первыми поняли опасность японской экспансии и ложность панasiatской идеологии, которую Япония использовала в своих политических и экономических целях. Хотя европейские державы также навязали Китаю «неравноправные договоры», более важным для него было унижение от поражения от «западных варваров». Это чувство «сформировало у китайской нации своего рода комплекс неполноценности, который затем долгое время им не удавалось преодолеть» [1, с. 49].

Так, движение «4 мая» (название связано со студенческими демонстрациями протеста 4 мая 1919 г.) послужило толчком к созданию разного рода крестьянских организаций, в том числе возрождению древних тайных обществ («Черные пики», «Желтые пики», «Общество подтянутых животов» и т. п.). Отряды крестьянской самообороны брали на себя функции защиты населения от милитаристов и их произвола. Следует отметить, что крестьяне действовали на клановой основе. Как и во вьетнамской или русской крестьянской общине, характерной чертой их мировоззрения всегда была ксенофобия – подозрительное отношение к чужакам. Чужаками считались даже жители соседних деревень, не говоря уже о населении других провинций и тем более иностранцах, которых называли «варварами».

Кроме того, движение «за новую культуру» привело к введению в публицистику и литературу нового письменного языка *байхуа*, который соответствовал разговорному и позволил приобщить миллионы китайцев к грамоте и образованию.

Следует отметить, что воссозданная в 1919 г. Сунь Ятсеном Китайская национальная партия (Китайский Гоминьдан) стала действовать на основе трех принципов: национализма, народовластия, народного благосостояния. Их туманные формулировки могли толковаться по-разному для того, чтобы сплотить различные слои китайского населения вокруг партии. По идее Сунь Ятсена, гражданский национализм должен был объединить различные народности Китая, прежде всего, пять основных народностей (ханьцев, монголов, тибетцев, маньчжуров и мусульман (хуэй, уйгуров)). Единство пяти народностей одно время символизировал пятицветный флаг Китайской республики (1911–1928).

Корейский национализм.

К началу XX в. корейская элита нуждалась в укреплении своей общности, чтобы защитить себя от западных держав. Однако тогда корейские интеллектуалы были разделены на собственно националистов и сторонников паназиатизма. Первые утверждали, что Корея является независимым, самодостаточным государством. Вторые же считали, что Корея должна признавать себя частью желтой расы и, с точки зрения социального дарвинизма, должна бороться за свое существование против белой расы. По их мнению, новая корейская национальная идентичность должна была основываться на расовой идентичности корейцев. Частично из-за влияния социал-дарвинизма они утверждали, что именно раса лежит в основе разъединения различных социальных сообществ. Даже международное положение того периода рассматривалось как борьба разных рас, прежде всего белой и желтой. В интерпретации паназиатистов желтая раса была представлена в основном Китаем, Кореей и Японией. В целом, паназиатская транснациональная идентичность формировалась на противопоставлении Востока и Запада [2, с. 49].

Несмотря на негативные ассоциации с японским империализмом, идеи паназиатизма сыграли значительную роль в формировании корейской национальной идентичности в начале XX века. Более того, до японского протектората над Кореей в 1905 году они были гораздо более популярны, чем националистические взгляды.

Например, известными корейскими сторонниками паназиатизма были Ким Оккюн (1851–1894), лидер гапсинского государственного переворота 1884 года, и Юн Чхихо (1864–1945), лидер корейской ИМКА (УМСА) в Сеуле, активный участник Чонгдунского клуба и «Общества независимости». Как и другие убежденные националисты, они указывали на особое родство между «желтыми» народами странами и убеждали их объединиться, чтобы противостоять «белой экспансии». По иронии судьбы, корейская ИМКА стала «площадкой для растущих националистических устремлений корейских христианских патриотов» [3].

Российская империя вызывала особенную враждебность паназиатистов, поэтому вместе с девизами вроде «Азия для азиатов!» они активно продвигали взгляды откровенной русофобии. Корейские идеологи паназиатизма считали, что Япония является их главным союзником в борьбе

против «белых варваров». Некоторые из них даже настаивали на том, чтобы Корея принимала участие в русско-японской войне с японской стороны, рассматривая конфликт как часть борьбы между белой и желтой расами.

Современная южнокорейская историография считает, что «российская агрессия» способствовала формированию корейского национализма как политической идеологии и что именно Россия стала первым объектом борьбы корейских националистов в конце XIX века. Для сравнения, во Французском Индокитае таким объектом была Франция.

После подписания договора между Кореей и Японией в 1905 году, паназиатская идея стала терять популярность. Непосредственная смена отношения к Японии ярко иллюстрирует Ан Чунгына (1879–1910) книга «Рассуждение о мире в Восточной Азии». До июня 1905 года будущий национальный герой горячо поддерживал паназиатизм, но в 1910 году убил японского генерал-губернатора Хиробуми Ито, дав повод для аннексии Кореи Японией.

Первоначально менее популярный национализм предлагал концепцию независимого национального государства. Между тем, религиозное течение Тунхак трансформировалась в учение о Небесном Пути (Чондогё). В нем отражена основная идея корейского этнического национализма, который в дальнейшем развивался именно в контексте сопротивления «чужим» и их изгнания с корейской территории.

В 1908 году Син Чхэхо² (1880–1936) опубликовал свое сочинение «Новое прочтение истории», в котором он ввел понятие корейского *минчжока* (нации), подчеркнув важность корейского этнического и культурного наследия. Народ и история взаимосвязаны и неразрывно связаны, следовательно, кореец – это тот, кто этнически, культурно и исторически принадлежит к корейской нации. *Минчжок* стал решающим для корейского национализма в целом и до сих пор является основой этнической идентичности корейцев.

Очевидно, важной вехой в развитии корейского национализма было Движение Первого марта 1919 года – первое крупное национальное движение, в котором приняли участие 10% корейского населения

² Интересно, что в начале 1920-х гг. Син Чхэхо издавал в Пекине журнал «Чхонго» (Небесный барабан), на литературном китайском языке, в котором знакомил читателей с новостями мирового национально-освободительного движения.

(2 миллиона человек). В рамках этого движения корейское правительство в изгнании было основано в Шанхае, под руководством Ли Сынмана, будущего президента Южной Кореи.

Например, Юн Чхихо отметил в своем дневнике в 1902 году: «Самый низкий японец покажется ученым джентльменом по сравнению с пьяным от водки, православным русским (“The meanest Japanese would be a gentleman and scholar compared to a vodka-drunk, orthodox Russian”)... Япония, Корея и Китай должны иметь общую цель и общий идеал – сохранить Дальний Восток как постоянный дом желтой расы, и сделать этот дом таким красивым и счастливым, каким он был задуман природой» [4, с. 32].

В 1920-е годы в оккупированной японцами Корее возникло специфическое направление. Представители корейской интеллигенции, получившие образование в Японии, разработали концепцию национал-реформизма, или теорию реформирования нации («минчжок кэчжорон»), которое фактически поощряло японский колониализм. Согласно этой теории, корейцы – слабая нация, которой нужно многому еще научиться у японцев до того, как они смогут самостоятельно управлять своим государством.

Корейские националисты продвигали собственный алфавит (*хангыль*) для массового образования, а во Вьетнаме так было с *куокнгы* (вьетнамским на латинице).

Вьетнамский национализм.

Во второй половине XX века вьетнамский национализм отличался проектами по объединению родственных народов Восточного Индокитая в единую общность (подобие нации). В то же время, этот процесс должен был основываться на революционной марксистской идеологии, отрицавшей ценность государства. Однако до начала XX века ни вьетнамцы, ни другие народы Французского Индокитая не были знакомы с государственностью в современном значении, особенно с концепцией национального государства.

В начале XX века прогрессивные феодальные интеллектуалы были зачинателями национально-освободительного движения Вьетнама, постепенно переходя на позиции буржуазного национализма.

Первыми националистическими революционными организациями Вьетнама были «Вьетнам Зюи тан хой» («Общество обновления

Вьетнама», сокр. «Зюи Тан») и «Вьетнам Куанг фук хой» («Общество возрождения Вьетнама»).

Фан Бой Тяу (1867–1940), видный общественный деятель и лидер «Зюи Тан», и его сподвижники, подчеркивали чувство враждебности к французским колонизаторам, используя его в интересах вооруженной борьбы. Более того, они возбуждали во вьетнамцах ненависть к белой расе в целом, не проводя при этом социальных различий внутри французской нации. Они, как и многие националисты в других странах, в своей борьбе заменили классовый подход расовым и националистическим.

Следует отметить, что в некоторых материалах французской секретной полиции о деятельности вьетнамских националистов в 1905–1918 гг. указывалось, что «националистические чувства, которые скрывались в сердце самых образованных представителей местной общины, внезапно пробудились после победы Японии над Россией» [5, с. 1].

Характерной чертой деятельности Фан Бой Тяу является его стремление опираться на помощь извне, прежде всего со стороны Японии и Китая. Фан Бой Тяу считал вооруженную борьбу главным средством завоевания независимости своей родины. В декабре 1915 г., он вместе с другими членами общества «Зюи Тан» стал инициатором движения «Донг Зу» («Движение на Восток»), основная цель которого сводилась к подготовке в Японии профессиональных кадров для борьбы за независимость Вьетнама.

Очевидно, что Фан Бой Тяу был патриотом – буржуазным националистом, который считал французских колонизаторов врагом номер один. Как и у корейских националистов, Япония имела большой авторитет среди членов «Зюи Тан». Как указывал историк Чан Хюи Лиену, они называли Японию «большим братом желтых», надеясь, что она поможет своим «младшим братьям» избежать ига «белых угнетателей» [6].

Интересно, что Фан Бой Тяу ссылаясь на международное право, упоминая три признака государства, включая население.

С другой стороны, на взгляды Фан Бой Тяу огромное влияние оказывали китайские политические деятели, прежде всего, Сунь Ятсен. На конференции, состоявшейся в феврале 1912 г. в Гуандуне, было создано «Общество возрождения Вьетнама». Свои основные планы новая организация связывала с республиканским Китаем. Именно члены этого

общества создали боевую организацию «Армия возрождения», которая неоднократно прибегала к террористической деятельности.

Идеологом другого направления во вьетнамском национально-освободительном движении был Фан Тю Чинь (1867–1940), возглавивший просветительскую организацию «Донг кинь Нгиа тхук» («Тонкинская просветительская школа»). Это было демократическое движение, которое провозгласило своей целью социальные реформы. Наряду с просвещением, «Тонкинская просветительская школа» занималась и политической пропагандой, призывая вьетнамцев встать на новый, буржуазный путь развития. Однако оно носило утопический характер, так как Фан Тю Чинь рассчитывал на реализацию своей программы в условиях существования французского колониального господства.

Идеологические взгляды Фан Тю Чиня формировались под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Особенно существенное влияние оказало на него реформаторское движение в Китае во главе с Кан Ювэем и Лян Цичао. Затем, как считается, под влиянием идей Сунь Ятсена, Фан Тю Чинь порвал с монархическими идеалами и перешел на позиции буржуазной демократии [7, с. 259].

Вообще, Китай сыграл важную роль в подготовке первых вьетнамских революционеров. С 1924 г., когда Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин) приехал в Китай (Кантон), его деятельность стала тесно связана с революционным движением во Вьетнаме. Находясь в Кантоне (Гуанчжоу), Нгуен Ай Куок имел тесную связь с правительством Сунь Ятсена и руководством Коммунистической партии Китая (КПК).

В целом, успех антиколониальных освободительных движений позднее поддерживал позитивное отношение населения многих афро-азиатских стран к национализму. Победы освободительных движений воспринимались многими азиатами и африканцами как подтверждение истинности националистических идей. Более того, на Востоке националистическая концепция, нередко возводилась в ранг государственной идеологии.

Таким образом, на ранней стадии национализм и корейцев, и вьетнамцев основывался, прежде всего, на противостоянии желтой расы белой расе, находясь под сильным влиянием Японии, в том числе японской версии социал-дарвинизма. В дальнейшем национализм в этих странах

оказался тесно связан с национально-освободительным движением, которое включало в себя еще больше политических сил и идеологических течений и находилось под влиянием китайского национализма и революционного движения. В отличие от начала XX в., более позднее китайское идеологическое влияние на другие страны Азии имело негативные, и даже разрушительные последствия (например, режим «красных кхмеров» в Камбодже).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Трошин Ю.А. История стран Азии и Африки в новейшее время 1918 – 2000. – М.: Весь мир, 2004 – С. 594 ISBN: 978-5-7777-0178-7.
 2. Tumultuous Decade: Empire, Society, and Diplomacy in 1930s Japan / ed. by M. Kimura and T. Minohara. University of Toronto Press, 2013.
 3. Davidnann Jon, Gilbert Marc. Cross-Cultural Encounters in Modern World History. Routledge, 2016. Chapter 8.
 4. Race and Racism in Modern East Asia. East and Western Constructions / Ed. by Rotem Kowner & Walter Demel. Leiden, Boston: Brill, 2013.
 5. Thomas Martin. Albert Sarraut, French Colonial Development, and the Communist Threat, 1919–1930 // The Journal of Modern History 77, no. 4 (December 2005). Pp. 917-955.
 6. Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam chong Phap. T. I, Ha Noi, 1956.
- Мхитарян С.А. Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме (1885–1930). М., 1967. – 296 с.

ATNASHEV Vadim R. – North-West Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. Sredniy prospect, Vasilyevsky Island, 57/43, Saint-Petersburg, 199178, Russia. E-mail: vatnash@hotmail.com.

SPECIFICS OF EARLY NATIONALISM IN EAST ASIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article considers main specifics and local forms of early nationalism in Korea, Japan, China and Vietnam. At the early stage, the nationalism in both Korea and Vietnam based on “the conflict between the white and yellow races” being under the strong influence of Japan. Further, the nationalism there was closely connected to national liberation struggle and revolutionary movement in China.

NATIONALISM; NATION; CONFLICT; VIETNAM; KOREA; JAPAN; CHINA; NATIONAL LIBERATION STRUGGLE

УДК 323.173 (сепаратизм)

Д. Р. Ерофеев, С. Н. Погодин, А. П. Фролова

**К ИСТОРИИ СЕПАРАТИЗМА
В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ ¹**

ЕРОФЕЕВ Дмитрий Романович – старший преподаватель кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: derofeev03@gmail.com.

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: pogodin56@mail.ru.

ФРОЛОВА Анастасия Павловна – бакалавр, выпускник кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: frolova.anastasia.p@gmail.com.

Статья посвящена истории сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и политике Китая в отношении данной территории. Отдельно рассматривается ситуация в регионе в начале XXI века. Анализируются основные сепаратистские организации, действующие в Синьцзяне, в частности Исламское движение Восточного Туркестана, методы их действия и перспективы уйгурского сепаратизма.

СЕПАРАТИЗМ; САМООПРЕДЕЛЕНИЕ; УЙГУРЫ; ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ; СИНЬЦЗЯН; РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ; МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ; ТЕРРОРИЗМ; ИСЛАМСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

Проблема сепаратизма является одной из основных для современных международных отношений. В большинстве многонациональных государств существуют территории, которые стремятся к получению независимости, формированию суверенитета. Причины сепаратизма могут быть различными, начиная от историко-культурных и заканчивая политическими. При этом очень часто сепаратисты при обосновании своих действий ссылаются на право народов на самоопределение и свободное развитие, зафиксированное в документах ООН. Свое развитие и более широкое толкование принцип самоопределения получил с принятием 14 декабря 1960 года Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам (резолюция 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН). Во 2 статье оговаривается, что все народы имеют право на самоопределение, право на свой политический статус, право на свое экономическое и социокультурное развитие. Но в то же время статья 6 Декларации содержит ограничения и указывает на то, что любое действие, направленное на попытку частично или полностью нарушить территориальную целостность государства, противоречит основным принципам и целям Устава ООН [1]. Принцип самоопределения, таким образом, не предполагает обязательного создания независимого государства, может быть реализован в форме политической или культурной автономии и не предполагает насильственного одностороннего отделения части территории, что является основным содержанием сепаратизма. В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом сепаратизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемую насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению и подстрекательство к нему» [2].

Китайская народная республика сталкивается с проявлениями сепаратизма в различных регионах, в том числе в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее – СУАР). Движение за формирование

независимого уйгурского государства в Центральной Азии имеет длительную историю.

Императорский Китай неоднократно пытался завоевать южные части современного Синьцзяна – Кашгарию. Это было вызвано борьбой с северными кочевыми соседями. Основные попытки завоевания предпринимались пятью династиями: Западная (206 г. до н.э. – 25 г. н.э.) и Восточная (25–220 гг. н.э.) Хань 汉, Тан 唐(618–907 гг. н.э.), Юань 元 (1280–1368 гг. н.э.) и династией Цин 清(1644–1911 гг. н.э.).

Можно сказать, что неудачи первых двух династий вызваны отделением территорий от Китая почти непроходимыми пустынями Гоби 戈壁 и Такла-Макан 塔克拉玛干 [3, с. 260].

В 640 г. после объединения Китая под властью династии Тан, китайцы вновь возобновили свои попытки военных наступлений на западные земли. Можно выделить несколько основных этапов китайской экспансии:

1. В 630 г. окончание Восточного каганата тюрков с центром на Орхоне в Монголии, и захват танскими армиями Кашгарии. Эти события усилили позиции Китая на границах с западными землями.

2. Уничтожение государства Гаочан 高昌 в 640 г. при помощи конницы тюркютов и уйгуров.

3. Разгром в 657 г. Западно-тюркского каганата войсками, основу которых составляла вновь конница уйгуров и тюрков.

4. С 657 г. до середины VIII в. началась длительная борьба династии Тан за усиление своего влияния в Восточном Туркестане.

5. Разгром танских войск Арабским халифатом на реке Талас в 751 г. и уничтожение всех позиций Китая на западных землях [4].

С момента разгрома Арабским халифатом танской армии Китай практически на тысячелетие потерял свое влияние в Центральной Азии, но для правителей империи становится ясна ценность политического влияния на Джунгарию и Кашгарию поскольку государство, владеющее этими территориями, контролирует все политические события в Центральной Азии.

С приходом к власти династии Цин наступил завершающий этап захвата западных земель. До этого периода уйгуры создавали свои государства, у которых не были прочности и долголетия. В XVII в. было основано образование под названием Восточный Туркестан, земли которого были завоеваны Китаем в 1760 г.

На тот момент Джунгария была могущественным в военном отношении государством. Походы, продолжавшиеся в период переговоров о мире, не принесли Китаю успеха. Но начавшаяся борьба за престол Джунгарии помогла цинской стороне. Хан Амурсан (阿睦尔撒纳, 1722–1757) обратился к Китаю за военной помощью, войскам удалось установить контроль над ханством, которое потеряло независимость. В 1755 г. Амурсан поднял восстание, длившееся два года и закончившееся победой цинского оружия. Данный год можно назвать годом завоевания Джунгарии. С 1757 г. цинские войска начали наступление на соседнюю Кашгарию, которая была завоевана в 1759 г. Кашгария и Джунгария вошли в состав империи Цин. Надо отметить, что в отличие от предыдущих двух династий, династия Цин не ставила перед собой задачу завоевания западных территорий в качестве «буфера» или защиты от враждебных кочевых соседей, а стремилась к полному подчинению данных земель и включению их в состав империи.

В первой половине XIX в. в Синьцзяне произошла целая череда восстаний, которые происходили на фоне Опиумных войн и Тайпинского восстания. Это привело к отделению Восточного Туркестана от Китая и созданию эмирата Йеттишир (Семь Городов), который просуществовал с 1865 по 1878 гг. Обратное завоевание Восточного Туркестана явилось следствием политики императрицы Цы Си. В 1881 г. территории западных земель окончательно вошли в состав империи в качестве провинции и получили название «Синьцзян» («Новая граница» или «Новые территории»).

В период династии Цин главной целью центральной власти было удержание земель в качестве государственных территорий, не заботясь об обосновании своего присутствия. С крахом же империи в 1911 г. потребовалось разработать концепцию, которая явилась бы основой для территориального и политического единства. Такая концепция появилась

в виде теории о «единой китайской нации». Согласно положениям этой концепции, в понятие «китайская нация» официально включались пять этнических групп – ханьцы (ханьцзу 汉族), монголы, маньчжуры (маньцзу 满族), тибетцы и дунгане (хуэймин 回民, лаохуэйхуэй 老回回, чжунюань жэнь 中原人). Тюркоязычные народы не были включены, но подразумевалось, что они связаны с ханьцами «продолжительной историей» [5].

После недолгого периода без особых потрясений после 1931 г. восстания в Синьцзяне стали происходить не реже, чем в имперский период. С 1931–1934 гг. существовала Первая Восточно-Туркестанская республика, а в результате революции 7 ноября 1944 г. возникла Вторая Восточно-Туркестанская республика, созданная народным фронтом (Народно-революционная партия ВТР или НРП ВТР) и просуществовавшая вплоть до 1949 г. Существует также мнение, что руководство Советской России рассматривало вариант создания на территории Казахской ССР Уйгурской автономной области. Это противопоставлялось правящему тогда в Китае правительству Национальной партии «Гоминьдан» (Чжунго Гоминьдан 中国国民党) во главе с Чан Кайши (Цзян Цзешу 蒋介石, 1887–1975) [6]. После прихода к власти коммунистов во главе с Мао Цзэдуном (毛泽东, 1893–1976) Пекин полностью восстановил позиции в Синьцзяне, и с 1955 г. провинция была переименована в Синьцзян-Уйгурский Автономный Район (СУАР). В период «Культурной революции» волнения в СУАР жестоко подавлялись, хотя в 1968 г. подпольно возобновила деятельность НРП ВТР, а в 1975 г. был создан Объединенный революционный фронт Восточного Туркестана [7]. Во второй половине 80-х гг. на фоне «перестройки», начавшейся в Советском Союзе и некой либерализации в самом Китае, в СУАР стала возрастать сепаратистская активность.

1990-е гг. стали пиком развития сепаратизма в Синьцзяне. Во многом это связано с распадом СССР в 1991 г., когда в Центральной Азии образовалось пять суверенных государств: Казахстан, Туркмения, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Такое развитие событий значительно повлияло на настроения в СУАР. Активизировались

сепаратистские настроения в регионе, которые проявлялись в форме демонстраций, народных волнений с погромами и террористических актов.

Началом выступлений можно назвать беспорядки, устроенные киргизами и уйгурами в волости Бажэнь Кызылсу-Киргизском округе (Южный Синьцзян) в апреле 1990 г. Недовольство было вызвано закрытием мечетей, демографической политикой, проводимой правительством, и вывозом полезных ископаемых и природных ресурсов. Волнения были жестоко подавлены, в ходе беспорядков и столкновений с полицией погибло 15 человек и около 100 были ранены [8, с. 84]. Только с 1992 по 1997 гг. было зарегистрировано 700 вооруженных акций, которые были направлены против китайского присутствия в СУАР. С апреля 1996 г. в антикитайских выступлениях приняли участие более 65 тыс. чел. и 17 раз происходили вооруженные столкновения, с апреля по декабрь 1996 г. были арестованы более 6 тыс. человек [9].

Достаточно крупным было выступление, произошедшее в феврале 1997 г. в Кульдже, когда был запрещен мусульманский праздник, а его организаторы арестованы при попытке обратиться в городской комитет КПК с жалобой. Утром 5 февраля началась демонстрация, участники которой вышли с лозунгами равноправия уйгуров и ханьцев и с требованиями религиозных свобод. Демонстрация с транспарантами направлялась по трем центральным улицам в сторону центра города, где была встречена усиленными нарядами вооруженной полиции. После того, как попытки разогнать митингующих провалились, ситуация вышла из-под контроля и переросла в массовые беспорядки. После данных событий маэрапы (неформальные уйгурские общинные структуры) были официально запрещены властями КНР [10]. За период 90-х гг. в районе были зарегистрированы тысячи случаев терроризма, включающих в себя взрывы, убийства и др. А за период с 1999 г. по 2008 г. было совершено более 200 террористических атак, кроме которых имели место и массовые беспорядки.

Безусловно рассмотренные конфликтные ситуации можно считать проявлением сепаратистских настроений, которые дополняются террористическими атаками и непосредственно политической борьбой

уйгурских группировок. Однако остается открытым вопрос, насколько сепаратистские настроения поддерживаются и организуются из единого центра, насколько влиятельными являются сепаратистские движения.

В августе 2002 г. правительством КНР было объявлено, что на территории Китая и СУАР действуют восемь уйгурских террористических групп. Исследователь А.В. Бондаренко в своей работе «Международные аспекты борьбы против «трех зол» в Синьцзян-Уйгурском районе» обращает внимание, что пять из них: «Исламское движение «Восточный Туркестан», Восточнотуркестанская исламская партия Аллаха, Исламская реформистская партия «Ударная бригада» и Исламские священные воины – имеют определенную религиозную направленность. Остальные три – Международное движение «Восточный Туркестан», Организация за освобождение Восточного Туркестана и Партия освобождения уйгуров – светские» [11, с. 24].

Надо также отметить организацию Всемирный уйгурский конгресс, окончательно сформировавшуюся в апреле 2004 г. Ее штаб-квартира находится в Мюнхене в Германии. Конгресс позиционирует себя, как демократическую организацию, которая имеет тесные рабочие отношения с большинством уйгурских организаций во всем мире, которые в свою очередь в мирном русле продвигают права человека, свободу религии и демократию для уйгурского народа в Восточном Туркестане [12]. Тем не менее, китайское правительство называет Конгресс террористической организацией, которая использует легальное прикрытие для нелегальной цели – отделение уйгуров от Китая. Также власти КНР обвинили ВУК в организации протестов летом 2009 г. в Урумчи.

Наиболее значительной организацией является Исламское Движение Восточного Туркестана (ИДВТ), которое поддерживается наибольшим процентом этноса в регионе. На заблокированном в 2008 г. официальном сайте ИДВТ сообщалось, что движение берет свое начало от сформированной еще в 1940-е гг. Туркестанской исламской партии. У ее истоков стояли три человека: Абдул Махдум, Абдул Хамид и Абдул Хаким. Организация активно участвовала в ряде антикитайских восстаний в середине XX в., но позднее распалась, а ее лидеры были или убиты, или схвачены. До начала 80-х гг. группировка считалась

неактивной, но после освобождения в 1979 г. из-под тюремного заключения Абдулы Хакима и началом реформ Дэн Сяопина, которые включали в себя открытие границ, ослабление государственного контроля внутри СУАР, возрождение ислама в автономии, Хахим вновь основал исламскую школу в районе Кашгара, где идеи ТИП передавались будущим членам ИДВТ. Так в школе обучался в 1984–1989 гг. Хасан Махсум – один из лидеров ИДВТ [13].

После смерти Хакима в 1993 г. руководство организацией на недолгое время перешло к Абдулу Рехмену и Мухаммеду Тухиту, но им не удалось удержать ее под единым началом, что привело к распаду. В том виде, в котором организация известна сейчас, мы можем ее наблюдать с конца 90-х гг. под руководством Хасана Махсума.

Вплоть до 2001 г. базы ИДВТ находились в укрепленном районе в горах Тора-Бора на территории Афганистана, у власти которого находились талибы. Боевики ИДВТ «проходили подготовку в тренировочных лагерях в Кабуле, Мазари-Шарифе, Кундузе, Херате, Кандагаре, Шибаргане и Вардаке». Более того, в составе «Талибана» был создан «Китайский батальон Туркестанской армии». Факт пребывания ИДВТ на территории Афганистана свидетельствует о тесных связях между «Талибаном», «Аль-Каидой» и ИДВТ.

По заявлениям китайского правительства, с 1990–2001 гг. в результате террористической деятельности ИДВТ погибло около 162 и ранено более 440 человек, было совершено более 200 терактов в СУАР и за его пределами. Как говорилось ранее, руководство не заботилось о том, что среди жертв есть не только ханьское население, но и уйгуры [14, с. 32–33].

Для китайского правительства любое выступление против существующего режима расценивается как преступление. В СУАР террористическими актами считаются не только действия таковые по значению, но и, например, нападения на полицейских или инкассаторов. Поэтому западные исследователи немного по-другому оценивают масштабы терактов. Так, по мнению Д. Гланди, в период 90-х гг. произошло 140 терактов [15].

ИДВТ включает в свой состав религиозно-политический центр, центр оперативного управления, органы, отвечающие за пропаганду и обеспечение, а также мобильные бандформирования, в состав которых входят около 600 боевиков, прошедших военную подготовку в горячих точках планеты. Лидеры ИДВТ делают большую ставку на поддержку уйгурских диаспор, располагающихся за границей, а по официальным данным, число уйгуров, проживающих вне КНР, составляет более 200 тыс. человек [16].

В результате своей пропагандистской деятельности ИДВТ удалось добиться финансовой поддержки диаспор, создать так называемые «филиалы» ИДВТ в странах Центральной Азии и поддерживать тесный контакт с ними. Цели лиц, входящих в сепаратистские организации, давно вышли за границы КНР. Так в планы организации входит включение в состав будущего уйгурского государства территорий других государств, на которых проживает большая уйгурская диаспора (Казахстан, Киргизия, Узбекистан).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что история уйгурского сепаратизма имеет длительную историю, но обострение ситуации наблюдается в последнее время, что связано, в том числе, с распадом СССР и активизацией религиозных движений в Центральной Азии. Поскольку проявления сепаратизма в данном регионе угрожают всем игрокам, то необходимо тесное сотрудничество КНР, РФ и республик Центральной Азии для противодействия сепаратизму, в частности в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Декларация** о предоставлении независимости колониальным странам и народам (принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН), ст. 2, ст. 6 // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 05.04.2017).
- 2. Шанхайская Конвенция** о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Официальные сетевые ресурсы Президента России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 05.04.2017).

3. **Зотов О.В.** Восточный Туркестан (Синьцзян) в новой «Большой игре» великих держав // Общество и государство в Китае. 2014. Т.44. №44–1. С. 251–267 ISSN 2227–3817.
4. **Сыроежкин К.Л.** Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – ISBN 9965-441-93-6.
5. **Сыроежкин К.Л.** Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии [электронный доступ] URL: http://www.asiakz.com/sites/default/files/files/Ch_ethnik-separatism_mith_2003.pdf (дата обращения: 17.04.2017).
6. «Проблема уйгурского сепаратизма» в китайско-центральноазиатских отношениях: или о необходимости постановки новых задач для ШОС // Время Востока: [сайт]. URL: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/184p.html> (дата обращения: 17.04.2017).
7. **Зотов О.В.** Восточный Туркестан (Синьцзян) в новой «Большой игре» великих держав. С.256.
8. **Буяров Д.В.** Рост сепаратистского движения в Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе в 1990-е гг. // Гуманитарные науки и образование. 2011. № 3. С. 84–86.
9. **Бабаян Д.** Пантюркизм и геополитика Китая // 21-й век: информационно-аналитический журнал. 2012. Т.1. С.52-81 ISSN: 1829-0396.
10. Кульджинские события – 5 февраля 1997 г. // Uyghur Today: [сайт]. URL: <http://uyghurtoday.com/2017/02/09/kuldzhinskie-sobytiya-5-fevralya-1997-goda/> (дата обращения.: 17.04.2017).
11. **Бондаренко А.В.** Международные аспекты борьбы против «трех зол» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–2. С. 23–27. ISSN: 1561–9443.
12. Всемирный Уйгурский Конгресс // Всемирный Уйгурский Конгресс: [сайт]. URL: <http://www.uyghurcongress.org/ru/> (дата обращения: 17.04.2017).
13. **Надточей И.В.** Исламское движение Восточного Туркестана: история, эволюция, динамика террористической активности // Пути к миру и безопасности. 2014. № 2(47). С. 28-54. ISSN: 2307-1494eISSN: 2311-5238.
14. **Буяров Д.В.** Рост сепаратистского движения в Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе в 1990-е гг. С.85.
15. **Gladney, D.** Responses to Chinese Rule // Xinjiang: China's Muslim Borderland. – N.Y. 2004. p.385.
16. **Васильев Л.Е.** Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Ст. в сб.: Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество Отв. ред. Д.В. Гордиенко. Москва, 2014. С. 188–221.

EROFEEV Dmitry R. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: derofeev03@gmail.com.

POGODIN Sergey N. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: pogodin56@mail.ru.

FROLOVA Anastasia P. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: frolova.anastasia.p@gmail.com.

TO THE HISTORY OF SEPARATISM IN XINJIANG-UYGHUR AUTONOMOUS REGION

The article is devoted to the history of separatism in Xinjiang-Uyghur Autonomous Region and the Politics of China regarding this territory. The situation in the region at the beginning of the XXI century is separately considered. The main separatist organizations operating in Xinjiang, in particular the Islamic Movement of East Turkestan, the methods of their activity as well as the prospects for Uyghur separatism are analyzed.

SEPARATISM; SELF-DETERMINATION; UYGHUR; CENTRAL ASIA; XINJIANG; RELIGIOUS MOVEMENTS; INTERETHNIC RELATIONS; NATIONAL POLICY OF CHINA; TERRORISM; ISLAMIC MOVEMENT OF EASTERN TURKESTAN

УДК 323.1 (национальный вопрос)

Д. Р. Ерофеев, С. Н. Погодин, А. П. Фролова

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ¹

ЕРОФЕЕВ Дмитрий Романович – старший преподаватель кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: derofeev03@gmail.com.

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: pogodin56@mail.ru.

ФРОЛОВА Анастасия Павловна – бакалавр, выпускник кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: frolova.anastasia.p@gmail.com.

Статья посвящена анализу национальной политики КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Рассматриваются основные изменения в национальной политике страны, начиная с периода республиканского Китая. Отдельно анализируется законодательная база Китайской народной республики, регулирующая национальную политику. В статье рассматривается значение национальной политики для предотвращения сепаратистских настроений в регионе.

СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН; МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; ГОМИНДАН; КОНСТИТУЦИЯ КНР; ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КНР; ДЕМОГРАФИЯ; ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА; СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблемы сепаратизма и, как следствие, борьбы с ним являются одними из наиболее актуальных в современных международных отношениях. В этой связи опыт КНР в осуществлении национальной

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

политики, направленной на предотвращение сепаратистских проявлений на территории Китая, в частности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее – СУАР) представляет несомненный интерес.

Национально-территориальная автономия Синьцзяна осуществляется на трех территориальных уровнях: автономные районы, 7 автономных округов и 6 автономных уездов, на территориях которых компактно проживают различные национальные меньшинства. Структура национально-территориального устройства весьма разнородна и включает в себя 5 автономных округов: Боро-Тала-Монгольский, Или-Казахский, Баянгол-Монгольский, Чанцзи-Хуэйский и Кызылсу-Киргизский. На территории СУАР функционирует и особая административная единица – Синьцзянский производственно-строительный корпус, сформированный в 1954 г. и восстановленный в 1981 г. после «Культурной революции». В обязанности корпуса входит обеспечение населения продовольствием, промышленными товарами, обучение сельскому хозяйству, строительство. Кроме того, Корпус обеспечивает правопорядок и в приграничных регионах [1, с. 111].

Лидеры Республиканского Китая строили национальную политику на основе «единого многонационального Китая» и «китайской нации». Суть национальной проблемы сводилась к наличию культурных различий у разных этнических элементов в единой китайской нации. Это обуславливалось тем, что они были разъединены географически и лингвистически на протяжении долгого времени. Следовательно, целью было становление единой нации Китая, путем совместного развития всех национальностей. Китайская нация включала в себя не только пять основных народностей, но и остальные национальные меньшинства.

Под влиянием опыта СССР Сунь Ятсен, лидер партии Гоминьдан, придерживался принципа равноправия всех национальностей и их «добровольного слияния», а позднее выступал даже за самоопределение всех национальностей, при сохранении территориальной целостности Китая. Полагаясь на превращение Китая в однонациональное государство, Сунь Ятсен видел в этом основу для превращения страны в мощную державу, способную противостоять внешним факторам.

Таким образом, позиция Сунь Ятсена, формально признающая право наций на самоопределение, была ближе к традиционной политической

позиции. А основными задачами ставились сохранение единого и неделимого Китая.

Преемник Сунь Ятсена Чан Кайши изменил основы национальной политики Гоминьдана. Политик придерживался точки зрения, что все народности, проживающие на территории Китая, являются китайцами по происхождению. Концепция приняла вид «ствола и ветвей», в которой ствол – ханьское население, а ветви – неханьские народности, «сопричастные к истории страны». Решением проблемы являлось ассимиляция населения и ликвидация этнических различий, ведущая к однонациональному государству.

Следствием гоминьдановской теории «единой китайской нации» явилось отсутствие программы решения национального вопроса, на деле же осуществлялось установление и укрепление централизованной власти в пограничных районах [2].

Историческая практика управления неханьскими народностями использовалась и в национальной политике Коммунистической партии Китая (КПК). Были утверждены следующие принципы по отношению к национальным меньшинствам:

- 1) равенство всех национальностей;
- 2) создание автономных районов в местах компактного проживания национальных меньшинств;
- 3) развитие культуры и экономики в автономных районах;
- 4) уважение и сохранение традиций и верований нацменьшинств, а также сохранение языка.

Но суть национальной концепции все же осталась прежней. Китай – единое и неделимое государство [3, с. 77].

С 1980-хх гг. начинается новый этап в политике КНР. Были изменены организационные структуры на всех уровнях управления. В этой связи активно разрабатывалось и законодательство в сфере национальной политики, так как национальные автономии также необходимо было вовлечь в преобразования, реорганизовать и упорядочить функционирование органов местного самоуправления, и скоординировать их взаимосвязь с центром.

В Конституции КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) в Преамбуле оговаривается, что все национальности страны «общими

усилиями создали блестящую культуру». Это подчеркивает единство национальностей, имеющих общую историю и многовековые традиции. В Преамбуле также оговаривается недопущение национализма одной нации и возвышения ее над другими, так как «государство прилагает все усилия к тому, чтобы способствовать общему процветанию всех национальностей страны» [4].

Далее в Главе I «Основные принципы» постановляется, что государство гарантирует и регулирует законное равноправие всех национальностей, «охраняет и развивает отношение равенства, сплоченности и взаимопомощи» [5]. Запрещается любая дискриминация и не допускаются любые действия, направленные на подрыв единства государства.

В Главе III «Структура государства» в параграфе 6 «Органы самоуправления Национальных Автономных Районов» устанавливаются рамки полномочий органов местного самоуправления, их специфика. В статьях 112–114 оговаривается, что органами самоуправления являются Собрания Народных Представителей и Народные Правительства Автономных Районов, округов и уездов. В состав входят как представители национальных меньшинств, так и другие национальности, проживающие в данном регионе. Начальниками и председателями должны быть граждане той национальности, которая осуществляет районную Автономию [6].

Органы самоуправления Автономных Районов имеют такие же полномочия, как и обычные местные органы самоуправления, но также пользуются особыми правами на самоуправление, регулируемые Конституцией, Законом КНР «О районах Национальной Автономии» и другими законами. То есть все политические установки осуществляются с учетом специфики конкретных местных условий.

Собрания Народных Представителей Районов Национальной Автономии имеют право принимать специфические нормы и правила в соответствии с особенностями своего региона, но вступить в силу они могут только после одобрения и утверждения Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей (ПК ВСНП).

Такая же схема действует с автономными округами и уездами, то есть необходимо одобрение Постоянного Комитета Собраний Народных

Представителей провинций или Автономных Районов, с обязательным уведомлением ПК ВСНП. Данное право Собраний Народных Представителей Районов Национальной Автономии также повторяется и подтверждается в Законе «Общие положения гражданского права КНР» в разделе IX «Дополнительные положения» [7].

В законе КНР «О правотворчестве» в главе IV «Местное законодательство, положение об автономии и отдельно действующие положения, правила», в разделе I, статье 66 также подтверждено право Собраний Народных Представителей территорий Национальных Автономий осуществлять отдельно действующие положения, учитывающие особенности региона. Все положения должны быть утверждены ПК ВСНП. Они также могут быть включены в положения законов и административно-правовых актов, но не допускаются нарушения основных принципов законов, не допускаются включения таких норм в Конституцию и закон «О национальной Районной Автономии», а также в другие законы, которые предназначены для регулирования территорий национальных автономий [8].

Органы местного самоуправления национальных автономий с учетом государственного плана и местных финансовых и других условий имеют право на регулировку производственных отношений и самой экономической структуры. Также возможны внешние торгово-экономические связи в соответствии с государственными установками; существуют также льготы для внешнеторговой деятельности, предусмотренные правительственной политикой. После утверждения Госсовета предусмотрено открытие внешнеторговых контрольно-пропускных пунктов [9]. Но стоит еще раз отметить, что вся деятельность органов местного самоуправления должна быть согласована с вышестоящими государственными органами, и их деятельность должна идти в рамках политики КПК.

В законе КНР «О выборах во Всекитайское Собрание Народных Представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней» также оговариваются особенности, касающиеся национальных меньшинств. Так для автономных районов предусмотрено по решению ПК ВСНП увеличение представительства на 5%. Подчеркивается, что проживать на территории района должно большое

количество национальных меньшинств. Вся избирательная документация, изготовленная и публикуемая в автономном районе, должна быть одновременно представлена и на общепринятой в данном регионе письменности национального меньшинства [10].

В Уголовно-процессуальном Кодексе КНР в разделе I «Общие положения», главе I «Задачи и основные принципы», статье 9 также оговаривается, что в районах проживания национальных меньшинств как компактно, так и с множеством других национальностей, судопроизводство должно вестись на общепринятом в данной местности языке [11].

Таким образом, мы видим, что в Китае устные и письменные языки национальных меньшинств используются во всех сферах жизни страны: судебной, административной, образовательной, здравоохранение, а также политической. На собраниях сессий ВСНП и Народного Политического Консультативного Совета Китая (НПКСК), Всекитайских Съездах КПК предоставляются документы на таких языках, как уйгурский, тибетский, казахский, монгольский и др., либо же производится синхронный перевод на эти языки.

В китайском законодательстве свобода совести является одной из фундаментальных гражданских свобод, признается свобода совершать религиозные обряды, запрещается дискриминация на религиозной почве. Но также налагаются соответствующие обязанности. Все организации, в том числе и религиозные, и частные лица в Китае должны поддерживать политический курс и единство государства, национальную сплоченность и престижность закона. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе имеется более 23 тыс. мечетей [12], что может удовлетворить религиозные потребности населения. В частности, стоит отметить, что правительством были разработаны специальные нормы производства продуктов питания, предназначенных для мусульман в соответствии с их обычаями.

Можно сказать, что в законодательных актах КНР закреплены особые положения и привилегии в политической, экономической и социальной сферах национальных меньшинств и автономий. Особенностью является то, что любые изменения, будь то изменения в местных законах или открытие внешнеторгового предприятия на территории автономии, должны быть согласованы с вышестоящими

государственными органами. Они не должны идти в разрез с политическим курсом государства и противоречить основным законам и Конституции. В целом официально политика Китая по отношению к национальным меньшинствам и автономиям направлена на ускорение темпов экономического, политического, социального и культурного роста. Это направлено на выход на один уровень развития всех субъектов государства, что позволит предотвратить недовольства в регионе и сепаратистские настроения. Однако реализация законодательства на практике не всегда отвечает заявленным целям и задачам.

Языковая политика, проводимая правительством, привела к снижению уровня грамотности у населения. Хотя в начальных и средних классах общеобразовательных школ СУАР преподавание ведется на уйгурском, китайском, казахском, киргизском, монгольском, сибирском и даже на русском языках уровень полученного образования в уйгурских школах в разы хуже, чем в китайских, где дети овладели китайской письменностью и языком [13, с. 22].

В СУАР вся религиозная литература проходит тщательную проверку центральным правительством, перед отправлением в печать. Существуют ограничения по проведению религиозных обрядов, например, паломничество в Мекку [14, с. 53]. Но не стоит забывать, что религиозная проблема СУАР тесно связана с другими проблемами. Под эгидой ислама выступают сепаратистские группировки. Поэтому неудивительно, что данная сфера находится под постоянным надзором со стороны правительства, и имеет столько ограничений. Ведь целью правительства является сохранение безопасности в регионе и стране в целом.

1 апреля 2017г. вступил в силу закон, предотвращающий рост экстремизма в регионе. Закон запретил ношение длинных бород и ношение одежд, полностью закрывающих лицо. Также отказ общаться с другими этническими группами, распространение и насаждение исламских законов расцениваются как содействия экстремизму и сепаратизму [15].

Недовольство населения вызывает и демографическая политика. Политика ограничение рождаемости, проводимая правительством вплоть до 2016 г. затрагивала и национальные меньшинства, даже с учетом льгот, закрепленных законодательно. Так в уйгурской семье детей могло быть не больше двух, а в исключительных случаях – трех. Но для мусульманской

семьи, где большое количество детей считается нормой, это также воспринимается как раздражающий фактор.

Большое недовольство среди населения уйгуров вызывает миграционная политика. Так Пекин проводит политику переселения ханьцев на запад. Это может быть объяснено недостатком квалифицированных специалистов среди местного населения и необходимостью ускорения темпов развития региона. В результате массовой миграции ханьского населения, их доля в населении СУАР возросла и составила 40% на 2012 г. [16]. СУАР является привлекательным регионом для молодых ханьских специалистов тем, что работа в основном предоставляется на промышленных, строительных и военных объектах, в то время как сельским хозяйством преимущественно занимается коренное население. Но стоит повторить, что это вызвано низким уровнем образования среди национального меньшинства и его неквалифицированностью.

В СУАР получили развитие производство строительных материалов и текстильная промышленность, такие отрасли, как угольная, металлургическая, химическая, электроэнергетическая и нефтяная. Месторождения нефти, а также природного газа и угля являются самыми богатыми в Китае. Так по добыче природного газа в 2008 г. район вышел на первое место в стране. Быстрыми темпами идет строительство нефтепровода, протяженность которого свыше 4 тыс. км. По мере роста экономики района растет и уровень жизни населения. Но по сравнению с доходами городского населения, доходы сельского меньше в 3 раза, и в 2 раза ниже, чем в среднем по стране. Большой разрыв в доходах существует между китайцами, проживающими в основной своей массе в городах и сосредоточенными в промышленных отраслях, в отличие от коренного населения, проживающего в сельской местности и занятого в сельскохозяйственных отраслях. Это стало одной из причин недовольства уйгуров, как и то, что доходы, получаемые от промышленности, идут не на развитие СУАР, а являются стратегическими целями правительства. Так низкие экономические показатели региона способствуют недовольству среди населения [17].

Таким образом, политика правительства по национальному вопросу имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Заметен

экономический и промышленный рост региона, что влечет за собой и рост уровня жизни населения, но он все равно в несколько раз ниже, чем в среднем по всему Китаю. Кроме того, уровень жизни меньшинства, проживающего в сельской местности ниже, чем у ханьского населения, проживающего преимущественно в городах. Образовательные реформы и реформы языка привели к тому, что молодое поколение в большей степени изучает китайский язык и письменность и хуже общаются на национальном языке. Уровень образования местного населения также находится в плачевном состоянии, что позволяет правительству заселять СУАР ханьским населением из других провинций, которые в свою очередь занимают выгодные рабочие места.

Основным поводом для недовольства населения, в большинстве своем исповедующего ислам, являются ограничения в религии. Но так как данная сфера тесно связана с проблемой терроризма и является одним из основных инструментов для сепаратистов, то просто неизбежно существование определенных сдерживающих рамок.

Правительство Китая проводит последовательную политику по борьбе с сепаратизмом. Так был усилен режим охраны границ со странами Центральной Азии: увеличено количество пограничных постов, на маршрутах передвижения лиц, незаконно пересекающих границу, было усилено наблюдение спецслужб КНР [18, с. 22].

В СУАР проходит линия фронта по борьбе с терроризмом. Проникновение религиозного экстремизма привело к увеличению террористических атак в последние годы. Власти Синьцзяна приобрели богатый опыт по борьбе с терроризмом. Так были урегулированы методы обращения с заключенными-террористами. Лидеры террористических организаций и другие заключенные, подстрекающие к террористической деятельности, должны отбывать наказание в одиночных камерах. Также за полгода до конца срока заключения, данные лица должны пройти оценку рисков, и местные суды должны принять решение о возможности их освобождения [19].

Правительство КНР осознает, что проблема террористических атак в СУАР должна быть решена комплексно. Поэтому были построены механизмы сотрудничества по борьбе с терроризмом на высшем уровне с соседними странами и с ведущими западными странами, в том числе с

США. Было налажено сотрудничество между министерствами, отвечающими за международные отношения и за общественную безопасность. Также налажен канал связи для обмена информацией и антитеррористического сотрудничества между Китаем и США, Францией и Великобританией [20].

Национальную политику Китая нельзя назвать недействительной. Центральная власть КНР борется с сепаратизмом одновременно по нескольким направлениям. Первое – это социальное и экономическое развитие проблемных районов. Второе – развитие промышленности и инфраструктуры. Третье – усиленная реализация на практике основных положений Конституции и других законов, касающихся национальных автономий, прав и свобод граждан, свободы вероисповедания и других. И четвертое направление – комбинированное. Оно включает в себя информационные технологии, помогающие проводить дискредитацию сепаратистских идей и лидеров, либо пропаганду политического курса КПК, и военные силы, которые могут служить угрозой применения или их непосредственное вмешательство в конфликтные ситуации [21, с.87–88].

Национальная политика КНР, связанная с проблемами сепаратизма, может быть рассмотрена другими государствами, как пример опыта положительных и отрицательных путей решения проблемы, с учетом специфики каждого отдельного региона и проживающей на его территории национальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Капицын В.М., Ван Яо.** Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // *Arg Administrandi*. 2013. №3. С. 107-117. ISSN: 2218-9173.
- 2. Сыроежкин К.Л.** Эволюция формирования и основные черты национальной политики КПК / Казахстан. ин-т стратегич. исслед. при Президенте Республики Казахстан. Алматы, 1998.132 с.
- 3. Булдакова В.Г.** Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // *Россия и АТР*. 2006. №4. С.77-81 ISSN: 1026-8804.
- 4. Конституция КНР** 982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) Преамбула // Законодательство Китая: [сайт] URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch0 (дата обращения: 07.05.2017).
- 5. Конституция КНР** 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) Глава I Основные принципы // Законодательство Китая: [сайт] URL: <http://>

chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch1 (дата обращения: 07.05.2017).

6. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) Гл. III Структура государства пар. 6 ст. 112–114 // Законодательство Китая: [сайт] URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch3р6 (дата обращения: 07.05.2017).

7. Общие положения гражданского права КНР // Законодательство Китая: [сайт]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/general_principles_civil_law/general_principles_civil_law_p9 (дата обращения: 07.05.2017).

8. Закон КНР О правотворчестве // Законодательство Китая: [сайт] URL: http://chinalawinfo.ru/other/law_legislation/law_legislation_ch4-htm (дата обращения: 07.05.2017).

9. Чжунгуо дэ минцзю цюйюй цзычжи 中国的民族区域自治 [Национальная районная автономия в Китае] // Чжунхуа жэнмин гунхэгуо чжунян жэнмин чжэнфу 中华人民共和国中央人民政府 [Госсовет КНР]: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/zwggk/2005-05/27/content_1585.htm (дата обращения: 07.05.2017).

10. Закон КНР О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней // Законодательство Китая: [сайт] URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/law_npc_elections-2/law_npc_elections_ch3 (дата обращения: 07.05.2017).

11. Уголовно-процессуальный Кодекс КНР // Законодательство Китая: [сайт]. URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure/law_criminal_procedure_p1_ch1 (дата обращения: 07.05.2017).

12. Чжунгуо дэ цзунцзяо синьян цзыюу чжуанкуан 中国的宗教信仰自由状况 [Религия и свобода совести в Китае] // чжунхуа жэнмин гунхэгуо гуоююань синьвэн бангунши 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро Госсовета КНР] [сайт]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/1997/Document/307974/307974.htm> (дата обращения: 07.05.2017).

13. Буяров Д.В. К вопросу об этно-религиозном сепаратизме в Синьцзяне // ст. в сб. тр. конф.: Актуальные проблемы современности: мат-лы 4-й науч.-практ. конф. «Альтернативный мир» (Благовещенск, 23 окт. 2009 г.). отв. ред. Д.В. Буяров. 2009. №3. С. 20–26.

14. Амантаева А.А. Анализ внутриполитического развития Синьцзян-Уйгурского Автономного Района в начале XXI в. // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2014. Т.14. №1. С. 52–54 ISSN: 1694-500X.

15. Mao Weihua, Cui Jia New Xinjiang regulation aims to prevent extremism // China Daily: [сайт]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-03/31/content_28747922.htm (дата обращения 07.05.2017).

16. Синьцзян 新疆 [Синьцзян] // Чжунхуа жэнмин гунхэгуо чжунян жэнмин чжэнфу 中华人民共和国中央人民政府 [Госсовет КНР]: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/test/2013-04/07/content_2371589.htm (дата обращения: 07.05.2017).

17. Буяров Д.В. К вопросу об этно-религиозном сепаратизме в Синьцзяне // ст. в сб. тр. конф.: Актуальные проблемы современности: мат-лы 4-й науч.-практ.

конф. «Альтернативный мир» (Благовещенск, 23 окт. 2009 г.). отв. ред. Д.В. Буяров. 2009. №3.

18. Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на Российском Дальнем Востоке и в Китае // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т.19. № 19. с. 80.

19. Cui Jia Xinjiang toughens anti-terror stance // China Daily: [сайт]. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/china/2016-08/03/content_26324681.html (дата обращения: 07.05.2017).

20. Zhang Yunbi Anti-terror fight remains focused on East Turkestan group // China Daily: [сайт]. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/epaper/2017-03/10/content_28509431.html (дата обращения: 07.05.2017).

21. Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на Российском Дальнем Востоке и в Китае // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т.19. № 19. С. 72–92.

EROFEEV Dmitry R. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: derofeev03@gmail.com.

POGODIN Sergey N. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: pogodin56@mail.ru.

FROLOVA Anastasia P. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: frolova.anastasia.p@gmail.com.

NATIONAL POLICY OF THE CHINESE GOVERNMENT IN XINJIANG-UYGUR AUTONOMOUS REGION

The article is devoted to the analysis of China's national policy in Xinjiang-Uygur Autonomous Region (XUAR). The main changes in the national policy of the country, starting from the period of Republican China are considered. The legislative base that regulates the national policy of the People's Republic of China is analyzed separately. The article discusses the importance of national policy in order to prevent separatist sentiment in the region.

XINJIANG-UYGUR AUTONOMOUS REGION; INTERETHNIC RELATIONS; KUOMINTANG; CONSTITUTION OF THE PRC; LEGISLATION OF THE PRC; DEMOGRAPHY, EDUCATION AND CULTURAL POLICY; SOCIO-ECONOMIC RELATIONS

УДК 323.17

А. Л. Рябова, М.А. Саблина

БЫЛ П.А. СТОЛЫПИН НАЦИОНАЛИСТОМ?¹

РЯБОВА Анна Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: Ra15@mail.ru.

САБЛИНА Марина Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: sablina.marina2011@yandex.ru.

В статье рассматривается один из ключевых вопросов внутренней политики, премьер-министра царской России Петра Аркадьевича Столыпина – национальный вопрос. В отечественной исторической литературе данный вопрос вызывает большую дискуссию. Одни авторы считают П.А. Столыпина ярким националистом, другие отрицательно относятся к этому тезису. На основе анализа национальной политики П.А. Столыпина авторы статьи приходят к выводу, что он не был националистом.

ПЕТР АРКАДЬЕВИЧ СТОЛЫПИН; НАЦИОНАЛИЗМ; РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ; МОНАРХИЗМ; КОНСЕРВАТИЗМ; ИНОРОДЦЫ

Тема исследования национального вопроса и национализма в политике Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911) представляет ряд определенных сложностей, которые связаны, прежде всего, с неоднозначным толкованием и оценкой в отечественной исторической литературе имени и высказываний этого выдающегося государственного и политического деятеля российского государства. На протяжении советского времени его имя было связано с выражением «столыпинский галстук». Во многих работах советских историков прослеживается предвзятое отношение к личности и деятельности Петра Аркадьевича. В содержании монографии

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

А.Я. Авреха «П.А. Столыпин и судьбы реформ в России» [1], одна из глав названа «Национализм. «Россия для русских» Создание партии националистов». Уже название главы безошибочно определяет отношение А.Я. Авреха к национальной политике П.А. Столыпина. Русские националисты отождествляют собственную точку зрения со столыпинской [2]. В работе же П.Н. Зырянова «Петр Столыпин: политический портрет» [3] нет никакого намека на национализм.

Разобраться в этом вопросе и призвана данная публикация.

Наиболее объективную картину и большой фактический материал для освещения национальной политики П.А. Столыпина можно получить из сборника его речей «Нам нужна великая Россия» [4]. Сборник включает все речи премьер-министра, особое внимание заслуживают его выступления по национальному вопросу. На основе анализа этих речей можно судить об истинном отношении Петра Аркадьевича к национальному вопросу. Существенную помощь для нашего исследования оказал фонд изучения наследия А.А. Столыпина [5].

В начале XX века национализм в России получил широкое распространение. Его истоки шли снизу. В 1900 году в Санкт-Петербурге было создано «Русское собрание» – право монархическая, православно-консервативная общественно-политическая организация [6]. В структуре этой организации был создан Краинный отдел, в задачи которого входило изучение национальных окраин Российской империи и активная борьба с сепаратизмом. С 1906 года отдел начал издавать газету «Окраины России». Организатором и редактором издания стал А.С. Будилович (1846–1908) [7].

В конце 1907 года А.С. Будилович стал инициатором и одним из главных организаторов создания самостоятельной националистической организации «Русское краинное общество». Основной задачей общества стало противодействие сепаратизму и антирусским настроениям на окраинах России. Общество выступало за единство Российской империи, противодействуя движениям инородцев за национальную независимость. Важным направлением деятельности общества была борьба по укреплению и развитию русской культуры и народности на окраинах России.

Газета «Окраины России» писала: «забота о целостности России... ложилась целиком на плечи правительства... Теперь наступило другое время... теперь все мы ответственны за будущность нашего Русского государства... А в наши дни «освободительной» вакханалии... эта ответственность еще усугубляется». В деле управления окраинами мы видим «шатания власти». Поэтому, «очевидно, задача русских людей сводится к тому, чтобы бодрствовать и содействовать власти держаться ясного и определенного пути» [8].

С аналогичными высказываниями выступил русский консервативный публицист М.О. Меньшиков (1859–1918) [9] в статье «Чье государство Россия?», где отвечал на этот вопрос вполне определенно: русское государство – это государство русских. Тезис, что «инородцы» – такие же граждане, как и русские, неприемлем в принципе: «Конечно, *не такие* и не Должны быть такими» [10].

Одним из важных вопросов внутренней политики П.А. Столыпина был национальный вопрос. В свете этого вопроса одни его современники видели угнетение нерусских народов, другие панегирик в отношении русского народа. Такие крайности во взглядах на национальный вопрос приводили к обострению и непримиримости между народами России. Представители первого направления выступали за распад русского государства, вторые за недопущение принуждения русского народа и его государственного строя [11, с. 4].

В понимании П.А. Столыпина российское государство было единым неделимым: «Децентрализация может идти только от избытка сил... если же этой децентрализации от нас требуют в минуту слабости, когда ее хотят вырвать и вырвать с такими корнями, которые должны связывать всю Империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами – тогда, конечно, правительство ответит нет! Станьте сначала на нашу точку зрения, что высшее благо – это быть русским гражданином, носите это звание также высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права» [12, с. 106].

Петр Аркадьевич Столыпин никогда не стремился «к какому-либо династическому господству русского народа над другим, но и не мог

перенести уничтожения русского народа на почве интернационализма или культурных превосходств» [11, с. 5], констатировал Николай Петрович Шубинской (1853–1921) известный московский присяжный поверенный, выступивший с речью в Москве по случаю годовщины убийства П.А. Столыпина.

В решении национального вопроса симпатии П.А. Столыпина были на стороне опыта Германской империи. Объединив все бывшие государства с немецким населением. Империя создала общий политический строй, общие законы, сформировала правовые нормы. В этой связи Петр Аркадьевич отмечал: «Прежде всего, Россия пусть будет российским государством, а затем будем голосовать о подразделениях и устройствах внутри ее разных народностей – финнах, эстонцах, поляках, хохлах, татарах и т.д. Не будем вытраивать процессов истории и ее несокрушимого уклада» [11, с. 6.]. Развивая эту идею, он отмечал: «Есть слова, выражающие чувства, от которых в течении столетий... бились сердца русских людей... Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам... Это желание... обновить, просветить и возвеличить родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада» [12, с.107–108].

Мы привели только несколько цитат из выступлений Петра Аркадьевича, но и они красноречиво свидетельствуют об отсутствии национализма у Столыпина. Было страстное желание и стремление к укреплению связей между различными частями Российской Империи. Премьер-министр был активным сторонником демократического решения национальной проблемы. Однако его политика сталкивалась с ярим противодействием как со стороны крайних революционеров, так и со стороны консервативной части Государственной Думы и членов Государственного Совета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М. : Политиздат, 1991. – 285 с. ISBN: 5-250-01703-7.
2. Петр Аркадьевич Столыпин : энциклопедия / Фонд изучения наследия П.А. Столыпина, Ин-т обществ. мысли; [редкол.: В.В. Шелохаев, д.ист.н., проф. (отв. ред.) и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 735 с.
3. Зырянов П.Н. Петр Столыпин : Политический портрет. – М. :Высш. школа, 1992. – 157 с. ISBN 5-06-002498-9.

4. **Столыпин П.А.** Нам нужна великая Россия : самые знаменитые речи и письма / П.А. Столыпин. – Москва : АСТ, 2013. – 413 с.
5. Фонд изучения наследия П.А. Столыпина <http://www.stolypin.ru>.
6. **Кирьянов Ю.И.** Русское собрание. 1900–1917 / монография. – М. : РОССПЭН, 2003. – 350 с. ISBN: 5-8243-0461-0
7. **Фомичева О.А.** А.С. Будилович : деятельность в национальных регионах пореформенной Российской империи. – СПб.: Алетейя Историческая книга, 2014. – 213 с. ISBN: 978-5-90670-556-3.
8. **Украины. России. 1911. № 7. С. 98.**
9. **Меньшиков М.О.** Национальная Империя: Сборник ст. / Сост., вступ. статья, послесловие М.Б. Смолина; Православный центр имперских политических исследований. – М.: Имперская традиция, 2004. – 512 с. ISBN 5-89097-052-6. (в пер.).
10. **Новое время. 1908. 1 марта.**
11. **Шубинской Н.П.** Памяти П.А. Столыпина : † 5 сент. 1911 г. : Речь, произнес. 5 сент. 1913 г. в Центр.ком. Союза 17 окт., в Москве. – Москва : т-во тип. А.И. Мамонтова, 1913. – 28 с.
12. **Столыпин П.А.** Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Гос. Думе и Гос. Совете, 1906–1911 / [Сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского]. – М. : Мол.гвардия, 1991. – 411 с.

RIABOVA Anna L. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: Ra15@mail.ru.

SABLINA Marina A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: sablina.marina@yandex.ru.

WAS P. A. STOLYPIN A NATIONALIST?

In the article is considered one of the key issues of domestic policy, the prime minister of tsarist Russia Peter Arkadievich Stolypin – a national issue. In the domestic historical literature this issue raises a great deal of discussion. Some authors consider P.A. Stolypin an ardent nationalist, while others are negative about this thesis. Based on the analysis of the national policy of P.A. Stolypin, the authors of the article come to the conclusion that he was not a nationalist.

PETER ARKADIEVICH STOLYPIN; NATIONALISM; RUSSIAN NATIONALISM; MONARCHISM; CONSERVATISM; FOREIGNERS

УДК 323.17

А. М. Мюллер, А. Л. Рябова, М. А. Саблина

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА П.А. СТОЛЫПИНА В ОТНОШЕНИИ ФИНЛЯНДИИ¹

МЮЛЛЕР Айли Матвеевна – старший преподаватель кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Политехническая 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: aili.myller@gmail.com.

РЯБОВА Анна Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Политехническая 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: Ra15@mail.ru.

САБЛИНА Марина Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Политехническая 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: sablina.marina2011@yandex.ru.

В статье рассматривается проблема национального вопроса в России и политика П.А. Столыпина. В отечественной исторической литературе этот вопрос являются очень сложным для исследования. В основе данного исследования авторы положили изучение речей премьер-министра, особое внимание заслуживают его выступления по вопросам внутренней политики России. На примере отношения П.А. Столыпина к Финляндии анализируется общая политика премьер-министра по национальному вопросу.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА; П.А. СТОЛЫПИН; ФИНЛЯНДИЯ; ФИНЛЯНДСКИЙ СЕЙМ; ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО; ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ; ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Исторические оценки деятельности незаурядного государственного и политического деятеля России начала XX века Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911) разнятся порой до прямо противоположных. На

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

протяжении всего советского периода неоднозначное толкование его имени в отечественной исторической литературе в 90-е годы XX века вызвало шквал интересных публикаций.

Исследователь А.Я. Аврех в своей монографии «П.А. Столыпин и судьбы реформ в России» [1] одну из глав посвятил отношению правительства и премьер-министра к Финляндии и Польше. Название главы «Национализм. Россия для русских» однозначно определяет отношение автора монографии к политике Петра Аркадьевича. Другой же исследователь жизненного пути председателя Совета министров и министра внутренних дел дореволюционной России П.А. Столыпина – историк Павел Зырянов в своей книге «Петр Столыпин: политический портрет» [2] из серии «История в лицах» непредвзято и всесторонне осветил фигуру Столыпина на фоне событий отечественной истории начала XX в., и не обнаружил даже тени национализма [9].

Наиболее всестороннюю картину и богатый фактический материал по национальной политике П.А. Столыпина предоставляет сборник его речей «Нам нужна великая Россия» [3], содержащий все речи премьер-министра. Особого внимания заслуживают его выступления по вопросам внутренней политики России. На основе анализа этих речей можно судить об истинном отношении Петра Аркадьевича к национальному вопросу. Большую помощь для нашего исследования оказал фонд изучения наследия А.А. Столыпина [4].

Впервые официально вопрос о Финляндии был поднят П.А. Столыпиным после запроса, поступившего из Государственной Думы и «касающегося отношений Империй к её составной части – Финляндии» [5, с. 2919]. Петр Аркадьевич подчеркнул, что в настоящее время существует две позиции, с которых можно рассматривать финский вопрос. Первая из них звучала так: «Финляндия – совершенно особое государство» [5, с. 2923], другая имела следующую формулировку: «Финляндия есть такая же окраинная провинция, как, скажем, привисленские губернии или Кавказ» [5, с. 2927]. Как утверждал сам Столыпин, обе позиции ошибочны. По его мнению, Финляндия была ничем иным, как частью Российской Империи, и Российское Правительство было обязано нести ответственность за все происходящее на ее территории [6].

А происходило там множество значимых для истории событий. В одном лишь только 1907 году на финских территориях революционерами было проведено около 25 собраний и конференций. Именно в Финляндии велась подготовка ко многим актам террора, покушениям – таким, к примеру, как «взрыв 12 августа 1906 г., ограбление в Фонарном переулке, причем похищенные деньги увезены были в Финляндию; покушение на убийство генерал-адъютанта Дубасова, убийство генерала Мина, убийства генерала фон дер Лауница, главного военного прокурора Павлова, начальника Петербургской тюрьмы полковника Иванова, Дерябинской тюрьмы – Гудима, Акатуевской тюрьмы – Бородулина и начальника Главного тюремного управления Максимовского. Там же велась подготовка к покушению на военного министра, покушению на министра юстиции, наконец, покушению на Великого князя Николая Николаевича» [5, с. 2932].

Власти Финляндии терпимо относились к таким революционным организациям и к самим революционерам. Революционеры обретали на территории Финляндии прекрасное укрытие и место, где они могли готовить свои террористические акты. Эти действия привели к созданию вдоль финляндской границы специального военного кордона.

В вопросах управления самой Финляндии встречались некоторые затруднения. В соответствии с указом от 1 августа 1891 года Статс-секретарь по делам Финляндии² имел право сам решать дела, касающиеся интересов России, или запрашивать заключения соответствующего российского министерства. Такое положение привело ко многим злоупотреблениям. Некоторые вопросы, затрагивающие интересы русских, решались Финляндией самостоятельно, без консультаций с российским правительством.

Были изменены в одностороннем порядке: в 1896 году – параграфы учреждения сената Финляндии, касающиеся милиционной экспедиции; в 1906 году – закон, поднимающий вопрос русского языка в государственных учреждениях. В некоторых случаях российское правительство узнавало о финских законопроектах через газетные статьи.

²Министр-статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского – должностное лицо, стоявшее во главе управления Финляндией.

Без согласования с властями в Санкт-Петербурге, Сенат Финляндии начал разрабатывать проект закона о новой, реформированной форме правления. Целью такого законопроекта было стремление к полному освобождению Финляндии от Имперской России.

Для устранения подобных ситуаций и для полного уничтожения причин разногласия с Финляндией, П.А. Столыпин предлагал разобраться в политическом мировоззрении финнов. По его мнению, это мировоззрение строилось на заявлении Александра I, сделанного им в 1809 году. Император обещал хранить установленные в Финляндии законы. Однако финны поняли это заявление как признание особой финляндской государственности [7].

В 1863 году Александр II упомянул о конституционной монархии при созыве финляндского сейма. «Вот почему, – констатировал П.А. Столыпин, – эти принципы отдельной финляндской государственности начали понемногу переходить в особую науку своеобразного финляндского государственного права. Для того чтобы создать эту науку, подбирались масса документов, причем, конечно, груда таких же документов, не подтверждавших этих принципов, отбрасывалась в сторону. Народные университеты и публичные лекции продолжали это же дело, и совершенно естественно, что теория скоро перешла в верование, верование перешло в догмат, догмат же трудно опровергать какими-либо рассудочными доказательствами. По этому догмату Финляндия – особое государство, и притом государство конституционное, правовое; государство, которое имеет задачи совершенно различные от задач России, и чем теснее будет связана Финляндия с Россией, тем осуществление этих задач станет невозможнее» [5, с. 2937]. «Вот, господа, – продолжал Петр Аркадьевич, – в этой политической атмосфере и застают Финляндию события 1905 года, которые послужили пробным камнем и для многих русских, которые в то время, может быть, усомнились в будущем России» [5, с. 2939].

Какой же была Финляндия в то время? Ее восточная часть с 1323 года – русская территория. Она была вновь завоевана Петром I и Елизаветой Петровной и присоединена к России. Александр I же объявил о присоединении Финляндии к Российской Империи. «Император

Александр I, – отмечал П.А. Столыпин, – даровал Финляндии внутреннюю автономию, он даровал ей и укрепил за нею право внутреннего законодательства, подтвердил все коренные законы, весь распорядок внутреннего управления и судопроизводства, но определение отношений Финляндии к Империи он оставил за Собой и определил его словами: «собственность и державное обладание» [5, с. 2940].

Так же действовали и другие Российские Императоры, управлявшие Финляндией на патриархальных началах [8]. С открытием финляндского сейма отношения ухудшились. Сейм счел себя вправе вмешиваться в обсуждение и принятие решений по общегосударственным вопросам, что весьма осложнило ситуацию. Российская позиция представляется кристально ясной. В первую очередь Россия не желает и не стремится к нарушению прав Финляндии, законных и автономных, касающихся вопросов ее внутреннего законодательства, отдельного судебного и административного устройства. Однако с другой стороны, очевидно, что по общим вопросам законодательства необходимо принимать совместные решения Финляндии и России, но с преобладанием державных прав последней. К подобным общим вопросам П.А. Столыпин отнес оборону государства, управление железными дорогами, таможнями, телеграфом, наблюдение за почтовыми учреждениями крепостями, защиту прибрежных вод и т. д.

Для того, чтобы урегулировать данные вопросы, необходимо прийти к единому решению. За счет бесконечного потока запросов, текущих в Думу, достичь этого нельзя. Но существует иной путь, проходящий через Государственный Совет и Государственную Думу. «Вы, господа, не можете, – сказал Столыпин, – отвергнуть от себя обязанностей, несомых вами в качестве народного представительства. Вы не можете разорвать и с прошлым России. Не напрасно были пролиты потоки русской крови, не бессмысленно и не бессознательно утвердил Петр Великий державные права России на берегах Финского залива. Я уверен, господа, – констатировал Петр Аркадьевич, – что вы отвергаете запрос; но вами, в ваших русских сердцах будут найдены выражения, которые заставят, побудят Правительство представить на ваш же суд законопроект, устанавливающий способ разрешения наших общих с Финляндией дел,

законопроект, не нарушающий прав маленькой Финляндии, но ограждающий то, что нам всего ближе, всего дороже, – исторические, державные права России» [5, с. 2940].

По инициативе П.А. Столыпина 17 марта 1910 года был опубликован проект правительства, регламентирующий издание законов и постановлений, рассматривающих общегосударственные вопросы, касающиеся Финляндии. Проект был направлен в законодательные учреждения. 21 мая 1910 года Петр Аркадьевич выступил по этому вопросу в Государственной Думе. В своем выступлении он поведал о сложной ситуации с Финляндией, к тому моменту особенно обострившейся. Особое внимание он уделил вопросу об отбывании финнами воинской повинности. По мнению П.А. Столыпина, в ситуации ослабления русской власти в Финляндии и политики компромиссов и уступок, финляндцы становились все требовательнее и враждебнее настроены по отношению к Империи. Так, например, Лео Мехелин, финляндский сенатор, придерживался мнения о том, что «взаимоотношения обеих сторон требуют, чтобы Царь и Великий Князь был единственным русским, который мог бы и должен был бы влиять на финляндские дела» [5, с. 2941]. «Отсюда ясен логический вывод, – констатировал Петр Аркадьевич, – что решение вопроса об изменении взаимоотношений России и Финляндии, взаимоотношений, сильно осложнившихся за сто лет, должно принадлежать исключительно творчеству финляндского Сейма; России должно принадлежать в лице ее Монарха лишь право «veto», что сводит роль России к пассивному сопротивлению против вредных для нее актов и не дает ей возможности привести свои отношения с Финляндией к благополучному исходу... Таким образом, ныне царствующему Государю, в минуту поворота в финляндских делах, предстояло решить, кто же правомочен осуществить державную власть для установления нормы и порядка общегосударственного законодательства. Даровав, как Самодержавный Государь, Основные Законы Империи, Государь Император манифестом от 20-го февраля 1906 г. оставил за собой право установить в свое время и законы общегосударственные. Он мог сделать это сам, Он мог сделать это, вняв финляндским теориям, с помощью финляндского Сейма, Он мог, наконец,

призвать к этому делу народное представительство. Манифестом 14-го марта этот вопрос разрешен, и законопроект находится перед Вами, господа члены Государственной Думы. Вам предстоит разрешить вопрос больших исторических размеров, но во время этого исторического суда будут раздаваться и раздаются уже и обвинения, и укоры, и нарекания. Указывая на перечень, вам будут доказывать, что русская реакция стремится задушить автономию свободного народа, тогда как в возможности пополнения перечня и заключается признак верховности русского государства, заключается обеспечение, в случае пропуска или недосмотра, от поворота вновь в такое положение, в котором мы находимся в настоящее время. Приглашение финляндских депутатов в Думу и Государственный Совет с решающим голосом – это акт величайшей справедливости, но это в то же время доказательство единства Русской Империи. Смущающий вас, как я слышал, некоторый надзор за школами введен в перечень вследствие той неприязни, того недружелюбия, которое вселяется в школах детям по отношению к России и русскому языку. Союзы, печать, общество – это все предметы, которые даже в сложных государствах составляют предмет общеимперского законодательства. Но нам будут указывать, конечно, что этим путем бюрократия стремится разрушить высокую местную культуру и народное просвещение. Я вам отвечу словами докладчика, что независимо от финляндского правосознания, существует еще другое правосознание, правосознание русское; вам будут указывать на то, что Правительство не считается с интересами целого народа, – на это я вам отвечу, что Государь доверил дело вам и что помимо вас не пройдет ни один Имперский закон; вам, конечно, будут торжественно указывать на мнение, якобы, Европы, на тысячи собранных финляндцами за границей подписей, – тут уже отвечу вам не я, а ответит вам вся Россия, что многие, видимо, еще не поняли, что при новом строе Россия не разваливается на части, а крепнет и познает себя. Разружьте, господа, опасный призрак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, – презрение к нашей родине. Презрение чувствуется и в угрозе пассивного сопротивления со стороны некоторых финляндцев, презрение чувствуется и со стороны непрошенных советчиков, презрение чувствуется, к сожалению, и со стороны части нашего общества, которая не верит ни в

право, ни в силу русского народа. Стряхните с себя, господа, этот злой сон и, олицетворяя собой Россию, опрошенную Царем в деле, равного которому вы еще не вершили, докажите, что в России выше всего право, опирающееся на всенародную силу» [5, с. 2941].

Слова П.А. Столыпина произвели огромное впечатление на Государственную Думу. Она утвердила законопроект о Финляндии. После этого утверждения обсуждение перешло в Государственный Совет Империи.

8 июня 1910 года начались прения по финляндскому законопроекту в Государственном Совете. П.А. Столыпин, выступая против оппозиции по этому вопросу, отметил на данном заседании в своей речи: «Или отрекитесь от прав общеимперского законодательства в пользу финляндского провинциального сейма, или докажите, что дарованные Государем России законодательные учреждения считают своей обязанностью свято охранять то, что принадлежит всему государству» [9, с. 3659]. На следующем заседании 11 июня Петр Аркадьевич разъяснял, что до внедрения законов мнения финнов будут непременно заслушаны и приняты к сведению. Но пока же «финляндская жизнь будет регулироваться ныне существующими законодательными нормами, действующими издавна, издревле в крае» [9, с. 3943]. Это означает, что закон станет законодательной угрозой, он не причинит ущерба финляндским интересам. Он только укрепит державные права Российской Империи.

Император Николай II 17 июня 1910 года согласился с Государственной Думой и Государственным Советом и утвердил одобренный ими закон, касающийся издания законов о Финляндии. Таким образом, вопрос отношений Финляндии и России был урегулирован. Окончательно определен путь дальнейшего развития финляндского законодательства. Издание законов должно было продолжаться, причем в двух вариантах. К первому варианту относились вопросы, касающиеся не только внутренних дел Финляндии, но и всей Российской Империи – они решались в установленном общим законодательством порядке. Ко второму же принадлежали вопросы исключительно внутренней политики края – они решались в порядке, установленном самим финляндским законодательством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. – Москва : Политиздат, 1991. – 285 с. ISBN: 5-250-01703-7.
2. Зырянов П.Н. Петр Столыпин: Политический портрет. – Москва : Высш. школа, 1992. – 157 с. ISBN 5-06-002498-9.
3. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия: самые знаменитые речи и письма / П.А. Столыпин. – Москва : АСТ, 2013. – 413 с.
4. Фонд изучения наследия П.А. Столыпина [сайт] : <http://www.stolypin.ru>.
5. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия первая. Часть II. Заседания 31–60 (с 21 февраля по 6 мая 1908 г.). – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. – С. 2919–2941.
6. Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 338–48. ISSN: 2304-9472.
7. Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской Империи в XIX веке // Международные отношения и диалог культур. 2015. № 3 (2014). С. 347–356.
8. Погодин С.Н. Взаимоотношение царской России и Финляндии (политико-правовой аспект) // Россия в глобальном мире. 2014. №4 (27). С. 233–243.
9. Рябова А.Л., Саблина М.А. Был ли П.А. Столыпин националистом? // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 187–191.

MULLER Aili M. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: aili.myller@gmail.com.

RIABOVA Anna L. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: Ra15@mail.ru.

SABLINA Marina A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: sablina.marina@yandex.ru.

THE NATIONAL POLICY OF P. A. STOLYPIN TOWARDS FINLAND

The article encompasses and studies the problem associated with the national question in Russia and the policy of P. A. Stolypin. This issue is considered to be difficult to follow and investigate in Russian historical literature. The study is based on the scrutiny and analysis of the Prime Minister's speeches. Special attention is paid to his speeches aimed at domestic policy issues in Russia. The general policy of P.A. Stolypin towards the national question is analyzed on the example of his attitude to Finland.

NATIONAL POLICY OF P.A. STOLYPIN; FINLAND; FINNISH SEJM; THE TSARIST GOVERNMENT; THE STATE COUNCIL; THE STATE DUMA

УДК 323.17

А. М. Мюллер, А. Л. Рябова, М. А. Саблина

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА III¹

МЮЛЛЕР Айли Матвеевна – старший преподаватель кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Политехническая 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: aili.myller@gmail.com.

РЯБОВА Анна Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Политехническая 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: Ra15@mail.ru.

САБЛИНА Марина Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Политехническая 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: sablina.marina2011@yandex.ru.

В статье рассматриваются вопросы национальной политики в царствование Александра III. Особое внимание обращается на личностные качества императора, которые оказали существенное влияние на формирование его мировоззрения по национальному вопросу. По своему характеру, душевному складу, внешнему облику он был истинно русским человеком. С его именем связывают лозунг «Россия для русских», который во многом определил его национальную политику. В основе этой политики была русификация. Дается общая характеристика национальной политики Александра III. Особое внимание уделяется анализу национальной политики по отношению к евреям, полякам, финнам.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА; АЛЕКСАНДР III; РУСИФИКАЦИЯ; НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОКРАИНЫ; НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА; ПОЛЯКИ; ЕВРЕИ; ФИННЫ

Российская Империя при Александре III представляла собой многонациональное государство, состоящее из более 200 наций, народностей и различных этнических групп с населением более

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

120 миллионов подданных. Колоссальные различия в положении народностей и народов, проживающих в стране, очень затрудняли проведение политики по национальным вопросам [1, с. 304–305].

При рассмотрении национальной политики Александра III необходимо учитывать его личностные качества. Император Александр III был всего на 1/64 русским по крови. Однако по своему характеру, душевному складу, внешнему облику он был истинно русским человеком [1, с. 305]. Он воспринимался окружающими как истинно христианский царь, защитник православной веры. Для него религиозность была большим, чем простое выполнение церковных обрядовых требований. Он очень любил православную службу, искренне молился, выполняя все требования церковного устава. Православная вера была его главной опорой в государственных, общественных и личных делах [2, с. 251].

Воспитанием в православной вере Александр III был обязан своей матери, Императрице Марии Александровне. Его воспитателями и учителями были искренне любившие Россию и православную церковь: историк С.М. Соловьев (1820–1879) и филолог Ф.И. Буслаев (1818–1998). Огромную роль в формировании личности будущего императора сыграл известный юрист К.П. Победоносцев (1827–1907). Воспитанный в юности на идеях православия, патриотизма Александр III стал проводить национально-государственную политику.

Писатель И.С. Тургенев (1818–1883), встретившись в Париже с Цесаревичем Александром Александровичем, отмечал в статье «Александр III», опубликованной во французском журнале: «Все, что о нем можно сказать, это то, что он русский и только русский. Он представляет даже замечательный пример влияния среды согласно теории Дарвина: в его жилах течет едва несколько капель русской крови, и, однако, он до того слился с этим народом, что все в нем – язык, привычки, манеры, даже самая физиономия, отмечены отличительными чертами расы. Где бы его ни увидели, везде бы назвали его родину» [3, с. 286–287].

Указанное наблюдение было совершенно точным. По мнению современников, Александр III прекрасно разбирался в русской истории, чтит и сохранял православные традиции и обычаи [4]. Император был ярким поборником и защитником русского языка. Он всегда разговаривал

на русском языке. В XIX веке официальным дипломатическим языком был французский. По указанию Александра III Министерству иностранных дел было поручено вести на русском языке и исключительно на нём всё делопроизводство и переписку с иностранными государствами [1, с. 305].

Это служит ярким свидетельством того, что Александра III можно считать русским националистом [5]. К сожалению, данное понятие в XX веке было полностью дискредитировано такими крайними, шовинистическими проявлениями как фашизм, нацизм. Для XIX века национализм ничего предосудительного не содержал. Нравственное и духовное самоопределение, становление нации на определенных исторических этапах всех стран мира неизбежно приводило к провозглашению национальной идеи и появлению национальных лидеров. Для России такое время связано со второй половиной XIX века [6].

С именем Александра III связывают лозунг «Россия для русских» [7]. Но надо знать, что в России XIX века русскими людьми звались как этнические русские, так и все, кто принадлежал к православному вероисповеданию. Следует также отметить, что речь не шла о том, чтобы всех нерусских изгнать или насильственно превратить в русских. Такую задачу никто не ставил, да решить ее было невозможно. Политика русификации формулировалась по-другому: предоставить больше свобод и привилегий православному русскому населению, вывести его на первые, главенствующие позиции в империи [6]. В основе национально-государственного политического курса Александра III была положена цель формирования защиты национальных, религиозных и культурных интересов и ценностей православных жителей империи, составляющих подавляющее большинство населения.

Особенностью российской империи 80-х годов XIX века было то, что в ее состав входило большое количество этносов. Их социальная жизнь протекала по своим особым обычаям и законам. Этносы взаимодействовали между собой, но в большей степени на уровне элит. Народные этносы не жили единой жизнью, общими идеями и настроениями. Они не были единым и сплочённым обществом [8, с. XXVIII]. Это надо было изменить, и потому главной целью государственной политики стало формирование единого русского общества, которое должен был возглавить русский

этнос. Решить эту задачу можно было при помощи ассимиляции культурных особенностей народов России. Основным путем национальной политики при Александре III стала русификация.

Первоначально русификация проводилась, с целью создания более эффективной местной администрации. В 80-е годы XIX века наметилась тенденция к культурной ассимиляции национальных меньшинств. Целью этой политики стало преобразование империи в однородное национальное государство.

Политика русификации не стала неожиданностью для России. Она широко применялась в отношении народов, охваченных сепаратизмом, и ранее. В царствовании Николая I это коснулось поляков после восстания 30-х годов XIX века [9; 10] и евреев [11]. В составленном в сентябре 1876 году завещании Александр II просил наследника престола помнить о том, что мощь «нашего отечества... основана на единстве государства, а потому все, что может клониться к потрясению ее единства, к отдельному развитию различных народностей, для нее пагубно и не должно быть допускаемо».

Если при Николае I русификация была наказанием для непокоренных народов, то при Александре III она стала политикой ко всем подвластным императору национальностям. Изменилось и само понятие «русификации», оно стало более воинственным, наступательным, требующим защиты от инородных культур. Российское государство не может включать в себя подданных других культурных типов. Эти культурные типы представляют другой общественно-политический строй.

М.Н. Катков писал в «Московских ведомостях» в 1882 г.: «Россия может иметь только одну государственную нацию» [12, с. 458]. Однако реформы Александра II, мощный экономический подъем России второй половины XIX века повлияли на культурное и социально-экономическое развитие национальных окраин империи. Поэтому понятия русификации в правление Александра III приобрело чисто политическое значение.

В начале XIX века понятие «русский» трактовалось как «относящийся к России». В царствование Николая I в эпоху официальной концепции православия, самодержавия, народности понятие «русский» трактовалось как православное вероподданство [13]. При Императоре Александре III термин «русский» не связывался с культурными и

религиозными понятиями, а стал носить чисто политический смысл [14, с. 248]. В это время получила развитие «русская идея» [15]. В ее основе лежал тезис, что «Россия может иметь только одну государственную национальность», в то время как само понятие национальности выступало не этнографическим, а политическим термином.

Основой национальной политики Александра III стала русификация. Она предполагала ряд мероприятий, затрагивающих в основном российские окраины. Идентификацией русского стал религиозный фактор. На территории империи началось быстрое строительство православных церквей. За первые восемь лет царствования Александра III по его указанию было построено 5000 церквей, среди которых были Собор Воскресения Христова, возведенный в Санкт-Петербурге на месте гибели Александра II, храм Святого равноапостольного князя Владимира в Киеве, завершилось строительство московского Храма Христа Спасителя.

Политика правительства в религиозной сфере была направлена на преследование не православных христианских религий: католиков и старообрядцев. Исповедующим буддизм бурятам и калмыкам запрещалось строительство буддистских храмов. В восточных районах империи правительство активно стимулировало переход местного населения в православие.

Существенным гонениям было подвергнуто еврейское население России. В царствование Екатерины II в 1791 году была введена «черта оседлости» для евреев, в которой им разрешалось проживание [16]. Она включала Белоруссию, Правобережную Украину, Черниговскую и Полтавскую губернии, Литву, Польшу, Бессарабию. Ограничения не распространялись на евреев с высшим образованием, купцов 1 гильдии, ремесленников и солдат.

3 мая 1882 г. было опубликовано положение Комитета министров «О порядке приведения в действие правил о евреях». Согласно этому положению евреи отныне не могли селиться вне населенных пунктов, ограниченных «чертой оседлости». Под запретом для них стали аренда и приобретение недвижимого имущества. 1887 год ознаменовался введением процентной нормы для евреев для поступления в высшие учебные заведения. Она составляла 3% в столице и 5% вне черты оседлости [17].

В царствование Александра III активно продолжилась политика русификации в отношении Польши. На все государственные должности в крае назначались только русские. Русский язык активно внедрялся в начальной и средней школе, было запрещено использование польского языка в школах. Административная, коммерческая переписка должна была вестись только на русском языке. Запрещались церковные издания на польском языке [18, с. 455]. Активно поощрялось православие, и ущемлялись права католической церкви [18, с. 453].

Важным направлением по интеграции Польши в российскую империю стало принятие ряда мер в области экономики. В 1885 году Польский банк был реорганизован в Варшавскую контору Санкт-Петербургского банка, злотый прекратил своё существование. В крае активно стала проводиться поддержка русских землевладельцев, что проявилось в деятельности российских банков. Кредиты они выдавали исключительно русским.

Активно проводилась русификация, в том числе и на тех землях, где жило население, родственное русским. Ограничение, введенное в 1875 году и запрещающее издание книг на украинском языке на Украине, было подтверждено в 1881 году. Это способствовало усилению антирусских настроений в крае [19].

Положение Финляндии в царствование Александра III было двойко. Вхождение Великого княжества Финляндского в состав Российской Империи в 1809 году сопровождалось большой автономией в рамках империи. Реформы Александра II сыграли большую роль в развитии широкой автономии Финляндии [20]. Великое княжество Финляндское имело свой представительный орган – сейм, свои вооруженные войска, свою денежную валюту – марку. Несмотря на широкие политические, социальные, культурные права в Финляндии, в 60-е годы XIX в. получил развития процесс, получивший название фенномания [21]. Он предусматривал возрождение национальной культуры, образования и выдвигал политические требования.

Александр III очень любил Финляндию за спокойный размеренный ритм жизни и часто приезжал на отдых. За время своего царствования он был в крае 31 раз. При нем Финляндский Сейм получил право

законодательной инициативы. Однако начиная с 90-х годов XIX века стали предприниматься меры к более тесному сближению Великого княжества Финляндского и Императорской России [22]. Русский язык был объявлен государственным языком, широкое распространение получило православие.

Национальная политика Александра III носила консервативный характер и выражалась в традициях православия, монархизма и славянофильства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Толмачев Е.П.** Александр III и его время / Евгений Толмачев. – Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. – 716 с. ISBN: 978-5-275-01507-2.
2. **Уортман Р.С.** Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии / Ричард С. Уортман; [Авториз. пер. С.В. Житомирской]. – М. : О.Г.И., 2002.
3. **Тургенев И.С.** Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1978. Т. 10.
4. **Кудрина Ю.В.** Александр III и развитие исторических знаний в России // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 146–154. ISSN: 0130-3864.
5. **Ковалевский П.И.** Александр III, царь-националист. – СПб.: тип. Р.В. Коротавой, 1912. – 144 с.
6. **Боханов А.Н.** Император Александр III / моногр. – 4-е изд. – М.: Русское слово, 2006. – 509 с. ISBN: 5-94853-540-1.
7. **Иванов А.** «Россия для русских»: Pro et contra Правые и националисты конца XIX –начала XX века о лозунге «русского Возрождения»// Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 92–102.
8. **Миронов Б.Н.** Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.) Т.1.: В 2 т / моногр. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. – 547 с. ISBN: 5-86007-395-X.
9. **Мироненко С.В.** Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. – М.: Мысль, 1990. – 235 с. ISBN: 5-244-00406-9.
10. **Горизонтов Л.Е.** Парадоксы имперской политики : поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) / моногр.; РАН Ин-т славяноведения. – М. :Индрик, 1999. – 270 с. ISBN: 5-85759-092-2.
11. **Алексеев А., Асланов С., Ахизер Г.** История еврейского народа в России = History of the Jews in Russia / [Анатолий Алексеев д.филол.н., проф., Сирил Асланов проф. Еврейск. ун-та в Иерусалиме, Голда Ахизер д.ист.н., преп. и др.]; под общ. ред. Исраэля Барталя [Ассоц. "Гешрейтарбут / Мосты культуры" и др.]. – Иерусалим ; Москва : Гешарим Мосты культуры, 2010.
12. **Катков М.Н.** Собрание передовых статей «Московских ведомостей» 1863–1897. Том VI. – 785 с.
13. **Ричард Вортман** «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века. РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные

практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века: [Сб.] / Сост. Н.Н. Мазур. – М.; Венеция : О.Г.И., 1999, с. 233–244.

14. Майорова Е.И. Александр III – богатырь на русском троне / Е.И. Майорова. – Москва : Вече, 2012. – 284 с. ISBN: 978-5-9533-6055-5.

15. Кочеров С.Н. Русская идея: сущность и смысл / моногр. – Н. Новгород : Изд-во НГПУ, 2003. – 186 с.

16. Черта оседлости // Энциклопедический словарь российской жизни и истории: XVIII – начало XX в. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 267–268.

17. Платонов О.А. Еврейский вопрос в России / моногр. – М. : Яуза, 2005. – 286.

18. Денисов Ю.Н. Россия и Польша : история взаимоотношений в XVII – XX веках / Ю.Н. Денисов. – М.: ФЛИНТА Наука, 2012. – 605 с. ISBN 978-5-9765-1340-2.

19. Миллер А.И. "Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / моногр. – СПб. : Алетей, 2000. – 267 с.

20. Погодин С.Н. Реформы Александра II в великом княжестве Финляндском. // Россия в глобальном мире. 2015. №7(30). С.314–324.

21. Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской Империи в XIX веке // Международные отношения и диалог культур. 2015. № 3 (2014). С. 347–356.

22. Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 338–348.

MULLER Aili M. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: aili.myller@gmail.com.

RIABOVA Anna L. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: Ra15@mail.ru.

SABLINA Marina A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: sablina.marina@yandex.ru.

NATIONAL POLICY OF ALEXANDER III

The article considers the issues of national policy in the reign of Alexander III. Particular attention is drawn to the personal qualities of the emperor, which had a significant impact on the formation of his outlook on the national policy issues. By nature, spiritual outlook and appearance, he was a true Russian man. His name is associated with the slogan "Russia for the Russians", which largely determined his national policy. The essence of this policy was Russification. The article provides the general description of Alexander III national policy. Special attention is paid to the analysis of the national policy towards Jews, Poles and Finns.

NATIONAL POLICY; ALEXANDER III; RUSSIFICATION; NATIONAL SUBURBS; NATIONAL MINORITIES; POLES; JEWS; FINNS

**«ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В
РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ:
СТАНОВЛЕНИЕ, ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ,
КОНЦЕПЦИИ»
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА
(29 сентября 2017 г.)**

**«THE PHILOSOPHY OF HISTORY IN THE
RUSSIAN UNIVERSITIES:
FORMATION, INSTITUTIONALIZATION,
CONCEPTS»
MATERIALS OF THE SCIENTIFIC SYMPOSIUM
(september, 29, 2017)**

УДК 930.85

Н. И. Безлепкин

**ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ
XIX–XX ВВ.: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ НАУЧНОЙ
ДИСЦИПЛИНЫ. ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

БЕЗЛЕПКИН Николай Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук. Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного. Тихорецкий пр., 3, Санкт-Петербург, 194064, Россия. E-mail: nick-bezlepkin@yandex.ru.

В статье подводятся итоги работы исследовательского коллектива по проекту «Философия истории в российских университетах XIX–XX вв.: проблемы институциализации научной дисциплины». Дается анализ исследовательской проблематики, приводится информация о публикациях по тематике проекта, данные об участии коллектива в научных конференциях. Обосновывается значимость полученных результатов для истории русской философии, русской историографии, изучения философских и теоретико-методологических вопросов современного социо-гуманитарного знания.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ; ТЕОРИЯ; МЕТОДОЛОГИЯ; ПРЕПОДАВАНИЕ; УНИВЕРСИТЕТ; РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ; РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Исследование «Философия истории в российских университетах XIX–XX вв.: проблемы институциализации научной дисциплины» проводилось при финансовой поддержке РГНФ/РФФИ в 2015–2017 гг. Руководитель проекта – доктор философских наук, профессор Николай Иванович Безлепкин. В ходе исследования был обоснован научный и дисциплинарный статус историографии в российских университетах, осуществлено изучение подходов в решении ряда философско-исторических вопросов в отечественной научной традиции.

Главной научной проблемой в проведенном исследовании являлся феномен истории в его двух основных проявлениях. С одной стороны, человек живет в «мире-как-истории», включающем космическую,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-03-00488.

биологическую, антропологическую составляющую. Историческое бытие и есть осмысленное, гуманизированное, т. е. преобразованное человеком бытие. Историчен, прежде всего, смысл бытия, обретающий определенность в своей истории, как ее видит человек в различные эпохи. От масштаба историчности зависит и характер определенности: будет ли это определенность личности (ее идентичности и биографии), определенность народа (национальной истории, ее смыслового образа), определенность цивилизации и культуры (ее ценностных, смысловых доминант), определенность человечества (всемирно-историческое измерение, смысл и цель истории).

С другой стороны, невероятное множество историографических и научно-исторических школ со времен Гекатея и Геродота, идентифицирующих себя в самых разнообразных теоретических интуициях, породило невероятное по своему разнообразию множество ответов на вечные вопросы историков: что есть история как процесс, что она представляет собой как наука, изучающая и объясняющая течение этого процесса, из чего состоит «материя» и «эйдетическая» структура этого процесса, каков преимущественный предмет исторического знания, задающий его интенцию, в чем следует усматривать «атомизм» истории и какова природа исторического факта, принципы их сопряженности, структура их переплетения, в чем природа, причины и цели колоссальных исторических движений, похожих на океанические потоки, роль отдельной человеческой воли в этих движениях масс, и, наконец, комплекс проблем футурологического свойства: вопросы о возможности и степени возможности прогноза в историческом знании.

Философское осмысление истории проявляется в различных моделях исторического процесса и исторического знания. Еще в античности было зафиксировано различие между историей как процессом и историей как рассказом. Позднее осознание истории как рассказа было дополнено, а отчасти и заменено ее пониманием как знания, что в настоящее время зафиксировано как различие между так называемыми «раннеисторическими (мифологическими) описаниями» (В.Н. Топоров) и первыми опытами рационально-рефлексивных историографий. Процесс этот, начавшийся в V в. до н.э., получил особое развитие в эпоху общей сциентизации гуманитарных наук, т. е. еще в эпоху Просвещения, но в полной мере

развернулся в XIX в. Инициаторами нового осмысления истории выступили философы-позитивисты, позднее к ним присоединились неокантианцы, предложившие свой вариант общенаучной методологии.

Становление философии истории как самостоятельной отрасли знания в России было связано с отказом от религиозной (историософской) модели исторического процесса и формированием более строго научного взгляда на прошлое [1]. В России процесс научного утверждения истории завершился во второй половине XIX в. У его истоков стояли ученые, преимущественно связанные с университетами (профессиональные историки и философы), впервые попытавшиеся внедрить философию истории в систему университетского образования. Благодаря их стараниям, философия истории начала преподаваться в университетах, стала академической дисциплиной. Специфика университетской философии истории состояла в том, что основное внимание в ней уделялось разработке теоретико-методологических основ истории и эпистемологических аспектов истории как науки. Концепции исторического процесса часто подчинялись здесь исторической гносеологии, т.е. предварительно избранным философским установкам того или иного западноевропейского происхождения. Опыт университетской философии истории оказался очень плодотворен, хотя нельзя сказать, что поставленные проблемы были окончательно и однозначно разрешены.

Ценность научного наследия университетской философии истории возрастает в связи с тем методологическим кризисом, в котором оказалась современная гуманитарная наука в нашей стране. Отказ от марксистской методологии и методологический вызов постмодернизма ставят под сомнение эпистемологическую вменяемость всего гуманитарного знания. Обращение к университетской философии истории, т.е. фактически к истокам теоретико-методологического направления в историографии и гуманистике, можно рассматривать как один из возможных путей выхода из методологического тупика. Насущным по-прежнему остается вопрос об эмансипации историографии от изжитых идеологий и выработке не догматического, но опирающегося на широко понимаемую научность, теоретического взгляда на историю. Вместе с тем, в основе этого процесса должен лежать не утилитарный подход, а выработка самостоятельных

теоретико-методологических основ философско-исторического исследования и знания, обоснование научного статуса историографии, гуманитарного знания в целом.

В ходе проведённого исследования рассматривались также специальные фундаментальные комплексы философских проблем [2; 3; 4; 5]. Это нашло отражение и в работе над учебником «Теория и методология истории» [6]. Не менее значимой тематика исследования представляется и в контексте тех цивилизационных изменений, которые происходят в современной России. Модернизация российского общества актуализировала вопрос об отношении России к западной цивилизации, вновь обострила проблему выбора между самобытным и универсалистским путем развития. В русской философии эти вопросы традиционно осмыслялись в рамках философии истории. В ходе исследования данная тематика изучалась на примере философско-исторических взглядов П.Г. Виноградова [7]. Изучались малоизвестные аспекты историко-философского процесса в России, в частности, исторические школы в Политехническом институте в Санкт-Петербурге в начале XX в., где преподавали М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, И.М. Гревс, Л.П. Карсавин, Д.М. Петрушевский, П.Б. Струве и др. [8]

В последние годы вырос интерес к истории профессиональной философии, в том числе и в России [9, с. 326–333; 10]. Видное место в преподавании философских дисциплин в российских университетах занимала философия, теория и методология истории. Изучение процесса становления и институционализации университетской философии истории позволило выработать более целостный взгляд на историко-философский процесс в России, полнее уяснить специфику философского осмысления истории, раскрыть содержание этого процесса и понятийную структуру исторического знания [11; 12; 13; 14].

Становление истории как научной дисциплины в России, начавшееся в XVIII в., во второй половине XIX века получило поддержку со стороны философии истории. Анализ университетской философии истории является необходимой ступенью в разработке русской философии, в исследовании ее малоизученных проблем. К ним можно отнести схолярную проблематику, в частности, философско-исторические школы или традиции, сложившиеся в российских университетах в конце XIX–

начале XX в. Она включает содержание самой университетской (профессиональной) философии истории, ее терминологию, читавшиеся лекционные курсы, выработки методики преподавания, т. е. учебного процесса в целом. К разработке философских и теоретико-методологических вопросов исторической науки приступили в первую очередь сами историки, причем большинство из них, по преобладающему мировоззрению, можно отнести к русским западникам [15; 16]. Профессора кафедры всеобщей истории Московского университета Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев в своих работах неоднократно обращались к обсуждению философско-исторических вопросов [17; 18; 19; 20]. В Санкт-Петербургском университете интерес к философским проблемам исторической науки на рубеже 1850-х – 1860-х гг. проявляли М.М. Стасюлевич и К.Н. Бестужев-Рюмин [21]. Ученик Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева В.И. Герье одним из первых в России (в Московском университете) приступил к чтению курса по философии истории в 1865–1866 учебном году [22]. Ученики В.И. Герье: Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер продолжили разрабатывать философско-исторические и теоретико-методологические вопросы исторической науки.

Философское осмысление истории профессорами российских университетов своим результатом имело становление философии истории в качестве научной дисциплины. Опора на позитивистскую программу, критически переосмысленную отечественными историками, открывала новые перспективы для развития философии истории, её освобождения от историософских наслоений, способствовала институционализации новых исторических дисциплин. Преподавание истории и философии истории в российских университетах, как показали исследования, обрело большую предметность и мировоззренческую направленность. Безраздельному влиянию эпистемологического подхода в преподавании всеобщей истории, его приложению к философии истории передовые русские ученые противопоставили обращение к онтологии исторического процесса. В отличие от классической европейской парадигмы философии истории, которая замыкается в стремлении выработать общее историческое мирозерцание, понимаемое как философское выяснение принципов самой истории и принципов познания истории, в русской университетской

философии истории в этот период доминирует онтологическая проблематика, а эпистемологическая является вторичной.

Онтологический подход к изучению истории последовательно реализованный в университетской философии истории в XIX – начале XX в. способствовал дальнейшему развитию самобытного воззрения на историю. Смещение акцента с исторической эпистемологии, когда история рассматривалась только как форма знания, к онтологии истории не было случайным, поскольку обращение к онтологическим основаниям исторического процесса позволяло преодолеть умозрительное восприятие истории и осмыслить исторический опыт Европы, её уроки в качестве необходимого момента в понимании места и роли России в мировой цивилизации.

Не все философско-исторические работы профессиональных философов и историков (преподавателей университетов) находили прямое отражение в читавшихся ими курсах. В корпус источников по университетской философии истории входят и собственно исследования (статьи, монографии), написанные профессиональными философами. У истоков формирующейся традиции университетской философии истории стоял Н.И. Кареев, в 1883 г. защитивший первую в России докторскую диссертацию по философии истории «Основные вопросы философии истории». При интерпретации философско-исторических проблем профессиональные историка, как правило, исходил из основных принципов философии позитивизма [23]. С таких же позитивистских позиций к философии истории подходили Н.И. Кареев [24], М.М. Ковалевский [25] и П.Н. Милюков [26]. Следующее поколение университетских философов истории опиралось уже не только на позитивизм, но и неокантианство. К неокантианской философии истории, в частности, примыкают теоретико-методологические поиски А.С. Лаппо-Данилевского и М.М. Хвостова [27]. Исследовательским коллективом была осуществлена публикация одного из неизданных курсов Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» [28; 29; 30; 31]. Также опубликованы редкие воспоминания о В.О. Ключевском и исследования о нем [32; 33].

Результаты исследований были представлены в виде докладов на научных конференциях, «круглых столах» и симпозиумах: Международной научной конференции «“Стены и мосты” – IV:

междисциплинарные исследования в истории» (Москва, 22 мая 2015 г.), 9-ом Международном конгрессе ICSEES (Япония, Макухари, 3–8 августа 2015 г.), Третьих международных чтениях по истории русской философии «Судьба русской философии в XXI столетии. К 25-летию кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета» (Санкт-Петербург, 30–31 октября 2015 г.) [34], VI Всероссийской научной конференции «Философия и методология истории» (Коломна, 27–28 ноября 2015 г.), Четвертых международных чтениях по истории русской философии «Российско-японский философский диалог» (Санкт-Петербург, 20–22 октября 2016 г.) [35], VII Всероссийской научной конференции «Философия и методология истории» (Коломна, 27–28 апреля 2017 г.), Пятых международных чтениях по истории русской философии «Славянская идея в истории и современности: К 150-летию Славянского съезда» (Санкт-Петербург, 27–29 сентября 2017 г.), Международной философской конференции «Русский логос: горизонты осмысления» (Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г.), круглом столе в редакции журнала «Вопросы философии» «Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье» (Москва, 15 апреля 2017 г.) [36]. 29 сентября 2017 г. в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого состоялся симпозиум по итогам проекта. Материалы исследовательского семинара участников проекта «Философия истории в российских университетах XIX–XX вв.: проблемы институционализации научной дисциплины» опубликованы в специальном разделе альманаха «Россия в глобальном мире» [37, с. 535–570].

Проведенные исследования показали плодотворность обращения к философскому наследию отечественных историков XIX–XX вв., эвристичность многих высказанных ими идей, востребованность их теоретико-методологических разработок современной наукой. Междисциплинарный подход существенно расширяет как исследовательское поле русской философии, так и ее идейное содержание. Результаты работы не исчерпывают всего разнообразия университетской философии истории в России. Исследовательский коллектив намерен продолжить изучение философских и теоретико-методологических

проблем в отечественной исторической науке. Общество нуждается в научно состоятельной философии истории для понимания её проблем, уяснения единства и многообразия современной истории, закономерностей развития, осуществления осознанного выбора путей модернизации социально-экономической и политической систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Безлепкин Н.И.** От историософии к философии истории: эволюция взглядов на историю в отечественной философии // Управленческое консультирование. 2017. №8(104). С.119-132. ISSN: 1726-1139eISSN: 1816-8590.
- 2. Малинов А.В.** Общее и особенное в истории // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30). С.629–631.
- 3. Малинов А.В.** История в междисциплинарном пространстве науки и искусства // «Стены и мосты» – IV: междисциплинарные исследования в истории: Мат-лы междунар. науч. конф., Российский государственный гуманитарный университет, 22 мая 2015 г. / Г.Г. Ершова, Б.Н. Миронов, М.М. Кром, В.А. Шкуратов, Е.А. Долгова. М.: Академический проект, 2016. С. 37–44.
- 4. Малинов А.В.** Академическая философия истории: от сциентизма к культурологии // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 540–548.
- 5. Малинов А.В.** Историческое знание: проблемы типологизации // Философия и методология истории: сб. науч. ст. VII Всеросс. науч. конф., Коломна, 27–28 апреля 2017 г. / Отв. ред. С.Г. Калашников. Коломна: ГСГУ, 2017. С. 162–168.
- 6.** Теория и методология истории: учебник и практикум для академического бакалавриата / под. ред. А.И. Флюшкина. М.: Издательство Юрайт, 2016. – 323 с.
- 7. Малинов А.В.** Россия в историософской публицистике П.Г. Виноградова // Международные отношения и диалог культур. 2016. № 4 (2015).С. 369–397.
- 8. Павлова О.К.** Наука история и исторические школы в Санкт-Петербургском политехническом институте. Начало XX века // Россия в глобальном мире. 2016. № 9(32). С. 553–560.
- 9. Малинов А.В.** Историко-философские этюды /сб. ст. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2007. С. 326–333. ISBN: 5-93597-069-4.
- 10. Малинов А.В.** Пути профессиональной философии в России // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2013. № 1. С. 59-69. ISSN: 2076-3883.
- 11. Безлепкин Н.И.** Проблема единства и многообразия истории в отечественной философии истории второй половины XIX века // Международные отношения и диалог культур. 2016. № 4(2015). С. 360–368.
- 12. Безлепкин Н.И.** Особенности преподавания философии истории в российских университетах второй половины XIX – начала XX вв. // Россия в глобальном мире. 2016. № 9(32). С. 535–539.
- 13. Безлепкин Н.И.** «Русское воззрение на историю» // Управленческое консультирование. 2016. № 7(91). С. 146–155.

- 14. Безлепкии Н.И.** Университетская философия истории в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вече. 2016. № 28. С. 20-27 ISSN: 2073-5723eISSN: 2226-3373.
- 15. Погодин С.Н.** Очерки русской историографии XIX–XX вв. / монография. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2016. – 630с. ISBN 978-5-7422-5605-2.
- 16. Малинов А.В.** Рец.: Русская историография в трудах С.Н. Погодина (рецензия на книгу: Погодин С.Н. Очерки русской историографии (конец XIX – начало XX века). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017) // Клио. 2017. № 5(125). С.152–155. ISSN: 2070-9773.
- 17. Малинов А.В.** Философия русской истории К.Д. Кавелина // Вече. 2017. № 29 (в печати).
- 18. Безлепкии Н.И.** Философия истории Т.Н. Грановского // Вече. 2015. № 27-2. С. 35–38 ISSN: 2073-5723eISSN: 2226-3373.
- 19. Безлепкии Н.И.** Философско-исторический дискурс всеобщей истории Т.Н. Грановского // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30). С. 632–638.
- 20. Ворочай В.В.** Философско-исторические идеи П.Н. Кудрявцева // Русский логос: горизонты осмысления. Мат-лы междунар. философской конф., Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. В 2-х т. Т. 1 / СПб.: «Интерсоцис», Изд. РХГА, 2017. С. 105–107.
- 21. Малинов А.В.** К.Н. Бестужев-Рюмин в Петербурге // Провинциальная Россия. 2015. № 1. С. 25–31.
- 22. Ворочай В.В.** Основные положения философии истории В.И. Герье // Россия в глобальном мире. 2016. № 9(32). С. 561-564 ISSN: 2304-9472.
- 23. Безлепкии Н.И.** Позитивистская программа университетской философии истории в России на рубеже XIX–XX вв. // Россия в глобальном мире. № 10 (33). С.494–502.
- 24. Погодин С.Н.** Позитивистские истоки мировоззрения Н.И. Кареева // Россия в глобальном мире. 2016. № 9. (32). С. 549–552.
- 25. Погодин С.Н.** Теория прогресса в трудах М.М. Ковалевского // Россия в глобальном мире. 2015. № 7. (30). С. 639–643.
- 26. Павлова О.К.** П.Н. Милюков – ученый, публицист, государственный и политический деятель // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30). С. 650–654.
- 27. Безлепкии Н.И.** Философия истории М.М. Хвостова // Русский логос: горизонты осмысления. Мат-лы междунар. философской конф., Санкт-Петербург, 25–28 сент. 2017 г. В 2-х т. Т.1. / СПб.: «Интерсоцис», Изд. РХГА, С.395–399.
- 28. Долгова Е.А., Малинов А.В.** Логика методологии (к публикации «Логических предпосылок всякой методологии» Н.И. Кареева) // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 319–326.
- 29. Кареев Н.И.** Общая методология гуманитарных наук Глава 2 Логические предпосылки всякой методологии // Социологическое обозрение. 2017. Т.16. №3. С. 327–365.
- 30. Долгова Е.А., Малинов А.В.** «Понять чужую душу»: фрагменты из неопубликованного труда Н.И. Кареева // Вестник архивиста. 2017. №4. С. 236–247 DOI 10.28995/2073-0101-2017-4-236-247 ISSN 2073 – 0101.

- 31. Кареев Н.И.** Общая методология гуманитарных наук глава 4. Непосредственное наблюдение и констатация фактов в гуманитарных науках: <фрагмент> // Вестник архивиста. (в печати).
- 32. В.О. Ключевский: воспоминания и исследования / отв. ред. А.В. Малинов.** Сб. ст.– СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2017. – 265 с. ISBN: 978-5-7422-5667-0.
- 33. Погодин С.Н.** Историческая социология В.О. Ключевского // В.О. Ключевский: воспоминания и исследования / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2017. С. 257–263.
- 34. Ворочай В.В.** Третьи международные чтения по истории русской философии // Соловьевские исследования. 2016. № 3 (51). С. 170–176 ISSN: 2076-9210.
- 35. Евлампиев И.И., Малинов А.В., Рыбас А.Е.** Четвертые международные чтения по истории русской философии «Российско-японский философский диалог», 20–22 сент. 2016 г., Институт философии СПбГУ // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 211-216 ISSN: 0042-8744
- 36. Пружинин Б.И., Бендерский И.И., Воробьева О.В., Долгова Е.А., Малинов А.В., Микешина Л.А., Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А., Хвостова К.В.** Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье. Материалы конференции – «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 26–61.
- 37. Философия истории в российских университетах XIX–XX вв.: проблемы институционализации научной дисциплины.** Материалы исследовательского семинара // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 535–570.

BEZLEPKIN Nicolay I. – Soviet Union Marshal Budienny Military Telecommunication Academy. Tikhoretsky Prospect, 3, Saint-Petersburg, 194064, Russia. E-mail: nick-bezlepkin@yandex.ru.

PHILOSOPHY OF HISTORY IN RUSSIAN UNIVERSITY OF THE XIX–XX CENTURIES: PROBLEMS OF INSTITUTIONALIZATION OF SCIENTIFIC DISCIPLINE. RESULTS OF THE STUDY

The article summarizes the work of the research team on the project "The Philosophy of History in Russian Universities of the 19th-20th centuries: Problems of the Institutionalization of Scientific Discipline". The analysis of research problems is given, information on publications on the subject of the project is given, data on the participation of the team in scientific conferences. The significance of the results obtained for the history of Russian philosophy, Russian historiography, and the study of the philosophical and theoretical-methodological issues of modern socio-humanitarian knowledge is substantiated.

PHILOSOPHY OF HISTORY; THEORY, METHODOLOGY; TEACHING; UNIVERSITY; RUSSIAN HISTORIOGRAPHY; RUSSIAN PHILOSOPHY

УДК 930.85

О. Мархевски

РУССКАЯ ИСТОРИОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В СЛОВАКИИ¹

МАРХЕВСКИ Ондрей – доктор философии, преподаватель философского факультета. Прешовский университет, Словакия. Ул. 17. ноября 15, 08001 Прешов, Словакия. E-mail: ondrej333@gmail.com.

В статье рассматривается философско-историческая терминология, используемая Н.И. Кареевым, в частности, определение таких понятий, как философия истории, социология, историософия, историка и их отношения друг к другу. Для адекватного изучения философского наследия русских мыслителей, в частности, народников, предлагается использовать такое понятие как «философия (из) истории». Показано, что философско-исторические взгляды народников развивались в русле философии позитивизма. Однако народники не были эпигонами положительной философии, а творчески и критически подходили к ее принципам, стремясь выработать самостоятельный, оригинальный взгляд на историю.

Н.И. КАРЕЕВ; Н.К. МИХАЙЛОВСКИЙ; НАРОДНИЧЕСТВО; ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ; СОЦИОЛОГИЯ; ИСТОРИОСОФИЯ; ИСТОРИКА

Исследование истории (не только) русской философии в словацкой и чешской академической среде, кроме других характерных черт, связано со склонностью к строгому, ригористическому использованию понятий и научно-философской терминологии. Появляется интерес к использованию четкого языка в духе аналитической философии XX в.

С этим подходом в определенном смысле нельзя спорить. Речь ведь идет о принципах и научном подходе, который помогает понять суть выражений и мыслей автора, демонстрирует научный уровень знаний и способность выражать эти знания. Однако это стремление несет с собой также некоторые проблемы. Одна из них четко и открыто проявилась, когда автор этой статьи начал исследовать русское народничество, и стал

¹ Статья является результатом работы над грантовым проектом VEGA с. 1/0124/16. Ruska a slovenska filozofia osoby v lingvistických a filozofických súvislostiach.

стремиться точнее определить его историософские взгляды. В этом случае проблемой стало использование понятий «философия истории» и «историософия». В связи с этим необходимо проанализировать значение этих понятий и того, в каком контексте они появляются в философских рассуждениях русских народников.

Предлагаемая работа является одновременно примером того, что стремление к четкому и однозначному выражению сути вопросов и мыслей может привести к путанице и трудностям в работе историка философии. Необходимо показать, что это стремление не годится для всех исследований, и в том числе для исследования русского народничества и традиции, которую это движение создало в русской общественной мысли. Возможно ли вообще говорить о мышлении русского народничества второй половины XIX в. как о философии истории? Какая тут связь со значением и содержанием понятия историософии? Вот два вопроса, которые уже несколько лет сопровождают мои исследования русской философии, в том числе народничества.

Данная работа представляет собой также анализ понятий, которые предлагает Н.И. Кареев (1850–1931) в работе «Философия истории и историософия» (1883). Эта работа является частью более крупного произведения под названием «Историко-философские и социологические этюды». Она важна для нас именно потому, что в ней определены проблемные для нас понятия, сформированные во второй половине XIX в., во время богатой и активной деятельности русских народников. Кареев является интересным автором также и по другому поводу. Сам себя он считал последователем субъективного метода, методологии исторических и гуманитарных исследований, основоположниками которого являлись Н.К. Михайловский и П.Л. Лавров. Об этой связи свидетельствует также заметка из приведенной его работы, где, определяя влияние мышления и историософских взглядов Д. Вико на русское общественное мышление, Кареев, в числе русских мыслителей, занимающихся историософскими вопросами, упоминает также Н.К. Михайловского и его работу «О Вико и его новой науке». Работа Михайловского появилась в журнале «Отечественные записки» в 1872 г.

Используя работу Кареева, можно определить, что исходным пунктом является четкий анализ русского философа, который сосредоточен именно на значении проблемных для нас понятий историософии и философии истории. Кареев определяет место особых научных подходов философии истории и историософии к самому важному предмету исследования – к истории. Кроме понятий философии истории и историософии Кареев занимался также понятием социологии и понятием *историки*. Хочу отметить в этой связи, что с понятием *историки* связана проблема его непереводимости на словацкий или чешский язык. Это же касается и непереводимости понятия *соборность*.

Необходимо подчеркнуть, что стремление Кареева не связано только с определением значения этих проблемных для нас понятий или одного возможного восприятия *историки* как таковой. У Кареева существует необходимость определить эпистемологические подходы так, чтобы было возможно научное взаимопонимание и сотрудничество, чтобы была возможной кооперация для познания истории. Кареев создает, таким образом, систему научных подходов, которые способны взаимодействовать.

Важным в контексте наших размышлений над творчеством Кареева является следующее утверждение: «Все, доступное нашему познанию, есть совокупность *явлений*, управляемых *законами*. Наше изучение может быть направлено на самые явления или на эти законы» [7, с. 244]. Мысль Кареева является основным высказыванием, исходя из которого, можно понимать его последующие идеи и оценки. Отсюда берет начало его стремление определить точные рамки для философии истории и ее исследований. С этим стремлением связано дополнение этого философского искания понятиями историософии и социологии. Кареев уверен, что познание всемирной истории возможно только путем научного метода. Во введении к его работе сказано: «...задачу открывать законы, управляющие общественными явлениями, берет на себя именно социология» [7, с. 239]. И продолжает вступительным определением философии истории: «В настоящем труде мы будем называть философией истории философское обозрение прошлых судеб человечества, а философскую теорию исторического знания (и исторического процесса)

обозначать встречающимся иногда, как синоним философии истории, термином *историософия*» [7, с. 239].

Историка понимается им «как теория исторического знания» [7, с. 239]. Он стремится определить не только методологию изучения истории, но и то, как общество и личное мнение историка влияют на его работу. О ее трансформации он отмечает следующее: *историка* получает новый характер, когда историк «начинает чувствовать необходимость в общих принципах философии истории, в том, что мы назвали историософией» [7, с. 243].

Ранее уже было сказано, что мы рассмотрим проблему перевода понятия «*историка*». Кареев работает с этим понятием с первой страницы цитируемой работы. Оно, насколько нам известно, широко использовалось в конце XVIII – начале XIX в. На наш взгляд, Кареев является одним из последних русских авторов, которые это понятие используют. В современном русском языке это понятие не используется и его невозможно найти в словарях – также толковых, – которые доступны в библиотеках. Чтобы хотя бы приблизительно его понять и связать с современным языком, необходимо обратиться к историографии. В этой связи хотелось бы сослаться на нашу переписку с профессором И.Н. Сиземской из Института философии РАН, которую мы вели именно по этому вопросу в 2012 г. И.Н. Сиземская советует воспринимать *историку* гораздо шире, чем только историографию, и определение Кареева является тут хорошим примером. Словацкий, а также чешский язык не имеют понятия, которым было бы возможно перевести это русское слово. Для работы с этим понятием мы можем только принимать это русское значение и использовать это слово в транскрипции на латинице. Это тот же случай – как мы уже определили – как и с понятием *соборности*. Разница состоит в том, что соборность является философским наследием русской философской мысли, которое имеет огромное значение, наверно, несравнимое с влиянием понятия *историка*.

Теперь попытаемся пояснить понятие историософии в восприятии Кареева. Интересно звучит ее определение как *философской историки*. Историософия является вступительной предпосылкой для философии истории. Ее значение определяют следующими словами: «...философскую

теорию исторического знания и исторического процесса, отвлечено взятого, называю *историософией*: ...должна заимствовать свои учения из философии (самые общие воззрения), из *историки*, т. е. теории исторического знания (методы), и из психологии и социологии (законы духовной и общественной жизни), чтобы быть теорией философии истории, системой ее общих идей и принципов, какие необходимы при занятии всякою наукою» [7, с. 248]. И добавляет: «Историософия, говоря коротко, есть синтез теории, которыми должен руководиться философ истории» [7, с. 249]. Еще точнее о ее задаче свидетельствует следующее высказывание: «...историософия есть разрешение таких вопросов историки, философии и номологических наук, без которых немислимо самое занятие философией истории» [7, с. 247]. Позже он замечает также: «Задача историософии – представить, чем должна быть философия истории, какие субъективные элементы мы имеем право в нее внести, в чем заключается сущность исторического процесса, его механизма» [7, с. 249].

У Кареева образуется необходимость точно определить саму суть вопросов, которыми должна заниматься историософия. Ее задачей является сосредоточение на трех категориях вопросов: «Во-первых, мы имеем тут дело с тем отношением, в котором должны находиться между собою философское умозрение и фактические данные науки: роль философии в истории разными писателями понималась различным образом, и эта роль должна быть точно определена; это один из вопросов историки, в широком смысле слова. Во-вторых, на любом сочинении по философии истории отражается общее мирозерцание его автора, и целая масса чисто философских вопросов должна быть решена, прежде, нежели мы приступаем к исследованию судеб человечества: необходимость и свобода человеческой воли, абсолютная и относительная случайность исторических фактов, слепая фатальность или разумная целесообразность общего хода истории, субъективная или объективная цель истории и т. д. – вот эти вопросы. В-третьих, философия истории тем скорее может достигнуть своей цели, чем лучше разработаны разные теории отдельных наук, имеющих то или другое отношение к историческому знанию: такие вопросы, как влияние природы старых и прирожденных свойств расы на историю народа, общие причины возможности и общие условия

успешности исторического движения, сходства и различия в развитии отдельных обществ, роль единичных личностей и масс в крупных переменах» [7, с. 247]. Эта объемная цитата показывает важное место историософии в помощь исследованиям, которые проводит философия истории.

Как мы уже сказали, первая дефиниция философии истории Кареева, которую мы привели, не полностью выражает его понимание. Считаем необходимым дополнить вступительные определения Кареева о философии истории ее связью со всемирной историей: «...философии истории как философской истории человечества» [7, с. 250]. Она должна заниматься изучением судьбы человечества и описанием ее. Следует напомнить, что здесь Кареев исходит из своего определения задач науки и научного исследования, и, говоря о философии истории, уточняет: «В этом смысле философия истории будет, в конце концов, тоже изображение всемирной истории, только доведенное до известной степени абстрактности» [7, с. 245]. В работе Кареева неоднократно утверждается, что философия истории занимается только историей всемирного масштаба. Подтверждение этому можно найти также в рассуждениях о частных историях и их влиянии на исторические события: «...предлагается называть частные истории с философской точки зрения философскими историями, а название философии истории приурочивать исключительно ко всеобщей истории с философской точки зрения» [7, с. 246].

То, что мы до этого момента изложили, должно пояснить читателю восприятие Кареевым определенных понятий, отраслей исследования и также определить отношения между ними. Поэтому мы продолжим анализ механизма исследования истории, который соединяет все эти подходы и определяет соотношение философии истории с социологией.

Думая о содержании понятий и значении философии истории и историософии, Кареев получает возможность определить смысл философии истории как «...абстрактно-феноменологического изображения перемен в жизни человечества: своим абстрактным характером она отличается от исторической науки в тесном смысле, которая должна дать ей хорошо разработанный и достаточно обобщенный материал; своим феноменологическим характером она отличается от социологии, которая

должна ей дать научные основы для объяснения изучаемого ею процесса» [7, с. 246]. Можно заметить определенную градацию содержания философии истории, кульминацией которой является следующая мысль: «...философию истории можно определить, как философское обозрение истории человечества, философское, ...в смысле внесения в него объединяющей идеи, известного порядка, тесной связи с субъективными вопросами нашего духа, – и притом рассмотрение самого действительного, эмпирически-данного хода этой истории при помощи общих философских и номологических идей. При таком взгляде на дело философия истории ...превращается в искание смысла действительной истории, в суд над ее ходом в его результатах для отдельных групп личностей и для всего человечества – в ответ на вопрос о направлении судеб человечества» [7, с. 248]. Здесь считаем важным отметить, что философия истории является исследованием, которое не определяет законы исторического движения. Законы и их образование – это задача социологии, которая использует познанное философией истории для изучения судеб человечества. Свидетельство этого находим в следующем высказывании русского философа: «Вот простое и понятное различие между философией истории и социологией. Философское, проникнутое объединяющей и руководящей идеей рассмотрение сложного феномена всемирной истории – задача первой науки, задача второй – исследование общих законов социальной жизни, изменения которой и составляет содержание исторического процесса» [7, с. 244].

«Философия истории и социология, получая каждая свою область, не могут более смешиваться, и одна не станет устранять другой: историки освобождаются этим от упрека, что не занимаются открытием законов, потому что освобождаются от самой этой задачи, а социология перестает быть предметом экспериментов, стремящихся превратить ее в описательную науку. Это во-первых. Во-вторых, возлагая задачу открытия законов исторического процесса на психологию и социологию, мы не нуждаемся в каких-то еще особых исторических законах, помимо общих психологических и социологических, что устраняет из философии истории массу недоразумений» [7, с. 245–246]. Эта мысль указывает на столкновение тех компетенции, которые должны иметь философия истории

и социология, стремится показать настоящее место этих дисциплин. При этом необходимо всегда помнить, что социология является всегда своего рода орудием, инструментом философии истории, а не наоборот.

В следующей части нашей статьи хочется оценить возможность и определить границы используемости понятий, которые определяет Кареев, для правильного описания устремлений народников, размышлявших об истории. Если поставить вопрос: поможет ли нам методология и определения Кареева понять устремления народников в осмыслении истории как историософские или философско-исторические, то ответ с нашей стороны являлся бы отрицательным. Являлось бы это искусственным ограничением стихийного движения мышления, которое об этих вопросах не только теоретизирует, а живет этими вопросами как жизненными задачами. Философские проблемы истории, которыми занимаются русские народники, достаточно широки, пестры и разнохарактерны. Результаты рассуждений отдельных мыслителей, которые можно встретить в статьях и работах, тесно связаны с тем, что обсуждалось в интеллектуальной среде того времени. Они являются непосредственными реакциями на те вопросы, которые вечером обсуждались в горячих дискуссиях в кружках, откликами на то, что было прочитано. Мы говорим о мышлении и дискуссиях, которые часто происходили вне пределов царской России. Такие дискуссии и их результаты не всегда содержали исчерпывающую информацию и однозначно определенные понятия. Например, Михайловский отрывом пишет о том, что такие случаи, это просто судьба журналистики и ее выражения. Конечно, надо иметь в виду, что восприятие журналистики того времени не очень совпадает с современным его пониманием. В российской среде эта особенность связана с так называемыми «толстыми журналами».

Хотя существуют требования западного философского дискурса и также определения Кареева, которые удовлетворяли бы этим требованиям, нам все-таки кажется, что для понимания и обсуждения народнической мысли, это просто не годится. Нашим текстом мы хотели бы показать, что в то время (XIX в.) существовало стремление точного понимания таких понятий как философия истории и историософия, но также показать, что

их невозможно использовать, если хочется проникнуть в смысл и суть этих размышлений. Это являлось бы определенным насилием над пестрой дискуссией того времени и настоящих интеллектуальных стремлений мыслителей.

Хочется выразить наше мнение, что необходимо лучше понимать особенности этой русской философской среды и просто воспринимать понятия философии истории как синонимы и думать об их значении исходя, например, из определений немецкого автора Х.М. Баумгартнера. В работе «Philosophie der Geschichte nach dem Ende der Geschichtsphilosophie. Bemerkungen zum gegenwärtigen Stand des geschichtsphilosophischen Denkens» он говорит о значении философии истории или исторической философии как «...во-первых, о более или менее „мудрой“ (философской) рефлексии и рассуждении, которое исходит из исторических исследований, исторических источников, из фактического состава истории. Во-вторых, возможно понятие „историческая философия“ понимать как определенный взгляд на процесс истории как единое целое. Наконец, историческая философия является совокупным понятием для разнообразных теоретико-познавательных, рефлектирующих вопросов, касающихся нашего обсуждения истории, ее восприятия, понимания и осмысления»².

На основе этого определения мы позволим себе сказать, что философское движение народнической мысли можно назвать философией истории, хотя она главным образом стремилась к пропаганде социализма.

Примером, который можно найти у народников, и который мог бы стать репрезентацией народнической мысли об истории, это заметка Михайловского. Его высказывание совпадает со всеми критериями, определенными Баумгартнером, и одновременно показывает искренний интерес народников к вопросам истории. Михайловский в своей известной работе «Что такое прогресс?» пишет: «Нас гонят нужды настоящего, нас

² «bezeichnet zum einen mehr oder weniger weise Reflexionen und Betrachtungen, die angesichts historischer Forschung, historischer Quellenbefunde, historischer Tatbestände angestellt werden. Zum anderen versteht man unter Geschichtsphilosophie immer auch so etwas wie den Anspruch auf eine Einsicht in den Prozeß der Geschichte in ganzen. Schließlich ist Geschichtsphilosophie ein Sammelbegriff für die verschiedensten erkenntnistheoretischen, somit reflexiven Fragestellungen, die sich auf unser Sprechen, Erkennen, Wahrnehmen, Verstehen, Erklären und Darstellen von Geschichte beziehen».

душит страх за будущее, и мы все тщательнее и внимательнее ищем такой пункт, с которого было бы всего удобнее осмотреть всю расстилающуюся за нами историю, чтобы по ней определить наше будущее» [10, с. 123].

Попробуем отреагировать на стремления нашей академической среды, словацкой и чешской, использованием рабочего выражения *философии (из) истории*. Это выражение является авторским стремлением к ригоризму понятий, но с другой стороны, не служит тому, чтобы образовать какую-нибудь искусственную псевдонаучную историко-философскую терминологию.

Это не попытка трансформировать терминологию словацкого или чешского философского дискурса, это полностью, как уже мы сказали, рабочий термин. Введение и использование понятия *философии (из) истории* показывает наше убеждение, что русское народничество и творческое наследие его основоположников, А.И. Герцена [4; 5] и Н.Г. Чернышевского [3], а также П.Л. Лаврова [9] и П.Н. Ткачева [14], являются для нас хорошим примером того, что их философские рефлексии относительно истории формировались в размышлениях над историей в различных смыслах.

Философская мысль народников вдохновлялась историей России. Историческая мысль образуется в столкновении с символами русской истории, такими ее реформаторами как Петр Великий, Александр I или Александр II и др. Толчком для народнической мысли служит не только древняя история, но также современные события, в которых они принимали участие. В работах Михайловского можно найти следующее высказывание, которое может проиллюстрировать это восприятие истории: «Жизнь вызвала новые мысли, новые чувства, новые желания, но вызвала не во всем обществе» [10, с. 434].

Читая работу Степняк-Кравчинского «Подпольная Россия», можно заметить влияние событий 1866 г., т. е. того времени, когда Россия, по мысли народников, должна была радикально преобразиться. Так автор «Подпольной России» утверждает, что реакция царских властей после выстрела Каракозова в царя была ясным свидетельством того, что путь реформ в стране просто немислим. Эта ситуация создала нового революционера – террориста.

Мировоззрение народников также испытало влияние западных философов. М.О. Гершензон на страницах сборника «Вехи» пишет о влиянии таких мыслителей как: «...Шеллинг, Гегель, Сен-Симон, Фурье» [6, с. 85]. А. Камю пишет об огромном влиянии Гегеля в России [2, с. 141]. Близок оценке Гершензона также и И. Берлин: «Прудон, Сен-Симон, Фурье и другие французские социалисты и радикалы, работы которых десятилетиями приходили в Россию легальным или нелегальным путем, пусть и слабым, но постоянным потоком» [1, с. 231]. Эти мыслители Запада оставили свой отпечаток в русской мысли, и именно у русских народников. У Михайловского, как у одного из главных представителей народничества можно найти заметки о том, что его аргументация основана на новейшей русской истории мышления и также на мысли западных позитивистов. Не только заметки Михайловского, а также все творчество народников рождалось в тесной связи и в полемике с западной философской и общественной мыслью. Народники были первыми, кто заговорил о борьбе классов в России.

Михайловский прямо указывал на значение позитивизма для формирования мировоззрения народников: «В первой половине нынешнего века (XIX в. – *О.М.*) на Западе выросла новая философская школа, предложившая обойти оба коренные затруднения социальной науки: сложность явлений общественной жизни и вмешательство субъективного элемента. Мы говорим о позитивизме» [10, с. 126]. Это высказывание показывает, какие вопросы Михайловский считает важным для обсуждения – общественную обстановку и человека. Позитивизм является для Михайловского влиятельным толчком для мышления и переоценки событий в обществе. Для него наиболее авторитетными представителями позитивизма были, прежде всего, Г. Спенсер, О. Конт и, в меньшей степени, Д.С. Милль.

По нашему мнению, народники не были эпигонами, а относились к позитивизму критически. Именно в творчестве Михайловского мы имеем возможность заметить, что с учением Спенсера он работает как с особого рода материалом. Хотя часто встречается мнение, что народники – это русские позитивисты, нам кажется, что народники достаточно критично относились к идеям позитивизма. Михайловский относился к творчеству

Спенсера, Конта и других позитивистов как к важным научным и философским авторитетам, критика которых является хорошим исходным пунктом для формирования своих идейных позиции.

Об этом подходе Михайловского к наследию позитивизма, в частности, Спенсера, свидетельствует его подход к понятию сочувственного опыта из работы «Что такое прогресс?». Михайловский пишет об использовании этого понятия Спенсером, не ссылаясь на какую-нибудь конкретную его работу.

Наше изучение творчества Спенсера позволяет думать о двух альтернативах, из которых исходил Михайловский. В работе «First Principles of New system of Philosophy» (48. Параграфе 3. Главы 2. части) Спенсер использует понятие *sensible experience*, который связан с концепцией восприятия человеком материи, вещества. Это понятие Спенсера никак не совпадает с тем, что говорит Михайловский: «Сочувственный опыт основан на нашей способности переживать чужую жизнь, ставить себя в чужое положение» [10, с. 195–196].

Следующее понятие – *sympathetic excitement*, – которое Спенсер использует в работе «Social Statics» (параграфе 5, 6, 7 глава 5, 2. часть). Он пишет о нем как о принципе нравственного чувства, который связан с врожденным опытом и понимает его как естественный интерес к человеку, к другим людям, который ведет к созданию права и законов. Это восприятие близко Михайловскому.

Эти примеры из Михайловского, также как определения Кареева важны для нас, стремящихся понимать и изучать историю русской философии.

Как мы уже определили, используемая нами формула *философии (из) истории* – это желание придумать новые понятия. Она подчеркивает, что философская мысль в России имеет свои особенности. Русская философия и культура, историософская мысль, – это богатый источник, к которому могут обращаться исследователи. Важно ответить себе на вопрос: Хотим ли мы ее понять или нет?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Berlin I. Rosyjscy myśliciele. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2003.
2. Camus A. Vzbúrený človek. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 2004.

3. **Чернышевский Н.Г.** Сочинения в 2-х томах. Том 2. М.: Мысль, 1987.
4. **Герцен А.И.** Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Мысль, 1985.
5. **Герцен А.И.** Сочинения в двух томах. Том 2. М.: Мысль, 1986.
6. **Гершензон М.О.** Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. С. 74–100.
7. **Кареев Н.И.** Философия истории и историософия // Русская историософия. Антология. М.: РОССПЭН, 2006. С. 239–250.
8. **Кареев Н.И.** Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Лимбаха, 1996.
9. **Лавров П.Л.** Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
10. **Михайловский Н.К.** Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
11. **Spencer H.** First Principles of a New system of Philosophy. New York: D. Appleton and co., 1909. [05.01.2013]. [on line]: <http://etext.lib.virginia.edu/etcbib/toccer-new2?id=SpeFirs.xml&images=images/modeng&data=/texts/english/modeng/parsed&tag=public&part=all>.
12. **Spencer H.** Social Statics. London: John Chapman, 1851 [05.01.2013]. [on line]: http://oll.libertyfund.org/index.php?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=273&layout=html#chapter_6316.
13. **Степняк-Кравчинский С.М.** Подпольная Россия // Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения в 2-х томах. Том 1. М.: Художественная литература, 1987.
14. **Ткачев П.Н.** Избранное. Москва: РОССПЭН, 2010.

MARCHEVSKY Ondrej – University of Presov in Presov. Ul. 17. novembra 15, 08001 Presov, Slovakia. E-mail: ondrej333@gmail.com.

RUSSIAN HISTORIOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HISTORY AS A SUBJECT OF STUDY IN SLOVAKIA

The article considers the philosophical and historical terminology used by N.I. Kareyev, in particular, the definition of such concepts as the philosophy of history, sociology, historiosophy, historica and their relationship to each other. For an adequate study of the philosophical heritage of Russian thinkers, in particular, the narodniks, it is proposed to use such a concept as "philosophy (of) history". It is shown that the philosophical and historical views of the narodniks developed in the mainstream of the philosophy of positivism. However, the narodniks were not the epigones of positive philosophy, but creatively and critically approached its principles, seeking to develop an independent, original view of history.

N.I. KAREYEV; N.K. MIKHAILOVSKY; NARODNIKS; PHILOSOPHY OF HISTORY; SOCIOLOGY; HISTORIOSOPHY; HISTORIAN

УДК 930.85

В. Л. Павлов

ФИЛОСОФСКАЯ И ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ КОНСТИТУЦИИ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА

ПАВЛОВ Валерий Лукьянович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Национальный университет пищевых технологий (Украина). Ул. Владимирская 68, 01601, г. Киев-33, Украина. E-mail: vpavlov52@gmail.com.

С позиций философии и права исследуется программный документ Северного общества декабристов – Конституция Н. Муравьева. Выделены основные философские и правовые вопросы и проблемы, получившие интерпретацию в данной работе.

ОБЩЕСТВО; ГОСУДАРСТВО; ВЛАСТЬ; РЕСПУБЛИКА; МОНАРХИЯ;
ФЕДЕРАЦИЯ; ИМПЕРАТОР; ДЕМОКРАТИЯ; ГРАЖДАНИН; ПРАВА;
ОБЯЗАННОСТИ; СВОБОДА; РАВЕНСТВО

Конституция ¹, автором которой является Никита Михайлович Муравьев (1796–1843), руководитель Северного общества декабристов в России, – программный документ этого общества, который, в конечном итоге, так и не был одобрен в полном его объеме членами организации. Тем не менее, он по праву считается одной из значимых работ, дающих представление о содержании и характере мыслей, будораживших сознание первых российских революционеров. В нем сформулированы не только базовые законоположения устройства государства, после планировавшегося декабристами свержения царской власти, но и представлено видение основ и направлений функционирования разных сфер российского социума в будущем.

В философском плане Конституция вызывает интерес, прежде всего потому, что здесь, как и в «Русской Правде» П. Пестеля, довольно четко

¹ В литературе эту работу часто называют по-иному: Проект Конституции Никиты Муравьева. Сам автор предпочитал использовать вместо термина «конституция» понятия «устав», «конституционный устав», «основной устав Всероссийского союза», «устав Российской Империи», «проект Конституции».

представлена главная философская проблема – «отношение ”человек – мир”». Содержательным полем этих двух программных документов декабристского движения является взаимосвязь человека, общества и государства. Доминантными сторонами выступают государство и общество. А во взаимосвязи государства и общества ведущим рассматривается государство. В силу того, что сочинение Н. Муравьева – это конституционный проект будущего государства, акцент на его устройство, административное членение страны, особенности функционирования власти является в нем превалирующим. Поэтому сочинение имеет и правовую ценность.

Современные исследователи располагают *тремя редакциями* данного документа. Они созданы в разные временные периоды, различаются по объему и мере акцентирования внимания на конкретные вопросы.

Над *первой (и наиболее ранней) редакцией* Н. Муравьев трудился в 1821–1822 годах. Ее копия (история оригинала неизвестна) была обнаружена в бумагах декабриста С. Трубецкого. Этот текст имеет название: «Предположение для начертания устава положительного образования, когда е. и. в.² благоугодно будет с помощью Всевышняго учредить Славяно-Росскую империю». Коллеги автора по декабристскому движению имели возможность ознакомиться с означенной работой и высказать относительно ее критические замечания и пожелания. Многие из них он учел во второй редакции проекта.

Работу над *второй редакцией* Никита Михайлович закончил, как считают специалисты, в конце 1824 г. Ее текст (являющийся не оригиналом, написанным рукой автора, а копией с него, сделанной, вероятней всего, поэтом К. Рылеевым) был обнаружен в бумагах декабриста И. Пущина лишь в 1857 г. В значительной степени это переработанный и дополненный вариант первой редакции. Изменилась структура работы, она стала более зрелой в стилистическом, содержательном и правовом плане. Распространенным является мнение, что вторая редакция Конституции – самое объемное и наиболее аргументированное изложение мыслей Н. Муравьева относительно

² Означает: Его Императорскому Величеству.

будущей России. Правда, и ее нельзя считать полностью законченным сочинением.

Третья редакция написана автором после его ареста, во время пребывания в каземате Петропавловской крепости как ответ на просьбу Следственного комитета, занимавшегося делами декабристов. В ней не представлены многие, озвученные им ранее принципиально важные положения об административном членении России, устройстве и функционировании власти. Излагая свой конституционный проект «под заказ» следователей, Никита Михайлович объективно был заинтересован в сглаживании в нем «острых углов», уходе от положений и выводов, имевших выраженный протестный характер. Документ собственноручно датирован декабристом 13 января 1826 г. и назван конституционным уставом. По своему объему он значительно меньше первых двух редакций и существенно отличается от них структурно. В литературе эта работа получила название: «Конституция Никиты Муравьева, написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах».

* * *

Вполне естественно, что смысловым ядром муравьевской Конституции являются *власть, устройство и функционирование государства*. Первая редакция работы начинается словами: «Опыт всех народов и всех времен доказал, что Власть Самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ: что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здраваго рассудка» [1, с. 253]. В условиях тогдашней российской империи такая формулировка была равнозначна смертному приговору высказавшему ее. Никита Михайлович не просто провозгласил данный тезис, но и соответствующим образом его аргументировал. Считал, что в условиях самодержавия «...*произвол* одного человека...» [1, с. 253] (царствующей особы) становится основанием функционирования власти, что «государь *самодержавный*... сам от себя, то-есть без причины по прихоти своей властвует» [2, с. 331]. Это приводит к перекосу, смещению в системе «права – обязанности»: одни люди располагают правами, на других возложены лишь обязанности. Неотъемлемой составляющей общества и государства в таких условиях является страх.

Будущее России руководитель Северного общества декабристов видел в форме конституционной монархии³. Этим его позиция принципиально отличалась от позиции П. Пестеля, руководителя Южного общества, отстаивавшего принципы республиканского правления.

И хотя дефиниция термина «власть», как, впрочем, и остальных, используемых автором, в Конституции отсутствует, его содержание получило здесь значительную интерпретацию. В документе четко различаются полномочия и функции законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Подчеркивается, что они независимы друг от друга, но едины в достижении общезначимых целей. Описывается механизм контроля за их деятельностью, а также особенности функционирования властных структур на разных уровнях управления. Правда, из поля внимания Н. Муравьева полностью выпал вопрос о порядке формирования, структуре и характере деятельности правительства страны.

Декабрист убежден: «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные постановления* для самого себя» [1, с. 254]. Несомненно, такая постановка вопроса является в высшей степени прогрессивной.

Конституция провозглашала, что законодательная власть в России будет сосредоточена в руках избираемого гражданами Народного Вече, состоящего из Верховной Думы (численностью 45 человек) и Палаты народных представителей (численностью около 450 человек). Главой исполнительной власти (правительства) объявлялся император.

Три редакции конституционного проекта Н. Муравьева дают возможность увидеть как за сравнительно небольшой отрезок времени (в несколько лет) эволюционировала его позиция относительно формы российского государства – Россия как *федерация* – и территориального устройства страны. Впервые идея о федерации высказана автором в самом начале первой редакции работы – во «Вступлении». Ее аргументация здесь в высшей степени поверхностна и представлена всего двумя предложениями. Никита Михайлович считал, что федерализация будет

³ Интересно, что сам термин «конституционная монархия» в Конституции Н. Муравьева *не употребляется*.

способствовать возвеличению народа, утверждению свобод граждан, согласованию интересов государства как целостной системы и его структурных компонентов, улучшению государственного управления на всех уровнях. Подчеркивая федеративность будущей России, декабрист использовал также понятия «Федеральное или Союзное Правление» [1, с. 253] и «Российский Союз» [1, с. 263].

Позиция руководителя Северного общества относительно будущего административного деления страны озвучена в четвертой главе, имеющей название «О России», первой и второй редакций Конституции. В третьей редакции эта глава называется «О России вообще». Если исходить из второй (наиболее полной, развернутой) редакции работы, то «в законодательном и исполнительном отношениях...» [3, с. 271] всю территорию России Н. Муравьев поделил на 13 держав, 2 области (Московскую и Донскую) и 569 уездов (поветов). Державы структурно состояли из уездов, а уезды – из волостей. В судебном отношении они делились на округа, совпадавшие с существовавшими во время написания данного документа губерниями. По какому принципу должны формироваться державы, Никита Михайлович не объяснял. В третьей редакции административное деление России *предельно упрощено* – ни слова о державах; выделяются лишь области, всего их 15. Названия областей отсутствуют. Указаны лишь областные центры. Это те же города, которые во второй редакции назывались столицами держав.

С одной стороны, Конституция провозглашала федеративный принцип устройства российского государства, а с другой – чрезмерно расширяя полномочия центральной законодательной и исполнительной власти, существенно ограничивала права субъектов федерации (держав и областей). Документ жестко регламентировал порядок формирования и функционирования властных структур в каждой федеральной единице. Здесь господствовал принцип однообразия. Иными словами, каждая держава в политическом плане была копией, близнецом всех остальных держав. Самостоятельность ее властных структур ограничивалась детально выписанным и весьма ограниченным кругом вопросов. Реальным федерализмом тут и не пахло. Если в первых двух редакциях Конституции

федерализм присутствует как формальный принцип, то в третьей он исчезает и в этом виде.

В конституционном проекте детально прописаны полномочия и обязанности *императора*. Он – «Верховный Чиновник Российского Правительства» [3, с. 279], «Правитель Империи» [3, с. 281] и одновременно «первослужитель Народа» [3, с. 281]. «Лицо Императора священо и неприкосновенно» [4, с. 296]. Императором можно стать лишь достигнув 18-летнего возраста. И хотя его полномочия довольно объемны и весомы – «...соединяет в особе своей всю исполнительную Власть» [3, с. 280] – «Император Российский» наделялся статусом хоть и главного, но все же лишь чиновника, ограниченного в правах и подотчетного по многим позициям Народному Вече.

Несмотря на многократное подчеркивание важности хорошо функционирующей *судебной власти*, предметно о ней Н. Муравьев говорит лишь в третьей редакции документа. В первых двух редакциях этой теме посвящено всего несколько предложений. Особо обозначена независимость суда. Судебная власть соответствующим образом структурировалась. Предполагалось, что судьи будут избираться. Чтобы занять эту должность, необходимо иметь соответствующий имущественный ценз. Отдельно выписан порядок рассмотрения апелляций на решения суда. Никита Михайлович высоко ценил роль присяжных в судебных процессах. Считал, что к этой работе следует привлекать как можно больше честных и порядочных людей. Дела, гражданские и уголовные, рассмотренные судом с участием присяжных, считались не подлежащими ни апелляции, ни повторному рассмотрению судом. В конституционном проекте не оговаривается необходимость наличия у судьи определенного образования. В то же время отмечается, что адвокаты должны иметь на руках «университетские аттестаты».

Значительное внимание Н. Муравьев уделял *взаимосвязи* индивидуального, группового, общественного и государственного. Он отстаивал права людей на создание различных объединений, при условии, что последние своей деятельностью не будут продуцировать конфликтные ситуации с государством и уже существующими социальными объединениями. В первой редакции Конституции

присутствует положение о праве индивидов делать все, что не запрещено законом. Позиция Никиты Михайловича – необходимость законодательного закрепления и воплощения на практике принципов либерального индивидуализма. При этом сам индивид имеет у него в высшей степени абстрактный характер. Он «теряется» в массе населения, деятельности властных структур, приоритетах государства. Декабриста больше интересовал феномен типичного, устоявшегося, повторяющегося в жизни людей и социума. Такой подход во многом обусловлен мировоззренческими установками автора конституционного проекта. Он был представителем крупной феодальной знати. И хотя понимал необходимость изменений в обществе и государстве, относился к ним с позиций умеренности, разумного компромисса, недопущения революционных методов борьбы.

В отличие от П. Пестеля, который в своей «Русской Правде» неоднократно говорил о гражданском обществе, руководителя Северного общества больше интересовал феномен *гражданства*. И в первой, и во второй редакциях его конституционного проекта существует глава «О гражданах». Гражданство Никита Михайлович ассоциировал с *правом людей непосредственно или опосредованно участвовать в общественном управлении*. В первом случае речь идет о возможности быть избранным в органы законодательной, исполнительной или судебной власти. Во втором – о праве участвовать в выборах. Сам факт наличия у индивида таких прав означал, что он является гражданином государства. Но чтобы их иметь (= стать и быть гражданином) следовало соответствовать ряду требований, которые четко обозначены в документе. Никита Михайлович хорошо понимал роль языка как одного из важнейших факторов национальной и государственной консолидации. Поэтому отнюдь не случайно в Конституции присутствует статья: «Чрез 20 лет, по приведении в исполнение сего Устава Российской Империи, никто, не обучившийся Русской грамоте, не может быть признан Гражданином» [3, с. 268].

Руководитель Северного общества был крайне озабочен отсутствием в российском государстве и обществе подлинной *свободы*. Утверждал, что русский народ более всех заслуживает и законности, и свободы. Муравьевская Конституция провозглашала: «Русский народ свободный и

независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства» [1, с. 254]. Она декларировала свободу предпринимательства, вероисповедания, слова, книгопечатания. Одновременно вводила запрет на так называемые вредные книги.

Не мог обойти вниманием Н. Муравьев и проблему социального равенства. Как и другие декабристы, трактовал эту ценность прежде всего в ее правовом измерении: «Все Русские равны пред законом» [3, с. 269]; «...все равны перед законом и обязаны нести одне и те же повинности» [3, с. 279]. Одним из ярчайших проявлений неравенства между людьми в современной декабристам России было существование крепостных. Уничтожение крепостного права являлось для первых российских революционеров приоритетной задачей. «Крепостное состояние и рабство отменяются, – утверждается в Конституции. – Раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается...» [3, с. 269]. Данным проектом Основного закона также уничтожались ненавистные крестьянам военные поселения. Отменялись гражданские чины, титулы именитых граждан, гильдии в купеческой среде, цеховое членение ремесленников, социальная структуризация людей согласно существовавшим в государстве 14 классам (сословиям). Вместо многочисленных обозначений принадлежности индивидов к конкретным социальным группам Никита Михайлович предложил использовать термины «гражданин» или «русский». Провозглашаемые документом изменения имели крайне важное значение для преодоления социального неравенства, но они отнюдь не обеспечивали реального, фактического равенства людей.

Свое отражение в законодательном проекте Н. Муравьева, правда, в неразвернутом виде, нашел *национальный вопрос*. На страницах этого документа автор писал, прежде всего, о русских. На это хочу обратить особое внимание – речь вел *именно о русских*, как будто других народов в российской империи не было вовсе. Никита Михайлович, да и не он один, к сожалению, не различал (или не хотел этого делать) на сущностном уровне собственно русских и представителей других национальностей, проживавших на территории России. Не рассматривал последних как носителей иных – нерусских – культур. Если и обращал внимание на

различия народов, этносов, то акцент делал лишь на характеристиках внешнего порядка. За явлением декабрист не видел сущность. «Русскими почитаются, – писал он, – *все* (выделено – *В. П.*) коренные жители России и дети Иностранцев, родившихся в России, достигшие совершеннолетия...» [3, с. 269]. Кто именно принадлежит к коренным жителям России из текста работы понять невозможно. В третьей главе первой и второй редакций Конституции *как синонимы* используются термины «гражданин» и «русский». Об этом уже говорилось выше. В первой редакции работы отдельно упоминается о евреях: «Евреи могут пользоваться правами граждан в местах, ныне ими заселенных, но свобода им селиться в других местах будет зависеть от особых постановлений *Верховного Народ[ного] веча*» [1, с. 264].

Как человек верующий, декабрист отмечал особую роль *религии и священнослужителей* в жизни общества и государства. Конституционный проект провозглашал веротерпимость: «Вера, совесть и мнения Граждан, пока оныя не обнаруживаются противозаконными действиями, не подлежат власти...» [3, с. 279]; «Никто не может быть беспокоиваем в отправлении своего Богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушал законов природы и нравственности» [3, с. 271]. В первой редакции работы специально оговаривалось, что лица, относящиеся к духовенству, в том числе монахи, имеют гражданские права, и что «церковные земли остаются навсегда за ними» [1, с. 256]. Во вторую редакцию эти формулировки не попали. Зато в ней присутствует утверждение: «Жалованье Священнослужителям будет производиться и впредь» [3, с. 270].

В Конституции практически совсем не обозначено отношение государства к *светским гуманитарным ценностям*. Лишь один раз (в третьей редакции) упоминается о науке и искусстве: Народное Вече «покровительствует Наукам и полезным Искусствам...» [3, с. 278].

Крайне слабо в данном документе представлена *экономическая сторона* функционирования российского общества и государства. Согласно ему, «право собственности, заключающее в себе *одне вещи*, священно и неприкосновенно» [3, с. 270]. Такая же формулировка имеет место в «Русской Правде» П. Пестеля. Ликвидация крепостничества и

освобождение крестьян, даже в том куцем, урезанном виде, как это предлагал сделать Никита Михайлович, на практике означала не только юридическое предоставление свободы огромной массе людей, но и формирование на селе, да и не только там, качественно новых экономических условий. Возникал мощный рынок свободной рабочей силы. В нем декабрист видел важную предпосылку интенсификации производства, в первую очередь сельскохозяйственного.

Несмотря на прогрессивный характер многих идей Конституции, отвечающих духу буржуазного предпринимательства и либерального индивидуализма, Н. Муравьев остался в целом верным традициям феодальной аристократии России. В предложенном им порядке формирования и функционирования органов власти четко прослеживается ставка именно на землевладельцев, в первую очередь зажиточных. Специально хочу отметить, что он писал не только о дворянстве как социальном сословии, обладающем многими правами, полученными по наследству, но и о людях, ставших богатыми вследствие экономического предпринимательства, победы в экономической конкуренции. Утверждавшийся в России капитализм свое будущее связывал именно с ними. Никита Михайлович это видел и понимал, но, будучи осторожным и умеренным во взглядах на пути преобразования социума, так и не смог порвать узы, связывающие его с классом помещиков. В его конституционном проекте *феодалное довлеет над буржуазным*.

Принимая во внимание сильные и слабые стороны Конституции Н. Муравьева, нельзя не отметить, что эта работа полна интересных идей, формулировок и выводов. Она по праву занимает свое место среди многочисленных конституционных проектов, рожденных в истории человечества разумом талантливых и равнодушных личностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Конституция Н. Муравьева (Текст, найденный в бумагах кн. С.П. Трубецкого) // Дружинин Н.М. Избранные труды. Т. 1. Революционное движение в России в XIX ст. М., 1985.
2. **Муравьев Н.М.** Любопытный разговор // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. Т. 1. М., 1951.
3. Конституция Никиты Муравьева (из бумаг И.И. Пущина) // Дружинин Н.М. Избранные труды. Т. 1. Революционное движение в России в XIX ст. М., 1985.

4. Конституция Никиты Муравьева, написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах // Дружинин Н.М. Избранные труды. Т.1. Революционное движение в России в XIX ст. М., 1985.

PAVLOV Valery L. – National University of Food Technology (NUFT).
Vladimirskaya str., 68, 01601, Kyiv, Ukraine. E-mail: vpavlov52@gmail.com.

**PHILOSOPHICAL AND LEGAL VALUES OF THE CONSTITUTION OF
NIKITA MURAV'EV**

The article considers one of the main document of the Northern Society of the Decembrists – Murav'ev Constitution from the standpoint of philosophy and law. It is shown the basic philosophical and legal questions and issues that have received the interpretation in this research.

SOCIETY; STATE; POWER; REPUBLIC; MONARCHY; FEDERATION;
EMPEROR; DEMOCRACY; CITIZEN; RIGHTS; RESPONSIBILITIES; FREEDOM;
EQUALITY

УДК 930.85

С. Н. Погодин

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. E-mail: pogodin56@mail.ru.

В статье рассматривается новейшая (с 2013 г.) историография о А.С. Лаппо-Данилевском. Приводится библиография работ, в которых освещается биография, историческая концепция А.С. Лаппо-Данилевского, его исследования по методологии истории, социологии и др. Дается описание опубликованных в последние годы текстов А.С. Лаппо-Данилевского.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ; ИСТОРИОГРАФИЯ; МЕТОДОЛОГИЯ; БИОГРАФИЯ; ПУБЛИКАЦИИ

Традиция изучения творчества и научного наследия российского академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) начала складываться еще при жизни ученого. В 1916 г. ученики посвятили ему сборник статей [1]. Вскоре после его смерти был подготовлен специальный выпуск «Исторического журнала» [2], а в 1929 г. в издававшейся Академией наук серии «Очерков по истории знаний» вышла книга, посвященная Лаппо-Данилевскому [3]. В 1920 г. известный историк А.Е. Пресняков выпустил небольшую монографию о своем учителе [4]. Последующие обращения к научному наследию Лаппо-Данилевского, как правило, были связаны с юбилеями историка: в 1994 г. по инициативе С.О. Шмидта к 75-летию со дня смерти историка был подготовлен тематический выпуск «Археографического ежегодника» [5], в 2003 г. был издан сборник материалов конференции к 140-летию со дня рождения

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (№ 15-03-00488).

академика [6]. 150-летний юбилей ученого был отмечен как проведением нескольких научных конференций, так и изданием исследований о Лаппо-Данилевском и публикацией его трудов [7]. Надо заметить, что Лаппо-Данилевский проявил себя в различных областях социо-гуманитарного знания, поэтому о нем писали и пишут не только историки, но и философы, социологи, культурологи и историки русской культуры. К настоящему времени сложилась богатая историографическая традиция исследований о Лаппо-Данилевском. Опубликовано несколько монографий, как о самом Лаппо-Данилевском, так и о том научном направлении, к которому он принадлежал [8–17].

В отечественной историографии уже были попытки подвести итог существующим исследованиям о Лаппо-Данилевском [18, 19]. Однако, прошедший в 2013 г. юбилей историка, и публикации последних лет позволяют дополнить эти историографические обзоры. Своеобразным прологом юбилейных изданий стала публикация в 2012 г. в журнале «Исторический архив» фотолетописи, посвященной Лаппо-Данилевскому [20]. Прежде всего, необходимо упомянуть обзоры состоявшихся в юбилейном году конференций [21; 22]. Материалы, прошедшей в октябре 2013 г. в Санкт-Петербургском государственном университете конференции «Академик А.С. Лаппо-Данилевский в истории науки и культуры (к 150-летию со дня рождения)» нашли отражение в тематическом выпуске журнала «Клио» [23]. В 2013–2015 гг. Лаппо-Данилевскому были посвящены разделы в таких журналах и изданиях, как «Исторический архив», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Вопросы философии», «Мир историка», «Диалог со временем», «Архив истории науки и техники».

Одной из популярных тем современных историографических исследований является изучение корпоративной истории, социальной истории науки, схолярная проблематика. Они были представлены в серии работ, в которых рассматривались личные и научные отношения Лаппо-Данилевского с коллегами по академическому цеху (М.А. Дьяконовым, В.Г. Дружининым, В.И. Вернадским, С.Ф. Платоновым, Д.Б. Рязановым, П.Б. Струве и др.) [24–32], а также с учениками [33; 34; 35].

По-прежнему внимание исследователей привлекает историческая концепция Лаппо-Данилевского, разрабатывавшиеся им вопросы источниковедения, дипломатки, археологии, рецепция его идей в современной науке и т. п. [36–49] Теоретические, методологические, философские вопросы исторической науки в интерпретации Лаппо-Данилевского, привлекаемые им идеи неокантианской философии также остаются актуальными и дискуссионными в отечественной науке [50–64]. В последнее время исследователи все чаще обращаются к культурологической концепции Лаппо-Данилевского, его работам по истории русской культуры, исторической антропологии и интеллектуальной истории [65; 67; 68, с. 17–40; 69; 70].

Большой объем публикаций появился в последние годы по деятельности Лаппо-Данилевского в Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского, организации социологической науки, преподавании им социологических курсов [80–97]. Предпринимаются попытки реконструировать курсы ученого по социологии и аксиологии. Отдельного внимания заслуживают работы, в которых Лаппо-Данилевский рассматривается как историк науки [98; 99, с.63–102; 100; 101; 102], издан, готовившийся им сборник «Русская наука» [103; 104].

Вместе с этим не прекращается изучение биографии Лаппо-Данилевского, уточняются многие факты его жизни, работы в университете и Академии наук, в частности, участие в международных конгрессах, получение почетной степени доктора Кембриджского университета [105; 106; 107; 108; 109]. К.Ю. Лаппо-Данилевский опубликовал историко-генеалогическое исследование о роде Лаппо-Данилевских [110], а В.П. Корзун работу о семье ученого [111].

В последние годы были переизданы некоторые труды А.С. Лаппо-Данилевского по историографии и методологии истории [112–118], переведена на русский язык его лекция «Развитие науки и учености в России» [119, с. 5–62]. Опубликованы рукописи по социологии и аксиологии [120; 121; 122; 123; 124], а также неизвестные ранее письма ученого [125; 126].

По нашим подсчетам за неполные пять лет было опубликовано более сотни исследований о А.С. Лаппо-Данилевском, а также впервые введено в оборот или переиздано четырнадцать работ самого историка. Конечно, во многом столь интенсивные исследования научного наследия А.С. Лаппо-Данилевского были вызваны прошедшим юбилеем ученого. Однако при этом в историографический обзор не были включены многочисленные статьи, в которых А.С. Лаппо-Данилевский лишь упоминается в связи с тем или иным рассматриваемым вопросом. Появились работы, посвященные ранее неизвестным сторонам научного творчества академика, в частности, его лекциям по социологии. Все это свидетельствует, что изучение творчества А.С. Лаппо-Данилевского выходит на новый качественный уровень. С годами количество ученых, изучающих биографию и идеи А.С. Лаппо-Данилевского, только увеличивается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Сборник статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916 (Историческое обозрение. Т. 21).
2. Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
3. Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929 (Очерки по истории знаний. Вып. 6).
4. **Пресняков А.Е.** Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Петербург: «Колос», 1922. 94 с.
5. Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.
6. Историческая наука и методология истории в России XX в.: К 140-летию академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., Изд-во: Северная Звезда. – 2003. – Вып. I. – 415 с. ISBN: 5-901-954-09-X
7. **Малинов А.В.** Академик А.С. Лаппо-Данилевский: итоги юбилея // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 2. С. 182–187.
8. **Хмылев Л.Н.** Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978.
9. **Киреева Р.А.** Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.
10. **Цамутали А.Н.** Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.
11. **Рамазанов С.П.** Кризис в российской историографии начала XX в.: в 2 ч. Волгоград, 1999–2000.

12. **Синицын О.В.** Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века: Неокантианское течение. Казань, 1990.
13. **Русакова О.Ф.** Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000.
14. **Малинов А.В., Погодин С.Н.** Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.
15. **Ростовцев Е.А.** А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Монография. – Рязань, 2004. – 352 с. ISBN: 5-94473-007-2.
16. **Трапш Н.А.** Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Монография. – Ростов-на-Дону, 2006. – 159 с. ISBN: 5-9275-0240-7.
17. **Корзун В.П.** Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. Монография – СПб., Издательство: Алетейя –2011. – 192 с. ISBN: 978-5-91419-579-0.
18. **Ростовцев Е.А.** А.С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. науч. работ. СПб., 2000. Вып. 2.
19. **Чернобаев А.А.** А.С. Лаппо-Данилевский в новейшей российской историографии // Клио. 2013. № 12(84).С. 40–45. ISSN: 2070-9773.
20. **Басаргина Е.Ю., Тихонов И.Л.** Мастера российской историографии: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) // Исторический архив. 2012. № 2. С.130–145. ISSN: 0869-6322.
21. **Зайнутдинов А.Э.** Международная научная конференция «Понимание общественно-исторического развития и современности: методология социальных наук» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3(68).С. 206–209. ISSN: 1029-8053eISSN: 2306-6946.
22. **Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.** Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков: «круглый стол» к 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского // Новое литературное обозрение. 2013. № 6 (124). С.432–439.
23. **Ростовцев Е.А.** Журнал Клио. 2013. № 12. 166 с. Материалы международной научной конференции «Академик А.С. Лаппо-Данилевский в истории науки и культуры (к 150-летию со дня рождения)» // Вестник СПбГУ. История. 2014. №. 4. С. 251–255. ISSN: 1812-9323eISSN: 2541-9390.
24. **Ростовцев Е.А.** А.С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3(68). С. 29–43. ISSN: 1029-8053eISSN: 2306-6946.
25. **Гришин К.П.** Личные и научные взаимоотношения академиков А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова // Клио. 2013. № 12(84).С. 60–64 ISSN: 2070-9773.
26. **Трибунский П.А.** А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В.Г. Дружинина // Клио. 2013. № 12(84).С. 120–126. ISSN: 2070-9773.

27. **Цамутали А.Н.** А.С. Лаппо-Данилевский в кругу историков-современников // Клио. 2013. № 12(84). С. 37–40 ISSN: 2070-9773.
28. **Афиани В.Ю.** А.С. Лаппо-Данилевский и В.И. Вернадский: стремление к генерализации прошлого // Клио. 2013. № 12(84). С. 55–57. ISSN: 2070-9773.
29. **Ратьковский И.С.** Перекрестки судеб: А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов и Д.Б. Рязанов в 1918 г. // Клио. 2013. № 12(84). С. 112–115. ISSN: 2070-9773.
30. **Чернобаев А.А.** Новые документальные источники о В.И. Вернадском и А.С. Лаппо-Данилевском // Исторический архив. 2013. № 2. С.3. ISSN: 0869-6322.
31. **Бухерт В.Г., Корзун В.П.** «Я никакого смущения не чувствовал, а только некоторое возбуждение, как всегда перед битвой...» // ст. в сб. Мир историка: историографический сборник / Вып. 9. – Омск : 2014. – С. 60–64. ISBN: 978-5-7779-1696-9.
32. **Малинов А.В.** А.С. Лаппо-Данилевский и П.Б. Струве // Вече. 2015. №27-1. С.272-275 ISSN: 2073-5723eISSN: 2226-3373.
33. **Алеврас Н.Н., Гришина Н. В.** Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников // Клио. 2013. № 12(84). С. 46–49. ISSN: 2070-9773.
34. **Илизаров С. С.** Историк науки Т.И. Райнов – ученик А.С. Лаппо-Данилевского // Клио. 2013. № 12(84). С. 50–54. ISSN: 2070-9773.
35. **Алеврас Н.Н.** А.С. Лаппо-Данилевский и диссертационная культура русских историков в конце XIX – начале XX в // Диалог со временем. 2014. №.46. С. 165-173. ISSN: 2073-7564.
36. **Берус В.В.** А.С. Лаппо-Данилевский о субъективности и великой индивидуальности // Клио. 2013. № 12(84). С. 8–9. ISSN: 2070-9773.
37. **Ветохина В.А.** Метод сравнительно-исторического исследования в теоретико-познавательной концепции А.С. Лаппо-Данилевского // Клио. 2013. № 12(84).С. 9–10. ISSN: 2070-9773.
38. **Комочев Н.А.** Методика дипломатического анализа в трудах школы А.С. Лаппо-Данилевского // Клио. 2013. № 12(84). С. 16–19. ISSN: 2070-9773.
39. **Приймак Н.И.** Понятие «исторический источник» в методологии истории А.С. Лаппо- Данилевского // Клио. 2013. № 12(84). С. 19–22. ISSN: 2070-9773.
40. **Ростовцев Е.А., Потехина И.П.** А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве // Клио. 2013. № 12(84).С. 23–28 ISSN: 2070-9773.
41. **Румянцева М.Ф.** Рецепция методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения – сайт Источниковедение.ru. // Клио. 2013. № 12(84).С. 28–31 ISSN: 2070-9773.
42. **Трапш Н.А.** Источники смешанного характера» в теоретической концепции А.С. Лаппо-Данилевского и исследовательской практике современного историка: опыт творческой интерпретации // Клио. 2013. № 12(84).С. 34–37 ISSN: 2070-9773.

- 43. Демяновский Н.А.** Лаппо-Данилевский и издание «Мемуаров короля Станислава Августа» // Клио. 2013. № 12(84).С. 64–67 ISSN: 2070-9773.
- 44. Киреева Р.А.** А.С. Лаппо-Данилевский о русской историографии // Клио. 2013. № 12(84).С. 73–76. ISSN: 2070-9773.
- 45. Тихонов И.Л.** А.С. Лаппо-Данилевский и археология // Клио. 2013. № 12(84).С. 115–119. ISSN: 2070-9773.
- 46. Бондаренко А.А.** Теоретические основания актового источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского в дипломатике литовских средневековых актов // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 63-71. ISSN: 2073-7564.
- 47. Камынин В.Д.** Современные подходы к определению содержания понятия историографический источник и идеи А.С. Лаппо-Данилевского в области источниковедения // Диалог со временем. 2014. № 46. С.120-128. ISSN: 2073-7564.
- 48. Серeda Н.В.** Реабилитация методологии // Диалог со временем. 2014. №46. С.38-44 ISSN: 2073-7564.
- 49. Мазур Л.Н.** «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. №.46. С. 95–108.
- 50. Базанов М.А.** А.А.Зимин и А.С. Лаппо-Данилевский: К характеристике методологических убеждений советского историка // ст. в сб. тр. конф.: Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Мат-лы III Всеросс. науч.-практ. конф. (Нижевартовск, 07 февр.2014 г.) / Отв. ред. А.В. Коричко. Нижевартовск., 2014. ISBN: 978-5-00047-128-9 С. 157–158.
- 51. Батурин Ю.М.** Методология построения исторической причинно-следственной связи А.С. Лаппо- Данилевского и ее значение для других наук // Клио. 2013. № 12(84).С. 5–7. ISSN: 2070-9773.
- 52. Дорошенко Н.М.** Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского в системе российской философии истории // Клио. 2013. №12(84).С. 13–15. ISSN: 2070-9773.
- 53. Рамазанов С.П.** Гносеологические и социальные контексты методологических исканий А.С. Лаппо-Данилевского» // Клио. 2013. №12(84).С. 108–112 ISSN: 2070-9773.
- 54. Малинов А.В.** Основные принципы неокантианской философии истории А.С. Лаппо-Данилевского (к 150-летию со дня рождения) // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 89–95.
- 55. Румянцева М.Ф.** Феноменология vs неокантианство в концепции А.С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 7-16. ISSN: 2073-7564.
- 56. Синицын О.В.** Неокантианство немецкое и русское: от метода «наук о культуре» к специфике исторического познания // Диалог со временем. 2014. №. 46. С. 17–27.

- 57. Рамазанов С.П.** Гносеологический и социальный контексты неокантианского дискурса А.С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. №. 46. С. 28–37.
- 58. Вальц М.П.** Рецепция идей В. Штерна в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. №.46. С. 184-193. ISSN: 2073-7564.
- 59. Рябова Л.К., Рябов А.А.** Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современная западная теория истории // Новейшая история России. 2014. № 1(9).С. 8–16. ISSN: 2219-9659eISSN: 2309-7973.
- 60. Малинов А.В.** От методологии истории к теории обществоведения (из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского) // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XLI. № 3(40). С. 157–171. ISSN: 1811-833XeISSN: 2311-7133.
- 61. Малинов А.В.** План теории обществоведения А.С. Лаппо-Данилевского (опыт реконструкции) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. №4. С. 54–60 ISSN 2542-2278.
- 62. Мотовникова Е.Н.** Проблема исторических типов в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 4(38).С. 5–11. ISSN: 1997-2857eISSN: 2076-8575.
- 63. Васильев Ю.А.** Был ли А.С. Лаппо-Данилевский неокантианцем в истории? // Власть. 2017. Т. 25. № 3. С. 186–191. ISSN: 2071-5358eISSN: 2071-5366.
- 64. Пружинин Б.И., Бендерский И.И., Воробьева О.В., Долгова Е.А., Малинов А.В., Микешина Л.А., Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А., Хвостов К.В.** Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье. Мат-лы конф. – «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 26–61.
- 65. Гурская Н.В.** История культуры и культурологические концепции в историко-философских трудах А.С. Лаппо-Данилевского // Клио. 2013. № 12(84). С. 10–12.
- 66. Тихонова В.Б.** Работы А.С. Лаппо-Данилевского в контексте исторической антропологии // Клио. 2013. № 12(84).С. 31–33. ISSN: 2070-9773.
- 67. Корзун В.П.** А.С. Лаппо-Данилевский: первые опыты интеллектуальной истории в российской гуманитаристике // Клио. 2013. № 12(84).С. 77–82. ISSN: 2070-9773.
- 68. Корзун В.П.** А.С. Лаппо-Данилевский: к вопросу о генезисе интеллектуальной истории // ст. в сб.: Мир историка : историографический сборник. – Вып. 9. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 507 с. ISBN: 978-5-7779-1696-9.

- 69. Сукина Л.Б.** Концепция истории русской культуры XVII века А.С. Лаппо-Данилевского и ее место и роль в современных гуманитарных исследованиях // Диалог со временем. 2014. №. 46. С. 45-53. ISSN: 2073-7564.
- 70. Булыгина Т.А.** А.С. Лаппо-Данилевский об истории идей и интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2014. №. 46. С. 54-62. ISSN: 2073-7564.
- 71. Долгова Е.А.** Документы о деятельности Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского (1916–1923) // Клио. 2013. № 12(84).С. 67–70. ISSN: 2070-9773.
- 72. Козловский В.В.** От методологии истории к исторической метасоциологии: уроки А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. №3 (68). С. 5–7.
- 73. Малинов А.В.** А.С. Лаппо-Данилевский – организатор социологической науки в России // Клио. 2013. № 12(84).С. 102–104. ISSN: 2070-9773.
- 74. Малинов А.В.** А.С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3 (68). С. 8–16.
- 75. Малинов А.В.** Психологическое направление в социологии (из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 2. С. 92–98.
- 76. Малинов А.В., Пешперова И.Ю.** Вопрос о возникновении социологии в курсе А.С. Лаппо-Данилевского «Научные основы социологии в их историческом развитии» (по материалам архива) // Вестник СПбГУ. Сер.17. 2014. №.3.С. 24–33 ISSN 2542-2278.
- 77. Малинов А.В., Пешперова И.Ю.** Позитивизм О. Конта в оценке А.С. Лаппо-Данилевского (по материалам архива) // Социология науки и технологий. 2014. Т.5. № 2. С. 105–124. ISSN: 2079-0910eISSN: 2414-9225.
- 78. Козловский В.В., Браславский Р.Г., Троицкий С.А., Прозорова Ю.А., Малинов А.В.** Социологическое наследие академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 4 (75). С. 189–202. ISSN: 1029-8053eISSN: 2306-6946.
- 79. Малинов А.В.** Рукописи курсов А.С. Лаппо-Данилевского по социологии в Санкт-Петербургском филиале архива РАН // Сб. мат-лов IX Ковалевские чтения «Социология и социологическое образование в России (К 25-летию социологического образования в России и в Санкт-Петербургском государственном университете)». СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 145–146.
- 80. Малинов А.В.** Биологическое направление в социологии: из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского (опыт реконструкции) // Петербургская социология сегодня. 2014. Т.1 №: 1-1 (5). С. 217–229. ISSN: 2308-3166.
- 81. Бочкарева В.И.** Теоретико-методологические проблемы исследования «современности» в историко-социологическом контексте [к 150-летию со дня

рождения А.С. Лаппо-Данилевского] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2014. №. 2. С. 119–126. ISSN: 2541-9374.

82. Малинов А.В. «Социология в духе материализма» (о лекциях академика А.С. Лаппо-Данилевского) // Социологические исследования. 2015. № 8(376). С 142–152. ISSN: 0132-1625.

83. Малинов А.В. Учение о социо-культурном энергетизме А.С. Лаппо-Данилевского (опыт реконструкции) // Философия и культура. 2015. №8(92). С. 1182–1190. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.8.15337.

84. Малинов А.В. Этология и телеология социальных явлений (критика А.С. Лаппо-Данилевским социального учения Д.С. Милля) // Вече. 2015. №.27-1. С. 209-233 ISSN: 2073-5723 eISSN: 2226-3373.

85. Малинов А.В. О «практических занятиях по аксиологии» А.С. Лаппо-Данилевского // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30). С. 621–624.

86. Малинов А.В. История русского социологического общества им. М.М. Ковалевского (1916–1923): к 100-летию со дня основания // Социологические исследования. 2016. № 5(385). С. 141–145. ISSN: 0132-1625.

87. Малинов А.В. «Очередные задачи собственно социологического построения» (Из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского) // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2016. №.1. С. 5–14. ISSN 2541-9374 DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.101.

88. Малинов А.В. Критическое построение в социологии (Из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (244). С. 116–123.

89. Малинов А.В. Русская социологическая школа в оценке А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. №3 (86). С.16–24.

90. Малинов А.В. Социологические курсы А.С. Лаппо-Данилевского (по материалам архива) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. №. 3. С. 135–144.

91. Малинов А.В. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский – первый председатель русского социологического общества им. М.М. Ковалевского // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (к 100-летию Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского). Мат-лы междунар. науч.конф. 10–12 ноября 2016 г. Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 183–184.

92. Козловский В.В. Топология исторического процесса: социологические размышления А.С. Лаппо-Данилевского // Россия в глобальном мире. 2015. № 7(30). С. 613–616.

93. Браславский Р.Г. Критика А.С. Лаппо-Данилевским социального учения Д.С. Милля // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30) С. 617–620.

94. Малинов А.В. О «Практических занятиях по аксиологии» А.С. Лаппо-Данилевского // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30) С. 621–624.

- 95. Троицкий С.А.** Социологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского: итоги изучения // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30) С. 625–628.
- 96. Малинов А.В.** Курс А.С. Лаппо-Данилевского “О теории ценности” (опыт реконструкции) // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 171–180.
- 97. Малинов А.В.** Социологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб.: РХГА, 2017. 336 с. ISBN 978-5-88812-824-4.
- 98. Малинов А.В.** «Рассадник насущных знаний» (деятельность А.С. Лаппо-Данилевского по организации Института социальных наук) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3 (68). С. 17–28.
- 99. Илизаров С.С.** А.С. Лаппо-Данилевский – историк науки // ст. в сб. ст.: Архив истории науки и техники. Вып. V (XIV). Отв. ред. С.С. Илизаров. М.: «Янус-К», 2015. 592 с. ISBN: 978-5-8037-0647-2.
- 100. Корзун В.П.** Концепция истории науки в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Development of Russian science and learning» // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2015. № 6 (361). С. 124-131. eISSN: 2542-0275.
- 101. Смагина Г.И.** «Достойным образом представить русскую науку». К 100-летию создания комиссии по изданию сборника «Русская наука» // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 1. С. 9–22. ISSN: 2079-0910 eISSN: 2414-9225.
- 102. Малинов А.В.** А.С. Лаппо-Данилевский и проект издания сборника «Русская наука» // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. № 2. С. 269–282.
- 103.** Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (к 100-летию комиссии по изданию сборника «Русская наука»): статьи и документы / ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина, отв. ред. Ю.М. Батулин. СПб.; М., 2016. 848 с. ISBN: 978-5-94668-189-6
- 104. Малинов А.В.** Рец.: Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (к 100-летию комиссии по изданию сборника «Русская наука»): статьи и документы / ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина, отв. ред. Ю.М. Батулин. СПб.; М., 2016. 848 с. // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 2. С. 392–396.
- 105. Тихонов В.В.** «Прирожденный академик». К 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского // Вестник Российской академии наук. 2013. №1. С. 66–72. DOI: 10.7868/S0869587313010143 ISSN: 0869-5873.
- 106. Басаргина Е.Ю.** А.С. Лаппо-Данилевский – почетный доктор права Кембриджского университета // Клио. 2013. № 12(84). С. 57–60. ISSN: 2070-9773
- 107. Зюнова Н.С.** А.С. Лаппо-Данилевский и делегации российских ученых на международных конгрессах исторических наук начала XX в. // Клио. 2013. № 12(84). С. 71–73. ISSN: 2070-9773.
- 108. Сидорчук И.В.** Аполитичность А.С. Лаппо-Данилевского в контексте изучения его научного наследия // Клио. 2013. № 12(84). С. 105–108 ISSN: 2070-9773.

- 109. Болотина Н.Ю.** О занятиях А.С. Лаппо-Данилевского с материалами МАМЮ, Государственного архива МИДа И МГАМИД (по материалам РГАДА) // Диалог со временем. 2014. №. 46. С. 174-183. ISSN: 2073-7564.
- 110. Лаппо-Данилевский К.Ю.** Семья Лаппо-Данилевского: истоки и традиции // // Клио. 2013. № 12(84).С. 83–101. ISSN: 2070-9773.
- 111. Корзун В.П.** Творчество Сергея Сергеевича и Александра Александровича Лаппо-Данилевских в социокультурном контексте эпохи // Вестник Омского университета. 2015. № 1(75).С. 143–146. ISSN: 1812-3996.
- 112. Лаппо-Данилевский А.С.** Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. М.: Либроком, 2013. 568 с.
- 113. Лаппо-Данилевский А.С.** Исторические взгляды В.О. Ключевского // В.О. Ключевский: pro et contra, антология / Сост., коммент. А.В. Малинова, вступ. ст. Р.А. Киреевой. СПб.: НП «Апостольский город – Невская перспектива», 2013. С. 375–391.
- 114. Лаппо-Данилевский А.С.** Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского Московского университета В.О. Ключевского // В.О. Ключевский: pro et contra, антология / Сост., коммент. А.В. Малинова, вступит. ст. Р.А. Киреевой. СПб.: НП «Апостольский город – Невская перспектива», 2013. С. 391–397.
- 115.** Речь А.С. Лаппо-Данилевского, произнесенная 9 мая 1890 г. на диссертационном диспуте в Санкт-Петербургском университете во время защиты магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований» // Мир историка : историографический сборник / [редкол. : В.П. Корзун, С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. – Вып. 9. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 51–59.
- 116. Лаппо-Данилевский А.С.** Записка об ученых трудах П.Б. Струве // Вече. 2015. №. 27-1. С. 269–272. ISSN: 2073-5723eISSN: 2226-3373.
- 117. Лаппо-Данилевский А.С.** Методология истории. Введение // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3 (68). С. 44–58.
- 118. Лаппо-Данилевский А.С.** Методология истории. М.: Академический проект, Деловая книга, 2013. 608 с.
- 119. Лаппо-Данилевский А.С.** Развитие науки и учености в России // ст. в сб. ст. Архив истории науки и техники. Вып. V (XIV). Отв. ред. С.С. Илизаров. М.: «Янус-К», 2015. – 592с. ISBN: 978-5-8037-0647-2.
- 120. Бухерт В.Г.** «Без просвещения свобода не имеет большой цены и крепости». Статья А.С. Лаппо-Данилевского о необходимости создания института социальных наук. Июль 1918 г. // Исторический архив. 2013. № 2. С. 4–13. ISSN: 0869-6322.
- 121. Лаппо-Данилевский А.С.** Об Институте социальных наук. Записка комиссии Российской Академии Наук // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3(68). С. 59–61.

122. Лаппо-Данилевский А.С. Общее обозрение (Summa) основных принципов обществоведения. Курс 1902–1903 гг. // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 96–105.

123. Лаппо-Данилевский А.С. Изложение и критика теории Д.С. Милля (фрагменты рукописи «О социологии») // Вече. 2015. №.27-1. С.233–269 ISSN 2073-5723.

124. Лаппо-Данилевский А.С. О теории ценности (фрагменты) // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 182–189.

125. Письмо А.С. Лаппо-Данилевского М.А. Дьяконову от 12.05.1890 г. // Мир историка : историографический сборник / [редкол.:В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. – Вып. 9. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 61–64.

126. Письма А.С. Лаппо-Данилевского по поводу издания сборника «Русская наука» // Мир историка : историографический сборник / [редкол.:В.П. Корзун, С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. – Вып. 9. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 66–69.

POGODIN Sergey N. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia. E-mail: pogodin56@mail.ru.

A.S. LAPPO-DANILEVSKY IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article deals with the latest (from 2013) historiography about A.S. Lappo-Danilevsky. A bibliography of works in which the biography, the historical concept of A.S. Lappo-Danilevsky, his research on the methodology of history, sociology, etc. A description is given of the texts published in recent years by A.S. Lappo-Danilevsky.

A.S. LAPPO-DANILEVSKY; HISTORIOGRAPHY; METHODOLOGY;
BIOGRAPHY; PUBLICATIONS

УДК 930.85

М. Ю. Савельева

**«ОСНОВНОЙ ВОПРОС РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»
(П. ЧААДАЕВ CONTRA В. СОЛОВЬЁВ)**

САВЕЛЬЕВА Марина Юрьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии науки и культурологии Центра гуманитарного образования. Национальная академия наук Украины. Ул. Владимирская, 54, г. Киев, 01030, Украина. E-mail: mars6464@gmail.com.

В статье рассматривается проблема оснований мировоззренческой позиции П.Я. Чаадаева, определяются критерии философского характера его мышления и обосновываются причины негативности его историко-философской концепции.

МЫШЛЕНИЕ; ФОРМА; МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ; ИСТОРИЯ; ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ; ВСЕЕДИНСТВО; ПРОТИВОРЕЧИЕ; ПАРАДОКС

Критерием философского мышления является, как известно, особым образом поставленная проблема сознания – как проблема возможности его отношения к бытию путём восприятия бытия во времени. Эта предельно широкая формулировка получила название «основного вопроса философии» и в различные исторические периоды аргументировалась по-разному в различных культурах; именно с него берёт начало история философской мысли того или иного народа. Однако встречаются исключения, когда форма (смысл) основного вопроса вступает в неразрешимое и абсолютное противоречие с содержанием (способом его разрешения), в результате чего акт мышления обесмысливается, как будто уничтожая собственные основания. Примером такого исключения является философско-историческая концепция П.Я. Чаадаева. Необычная манера его размышлений, их нарочитое несоответствие нормам философского дискурса привели к тому, что *начало истории русской философии оказалось окутано мифологической оболочкой*, – как будто множится,

повторяется через десятилетия, однажды потерявшись во мгле парадоксального ума «русского европейца».

Иными словами, русская философия отличается от философских опытов других народов тем, что её начало растягивалось между жизнями двух мыслителей – П.Я. Чаадаева и В.С. Соловьёва. Периоды их творчества охватывают довольно большой отрезок времени, как для XIX века – четверть века; когда Чаадаева не стало, Соловьёву было три года. По разным причинам, среди исследователей нет единодушия в том, кого же считать родоначальником русской философии. Очевидно, камнем преткновения являются особенности формулировок или понимания основного вопроса философии, которые и выступают критериальными для философского статуса мышления.

Рассмотрим формальный аспект этой проблемы, ибо анализ аспекта содержательного не приводит к сколько-нибудь ясному выводу: в деталях, по силе аргументов оба мыслителя примерно равнозначны, выигрывая и проигрывая в решении различных вопросов. Очевидно, что сравнение целей и задач, поставленных каждым в отдельности, – дело заранее провальное, ибо эти цели и задачи диктовались конкретными историческими условиями. Изучение проблемы должно осуществляться на уровне анализа *формы мышления*. Только так может быть понята историческая и логическая необходимость основных принципов отношения к миру и методов его познания, выдвигаемых обоими мыслителями.

И П.Я. Чаадаев, и В.С. Соловьёв ставили одну и ту же проблему возможности бытия во времени, с той лишь разницей, что первый рассматривал категорию бытия лишь в отношении России, второй рассматривал бытие в целом и место русского человека в нём. Иными словами, то, что П.Я. Чаадаев начал исследовать как конкретную социальную проблему, четверть века спустя завершил В.С. Соловьёв, оформив идею Всеединства как универсальную, тем самым оформив её в течение «русской религиозной философии». Чаадаев замкнул вопросы онтологии и исторической логики на сферу российской истории, преградив ей путь к продуктивному контакту с другими культурами, в то время как В.С. Соловьёв поднял российскую историю через познание сущности Бога

и основ нравственности до онтологических высот и показал основание её единства с другими культурами. И потому четверть века между ними с необходимостью должны были пройти в спорах западников и славянофилов, чтобы на основании их взглядов синтезироваться, сняться в философии В. Соловьёва. В этом смысле опыт Чаадаева является необходимым *подготовительным* этапом для российской философии, а его субъект совершенно заслуженно должен быть признан, если не полновесным философом-теоретиком, то, по крайней мере, «отцом русской философии», подобно Геродоту, признанному «отцом истории».

В пользу философского характера мышления П.Я. Чаадаева говорит предварительно сформулированная им задача строго рационального и обобщённого отношения к окружающей действительности и понимание зависимости бытия этого мира от состояния сознания. Однако в целом правильная постановка проблемы сопровождалась не во всём соответствующими её сути средствами разрешения, в качестве которых мыслитель выбрал абсолютную оппозицию, предельный личный протест не столько против политической атмосферы, царящей в стране, сколько против всего исторического существования государства Российского. В первом из «Философических писем» читаем: «...Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всём остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия. Впрочем, то, что издавна составляет самую суть общества и жизни, для нас ещё только теория и умозрение... <...> Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведён на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чём не содействовали движению вперёд человеческого разума, а всё, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего

пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь. <...> Даже в области той науки, которая всё охватывает, наша история ни с чем не связана, ничего не объясняет, ничего не доказывает. Если бы орды варваров, потрясших мир, не прошли прежде нашествия на Запад по нашей стране, мы едва были бы главой для всемирной истории. Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера. <...> В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс. Одним словом, мы жили и сейчас ещё живём для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдалённым потомкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в интеллектуальном порядке» [1, с. 323, 330].

Социальная группа, позицию которой представлял Чаадаев, получила в российском общественном мнении название «лишних людей». Среди сформировавших её объективных факторов на первом месте, вероятно, стоит мировоззренческий кризис, случившийся вследствие противоречия, возникшего между подъёмом международного авторитета России, после победы в Отечественной войне 1812 г., и одновременным усилением консерватизма её внутренней политики. Освобождая других, российская правящая верхушка несколько не заботилась о том, чтобы народ адекватно воспринимал европейскую действительность, столкнувшись с ней лицом к лицу. Более того, монарху было выгодно поддерживать в народе идею тождества наполеоновских имперских планов и европейского мировоззрения в целом. Поэтому, одержав победу над Наполеоном и освободив народы Европы от «узурпатора», российское общество вернулось к довоенному состоянию. Всё это, в конечном счёте, привело к оживлению деятельности полуправильных и нелегальных обществ и закончилось вполне закономерно поражением декабристского предприятия и установлением николаевской реакции. Однако этим не исчерпывается основание появления «лишних людей». Нельзя не учитывать, что Чаадаев, фактически, оказался единственным в

многочисленной среде российских интеллектуалов, сделавшим неопределённость и неустроенность своей жизненной позиции своеобразным преимуществом – публичным достоянием и даже основанием для художественного воплощения. Да, он прошёл войну, участвовал в Бородинском сражении, дошёл до Парижа, был отмечен наградами императора и повышен в звании за проявление мужества. Вернувшись в Россию, он уже не нашёл прежнего мира – ни вокруг, ни в собственной душе. Очевидно, дело было также в особенностях его характера. Он, несомненно, принадлежал к тому разряду одарённых, образованных, остроумных, но не слишком пронизательных русских людей, которые позднее вызывали наибольшее беспокойство В.С. Соловьёва. Внутренний мир такого человека «был одинаково далёк как от умственного, так и от сердечного младенчества. Он был ещё юн, но благодаря своей высокой гениальности к тридцати трём годам широко прославился как великий мыслитель, писатель и общественный деятель. Созная в самом себе великую силу духа, он был всегда убеждённым спиритуалистом, и ясный ум всегда указывал ему истину того, во что должно верить: добро, Бога, Мессию. В это он верил, но любил он только одного себя. Он верил в Бога, но в глубине души невольно и безотчетно предпочитал Ему себя» [2, с. 197–198]. Эта характеристика не относилась к Чаадаеву, но была как будто словесным портретом его натуры, – всесокрушающее свободомыслие стало «горем» для его ума и было совершенно не тем, что требовалось для становления его философской культуры. Чаадаев немедленно и воодушевлённо откликнулся на зов «европейских ценностей», но не удосужился переосмыслить ценности отечественной культуры, тем более, не искал между ними связей или параллелей. То есть, по сути, действовал по ситуации, а не искал формальные основания жизненного самоопределения и предназначения.

Резко отрицательное, бунтующее отношение к современности, особенно современности отечественной, – далеко не редкость в начале XIX века. Более того – позднейший нигилизм Ф. Ницше превзошёл нигилизм Чаадаева, ибо не ограничивался критикой отечественной истории, направляясь на всё человечество. И, тем не менее, именно нигилизм российского мыслителя заставляет *сомневаться* в философском

статусе его мышления. Критика, с которой Чаадаев обрушивался на прошлое и настоящее России, касается предметной действительности как таковой, в отрыве от отношения человека к ней. Равно как и восхищение западноевропейской культурой затрагивает лишь её предметную сторону, один идейный мотив – становление рационализма, тот самый пункт, по которому Россия и Запад, действительно, расходились. Чаадаев абсолютизировал его и получил стабильную картину «вечного отлучения» России от Запада. Такое отношение к действительности есть «*некритическая критика*», формально-метафизический протест, непродуктивное отрицание, за которым ничего не стоит, в отличие, к примеру, от критики в трудах Канта или Гегеля. Философия как «эпоха, схваченная мыслью», всегда направлена на подведение итогов прошлого и примирение с ним, и потому не может являться реакцией на перемены в настоящем, – она сама становится основанием этих перемен. А значит, для её появления нет внешних причин, как нет причин для проявления свободы. *Философия и есть форма свободы мышления* – вопросительная форма отношения к миру. Но у Чаадаева она как раз выступает в форме не свободного поставленного вопроса, а вынужденного и вымученного ответа, – гиперэмоциональной реакцией на события окружающей действительности.

Недовольный конкретными обстоятельствами в российской жизни, Чаадаев апеллировал к абстрактным принципам просвещения, демонстрируя единственно возможный для этого способ отношения к миру – *способность суждения*, не оставляющего выбора собеседникам: «Народы – существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру» [1, с. 326]. Как видим, в основании способности суждения лежит, с одной стороны, не логическая, а эстетическая идея – *идея вкуса*, по сути являющаяся индивидуально-субъективной. С другой стороны, – принцип подмены смысловых связей при внешнем соблюдении законов формальной логики. Абсолютизовав вырванную из контекста логическую связь (в данном случае, рационализм), Чаадаев в другой

ситуации пытался такую связь установить, но, не имея на это объективных оснований, *порождал ложную связь* (в данном случае, утверждал тождество между индивидом как родовым существом и народом). То есть, *мифологизировал* ситуацию. Тогда, продолжая мысль Чаадаева, можно сказать, что *если философия есть способ извлекать урок из прошлого, то российский народ является не субъектом, а объектом философского размышления...* Или, можно сказать иначе – *он стимулирует другие народы философствовать, сам оставаясь за пределами рефлексии, выступая средством реализации чьих-то чужих целей...* Он действительно не может выносить уроки из собственной истории, ибо на это ему не оставлено времени: Чаадаев вынес ему суровый приговор, и на место уроков вверил в обязанность отбывание повинности.

Во второй половине жизни Чаадаев продолжал обращаться к проблеме смысла и цели существования российского народа, и мотив парадоксальности суждений только возрастал. По мнению мыслителя, миссия государства и общества Российского – в том, чтобы связать в единое целое Запад и Восток, поскольку особенность России в том, чтобы не принадлежать никому. Иными словами, если следовать логике Чаадаева, этой сущностью является «ничто» в сопоставлении с «бытием» Запада и Востока. И парадокс заключается в познании российским народом себя в качестве этого «ничто» и завершении на этом собственной истории.

Однако нетрудно заметить, что суждение Чаадаева не только одиозно, но и содержит скрытое высокомерие, как ни странно это звучит. Признание культурной и исторической несостоятельности выступает у него проявлением «гордыни наоборот», апофатической формой мессианства российского народа: если нет возможности *вознестись* над всеми, следует *пасть* в бесконечную бездну собственного уничтожения, понять себя как великого неудачника или великое основание, и тем самым привлечь всеобщее внимание. Парадоксальным образом круг замыкается, «последний» становится «первым» во всей своей предельности и неповторимости, и даже «единственным», соединяя пределы мировой культуры. Кто сам является воплощённым уроком, не нуждается в уроках для себя: «у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить

большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество. ...Мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества» [3, с. 534]. И потому, клеймя и бичуя отечественную историю и культуру, Чаадаев вполне логично лишал европейцев спокойствия, – невольно сеял среди них страх перед Россией и сомнения в их собственной силе, потому что грозил возможным подчинением стихии... Тем, что у В.С. Соловьёва оформилось понятием «панмонголизм».

Вероятно, Чаадаев раньше других соотечественников понял, что установки эпохи Просвещения, которые в Европе в большей мере смогли реализоваться, в России так и остались идеалами. И вот теперь российский дух оказался в тупиковой ситуации, когда проект просвещения утратил на Западе былую новизну, и на передний план вышли идеи социально-политического характера, но новые буржуазно-демократические устои ещё не сформировались, – Европа ещё не пришла в себя после узурпации Наполеона. И Чаадаев полагал, что у России есть какое-то время, чтобы наверстать упущенные годы и овладеть, наконец, основами просвещения. И это свидетельствует о том, что его удручали собственные деструктивные выводы. Однако он был *в целом* недоволен историческим прошлым России, и потому его предложение усовершенствовать настоящее в Отечестве посредством усиления роли религии и морали выглядело неожиданно банальным, беспомощным и анахроничным. Ведь если в государстве в целом всё очень плохо, наверняка так же плохо и непродуктивно в отдельных сферах жизнедеятельности. Возникает вопрос, на каком основании будут развиваться и совершенствоваться религия и мораль, если, по мнению мыслителя, общество в принципе не способно к совершенствованию...

Иными словами, Чаадаев, будучи сторонником просветительской концепции нравственного прогресса как основания прогресса общекультурного, в отличие от просветителей Западной Европы, не мог определить оснований самого нравственного прогресса. И эта особенность

также указывает против философского характера его мышления. Чаадаев был убеждён, что состояние нравственности индивида и общества имеет внешнюю причину – зависит от общего качества жизни: «Настоящее развитие человеческого существа в обществе ещё не началось для народа, пока жизнь не стала в нём более упорядоченной, более легкой, более приятной, чем в неопределённости первой поры. Пока общества ещё колеблются без убеждений и без правил даже и в повседневных делах и жизнь ещё совершенно не упорядочена, как можно ожидать созревания в них зачатков добра? Пока это всё еще хаотическое брожение предметов нравственного мира, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали современному состоянию нашей планеты в её теперешнем виде. Мы до сих пор ещё в таком положении» [1, с. 325]. Он не принимал во внимание, что нравственная сфера сама является неотъемлемой составляющей социальной жизни, формирующей её состояние. Чаадаев рассматривал нравственность как *следствие* развития объективных условий – политики, права, искусства, науки. Которые, в свою очередь, получают толчок совершенствованию на основании господства православия. А это уж никак не может сблизить Россию с Европой в плане становления общественного самосознания и самопознания. Впрочем, Чаадаев этого не замечал, трактуя историю западноевропейских государств по аналогии с российской историей: «Народ, личность которого ярче всех обозначилась, учреждения которого всегда более отражают новый дух, – англичане, – собственно говоря, не имеют истории, помимо церковной. Последняя их революция, которой они обязаны своей свободой и процветанием, а также и вся последовательность событий, приведших к этой революции, начиная с Генриха VIII, не что иное, как религиозное развитие. Во всём этом периоде интересы собственно политические проявлялись лишь в качестве второстепенных побуждений, а подчас они совершенно исчезали или же приносились в жертву убеждениям» [1, с. 336]. Таким образом, роль религии также трактовалась им гипертрофированно и, значит, исторически необъективно. И это в корне отличало позицию Чаадаева от западноевропейской; последняя как раз отражала возможность морального прогресса как следствия *автономии* нравственности в отношении к религии. Как видим, это ещё один пример того, как

подменяются местами причина и следствие, если их вырывают из контекста. Сущность предложенного русским мыслителем состояла в том, что проблема, заявленная как *глобальная*, должна была решаться реформами *частных* сфер общественной жизни. А нравственность и религия трактовались именно как частные сферы, поскольку он не видел их связи с другими материальными и духовными сторонами общественной жизни.

В результате изображённая мыслителем картина содержит *не противоречие*, разрешение которого способствует реальному осуществлению исторического развития, а *парадокс* – отсутствие противоречия, простую констатацию невозможности что-либо изменить или переоценить. В самом деле, Чаадаев утверждал, что *решительно ничего* из истории России не может рассматриваться как объективное основание дальнейшего становления общества; и, предполагая в качестве выхода из ситуации частные реформы религии и нравственности, предустанавливал очередное фиаско для внесения чего-то существенно нового и прогрессивного в историю России, в частности, в сферу становления российского духа. Он видел лишь два пути её исторического движения: либо ученичество и подражание, либо разрушение и извращение европейских ценностей. В одном из них он должен был найти себя, ибо их единство или альтернатива по определению невозможны. И здесь становится понятна *ирония* Чаадаева; он понимал: что бы он для себя ни выбрал, в глазах общественности он неминуемо был обречён на ошибку как мыслящий субъект. Осознанно выбирая один из двух путей, либо же осознанно пытаясь обосновать третий, срединный путь, мыслитель выступал *умалишённым* (в данном контексте – безрассудным) для подавляющего большинства современников. Для одних – потому что они с этим не были согласны, для других – потому что не понимали, как, отважившись признать такое во всеуслышание, он продолжал жить в этой стране, не ища другой родины...

Вот почему П.Я. Чаадаев продолжает оставаться «на пороге» истории русской философии, её *предтечей*. Его критика могла бы стать продуктивной, если бы вопрос о возможности бытия был поставлен им применительно ко всей истории России с целью отыскать историческую необходимость и прогрессивный характер каждого отдельного её периода.

То есть, с положительной целью, как это делали, к примеру, Н.М. Карамзин или А.С. Пушкин [4, с. 464–466, 688–690]. Тогда и оценка настоящего обрела бы основание – историческую логику, а вместе с ней и объективность.

Чаадаев не смог довести до завершения свою систему, поскольку ошибся с методами. *Вместо постановки «основного вопроса» он дал ответ о невозможности для России бытия во времени как следствия невозможности рационального сознания.* Тем не менее, он всё же первым в России продемонстрировал формальный критерий философствования – поставил *проблему* необходимости единства российского общества как критерия его будущего. Как мы знаем, в предыдущее столетие такое единство не считалось проблемой; в частности, М.В. Ломоносов полагал его уже осуществлённым средствами просвещённой монархии, развития наук и искусств, и не делал различий между «обществом» и «народом». Чаадаев уже не мыслил столь однозначно и оптимистично, полагая, что решение этой задачи имеет причины в равной степени внешние, общественные, и внутренние, личностные. Он поставил *проблему* будущего сосуществования народов как *противоречивого единства национального многообразия*, и размышлял над обстоятельствами, когда «у всех народов образовалось бы истинное национальное сознание, состоящее из некоторого числа положительных идей, очевидных истин, выведенных на основе их воспоминаний, из твёрдых убеждений, которые господствовали бы в большей или меньшей мере над всеми умами и направляли бы их к одной и той же цели. И тогда национальности, которые до сих пор лишь разделяли людей, избавившись от ослепления и от страстного преследования своих интересов, объединились бы для достижения согласованного и всеобщего результата; тогда все народы протянули бы, может быть, друг другу руки и вместе пошли бы к одной цели» [5, с. 397–398]. Однако слабым местом аргументов Чаадаева была установка на абсолютную культурную оппозиционность России. В отличие от него, В.С. Соловьёв смог аргументировать действительно диалектическую *идею единства как всеединства*, исходя именно из необходимости видеть Россию в мировом сообществе, несмотря ни на какие культурно-исторические особенности её становления. Только так

могла быть сформирована и понята идея возможности бытия во времени – в масштабах всего общественного бытия. Только так она обретала смысл и наделяла смыслом бытие как таковое.

Иными словами, основной вопрос философии был сформулирован Чаадаевым как «основной вопрос *русской философии*», – по-русски, неповторимо, с учётом представлений об уникальности России и её «невозможности» для Европы. Но это же стало основанием слабости российского философского мышления, отодвинув её продуктивное начало на четверть века, ибо поставлен этот вопрос был на уровне содержания, но не формы мышления. Вывести его за пределы содержания удалось только В.С. Соловьёву, который одним из первых основательно аргументировал всеединство как общемировой и общекультурный феномен. Всеединство в России, по его мнению, невозможно в отрыве от единства с другими обществами и государствами. А это, в свою очередь, означает, что оно возможно лишь как абсолютное воплощение и реализация всех сторон культурного бытия, – в том числе моральной и религиозной его сфер. Всеединство человечества есть его Богочеловеческое состояние, – реализованная в реальном мире онтология, рациональным образом постигнутое Царство Божие, Абсолютная Истина Божьего замысла и Абсолютное Благо. И произойти это может не иначе как через *обоюдное примирение* российской действительности и действительности общемировой, – то есть как *философский, рефлексивный акт, осуществлённый в масштабах всего человечества. Как всеобщее самопознание, всем человечеством осмысленное историческое прошлое и всеобщим путём сделанный урок на основании всемирной истории*. Только в таком совокупном акте смогут осуществиться качественные трансформации нравственного и религиозного опытов, и этот акт никоим образом не должен размежёвывать Россию и другие народы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Чаадаев П.Я.** Философические письма. Письмо первое / Пер. с фр. // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том I. М.: Наука, 1991.
2. **Соловьёв В.С.** Три разговора. Краткая повесть об антихристе // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / Под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2 изд. Т. 10. СПб.: Книгоизд. Тов-во «Просвещение», 1914.

3. **Чаадаев П.Я.** Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том I. М.: Наука, 1991.
4. См.: **Пушкин А.С.** П.Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 г. Из Петербурга в Москву / Пер. с фр. // **Пушкин А.С.** Полн. собр. соч.: В 10 томах. 4 изд. Т. 10. Письма. Л.: Наука, 1979. С. 464–466; 688–690.
5. **Чаадаев П.Я.** Философические письма. Письмо шестое.

SAVEL'EVA Marina Yu. – National Academy of Sciences of Ukraine. Str. Vladimirskaya, 54, Kyiv, 01030, Ukraine. E-mail: mars6464@gmail.com.

**THE MAIN QUESTION OF RUSSIAN PHILOSOPHY (P.J. CHAADAEV
CONTRA V.S. SOLOVYOV)**

The article deals with the problem of world outlook position of P. J. Chaadaev, defined criteria of a philosophical nature of his thinking and justified the reasons for his negative historical and philosophical concepts.

THINKING; FORM; WORLD OUTLOOK; HISTORY; PHILOSOPHY OF HISTORY; UNITY; CONTRADICTION; PARADOX

УДК 930.85

Т. Д. Суходуб

**«НОВЫЙ ГУМАНИЗМ» ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ
М.А. ВОЛОШИНА**

СУХОДУБ Татьяна Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент Центра гуманитарного образования. Национальная академия наук Украины. Ул. Владимирская, 54, 01030, г. Киев, Украина. E-mail: borftat@mail.ru.

Философия истории М.А. Волошина исходит из принципа связи исторических эпох: события прошлого как «праформы» определяют современную историю. Так, разгром ордена тамплиеров в начале XIV ст. определил, по его мнению, «генеалогию террора» Великой французской революции, а она, в свою очередь, создала праформу революционных событий в новейшей истории, в том числе и в России. Революции, согласно Волошину, связаны не только с идеей справедливости, но и мести. Отсюда жанр трагедии – код истории. «Новый гуманизм» мыслителя означает культивирование принципов человечности и личностной солидарности с Другими.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ; РУССКИЙ «СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК» («SILVER AGE»); КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ; «НОВЫЙ ГУМАНИЗМ»; ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ; ФИЛОСОФСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ М.А. ВОЛОШИНА

Несмотря на то, что у М.А. Волошина, известнейшего поэта, художника, литературоведа русского Серебряного века, нет академически-философских работ и потому в нём не очень-то принято видеть философа, рискну утверждать обратное. Его понимание истории, мировой и русской, оценка прошлых и современных ему революционных событий, его видение культурно-цивилизационного пути человечества создают интереснейшую историософскую концепцию. Тем не менее, как философ истории он практически неизвестен.

Волошинская философия истории основывается в первую очередь на положении о том, что за всеми событиями современной истории стоят, определяя их сущностную основу, события прошлого. Целесообразно, думаю, обозначить эту минувшую, ушедшую в прошлое историческую «основу» понятием «праформы». Сам же М.А. Волошин, подчёркивая

удивительнейшую, открывшуюся ему историческую связь разных эпох, опирается на слово «повторение», употребляя его в категориальном значении. Определяя логическое содержание данного термина, мыслитель проводит параллель между, образно говоря, историями людей, их особыми жизненными путями, весьма отличающимися биографиями и историей человечества. То есть, подобно тому, как история отдельной личности (при всей уникальнейшей, неповторимой её составляющей) несёт в себе одни и те же начала – «смерть, любовь, самопожертвование», повторяющиеся «в незыблемые моменты» в *к а ж д о й* жизни, так и в истории человечества имеются в определённом смысле тождественные события.

Поясняя свою мысль, М.А. Волошин подчёркивает как бы закономерное для духовного роста людей невольное «сокрытие» от самих себя факта жизненных «повторений» обстоятельств бытия, ведущее к неосознанности практически всеми своей судьбиной идентичности с другими. Именно поэтому, утверждает он, в «незыблемые» моменты своей жизни «никто не видит и не чувствует их повторяемости: для каждого, переживающего их, они кажутся совершенно новыми, единственными, доселе никогда не бывавшими на земле» [1, с. 193]. Однако, в этих же по сути тождественных, «повторяющихся» параметрах, теперь уже общественного бытия, осуществляется и всеобщий исторический процесс – общий для всех или для очень и очень многих, но с той только разницей, что «Подобными моментами в жизни народов бывают Революции. С неизменной последовательностью проходят они одни и те же стадии: идеальных порывов, правоустановлений и зверств – вечно повторяющие одну и ту же трагическую маску безумия и всегда захватывающие и новые для переживающих их» [1, с. 193].

Итак, одним из первых обоснований идеи о непосредственной связи, казалось бы, исторически далёких эпох, о закономерной проекции прошлого на будущее, наблюдаемой в истории, была волошинская статья «Пророки и мстители». Она впервые была опубликована во втором номере журнала «Перевал» за ноябрь 1906 г. [2]. И хотя её подзаголовок «Предвестия Великой Революции» был дан редактором, тем не менее, именно этим уточнением поясняется главная авторская задумка – указать на событие, предопределившее кардинальный слом европейской истории

на излёте эпохи Просвещения. Автор, безусловно, хорошо знает философско-интеллектуальные истоки Французской революции, событийную её историю, деятельность политических лидеров, оценки последующих интерпретаторов, много цитирует, поясняя смыслы происходящего, но главным для него остаётся желание увязать некие события в единое целое, тем самым найти в их связи некий «код» непосредственного разворачивания исторического процесса. Речь идёт о двух датах – 21 января 1793 года и 18 марта 1314 года, находящихся, по мысли Волошина, хотя и не в явной, вернее – не проявленной, но в «неразрывной связи» [1, с. 205].

Проще всего было бы пойти в интерпретации этой мысли М.А. Волошина по поверхностному пласту его текста, в котором, действительно, можно вычитать, что разгром ордена тамплиеров в начале XIV века, казнь его Великого Магистра Якова Молэ определили события конца XVIII, тем самым демонстрируя месть ордена наследникам короля Филиппа Красивого, по чьей воле и заговору с другими государями было разрушено могущество этого рыцарского ордена, создавшего, впрочем, на своих обломках тайное общество франкмасонов, которое через столетия передаст, по версии Волошина, Великой революции свой девиз: *Liberté, Egalité, Fraternité*. Таким образом, клятва тамплиеров о мести Бурбонам исполняется – именно этим объясняются «революционные зверства» и беспощадные «сокрушения государственных строев старой Европы». При этом, конечно, важно было бы не забыть и про Бастилию, место заточения Молэ, указав на символичность её взятия, с чего, собственно, и началась Великая революция. Всё это, действительно, в «Пророках и мстителях» имеется. Неслучайно А.В. Амфитеатров, близко знакомый с Волошиным с «парижских молодых дней», объяснял рождение подобного рода идей увлечённостью поэта мистикой, характерным для Макса, как говорил, «воображательством». В частности, в воспоминаниях литературного собрата под красноречивым названием «Чудодей» описывается парижская лекция Волошина на тему – «Предвестия и пророчества», прочитанная им в Русской Высшей Школе Социальных наук и из которой позднее и родилась анализируемая нами статья.

Пригласил лектора сам А.В. Амфитеатров, зная, что «Волошин обстоятельно изучал эпоху» и будучи уверенным, что «изложение будет блестящим». И вот: «Взобрался чудодеем на кафедру и – перед двумя сотнями меньшевиков, большевиков и эсеров, сплошь овеванных духом “исторического материализма”, – давай дерзновенно рассказывать... спиритические анекдоты, вроде видения Казота, – “бабы басни”, одна фантастичнее другой... В зале смех, перешептывание, язвительные возгласы. Я сижу, как на иголках, ежеминутно ожидая скандала» [3]. Скандал, тем не менее, не состоялся, хотя, как описывает инициатор лекции, студенческий комитет и устроил ему «сцену, язвительно осведомляясь – какое отношение имеют подобные лекции к социальным наукам и намерен ли я допускать их впредь» [3]. Вопросы, однако, остались актуальными и до сих пор.

Так что же стояло (да и стоит) за этим «воображательством» М.А. Волошина, не понятым ни его товарищем, ни слушателями-революционерами? Последние в совсем недалёком времени, окончательно разделившись на противоборствующие группы, начнут «переделку» страны (хотелось бы считать родины!) столь радикальную, что о смысле (или бессмыслице?) которой Мастеру потребуется уже не мистико-историческое, а поэтическое слово, способное более точно, до ставших обыденными кровавых деталей и непрерывной душевной боли, описывать события истории:

*... Но каждый,
Дорвавшийся до власти, сознает
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела.
Чтоб довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное правительство должно
Активом террора
Покрыть пассив усобиц,
Так революция,
Перетряхивая классы,*

*Усугубляет государственность:
 При каждой
 Мятежной спазме одичалых масс
 Железное огорлие гарроты
 Сжимают туже шейные хрящи.
 Благонадёжность, шпионаж, цензура,
 Проскрипции, доносы и террор –
 Вот достижения
 И гений революций!*

(Государство [4, с. 174–175].

Книга «Путями Каина». 13 апреля 1922 г.)

Слова Волошина-поэта невольно делали его историком, скрупулёзно свидетельствующим о жестоких фактах бытия человека на переломе эпох. А вот Волошин-философ был убеждён, что «только времена, надвигаясь и множа факты, дают ключ к пониманию смутных слов старых предвидений, опрозрачивая образы, и выявляя понятия в невнятных рунах прошлого» [1, с. 192], поэтому «вполне принимая общепринятое изложение экономических, социальных и психологических причин, подготовивших Великую Революцию, – писал он, – мы не можем не признать, что у террора, являющегося, по своему существу, идеей справедливости и мести, есть иная генеалогия, чем та, которую нам обычно предлагают как генеалогию Французской революции» [1, с. 205]. Объясняя последнюю, М.А. Волошин считал, что революционный террор закладывался действительно событиями XIV столетия, а события во Франции XVIII века создавали, в свою очередь, некую форму последующих революционных процессов новейшей истории, в том числе и в России.

Все эти идеи, конечно, содержались в волошинских «Пророках и мстителях», но, тем не менее, проведенные мыслителем исторические параллели недопустимо понимать и толковать буквально, ибо речь идёт о более «тонких» исторических материях. Главная трагедия истории, считает Волошин – души людей, нелепый, жестокий «пароксизм любви», охвативший их и вызванный острой формой переживания справедливости или какой-либо иной идеи. Отсюда, утверждает философ, «идея справедливости – самая жестокая и самая цепкая из всех идей,

овладевавших когда-либо человеческим мозгом. Когда она вселяется в сердца и мутит взгляд человека, то люди начинают убивать друг друга» [1, с. 193]. Иначе говоря, Революция – это не столь «политический и социальный переворот», сколь – «громадный духовный кризис, психологическое потрясение целой нации» [1, с. 192]. Именно поэтому, размышляя над судьбами палача Марата и праведницы, мученицы Шарлотты Корде, осуществившей, как казалось, справедливое возмездие, Волошин воспринимает их судьбы одинаково трагичными. Он считает, что «В гармонии мира страшны не те казни, не те убийства, которые совершаются во имя злобы, во имя личной мести, во имя стихийного звериного чувства, а те, которые совершаются во имя любви к человечеству и к человеку. Только пароксизм любви может создать инквизицию, религиозные войны и террор» [1, с.194].

Расправляясь с аристократами, революционно настроенные граждане, конечно, верили в «праведность» своего гнева; убеждали себя и других в том, что, убивая, открывают дорогу Справедливости, совершают «таинство священного очищения нации» – сколько раз после Великой Революции срабатывала кровавыми своими следствиями такого рода уверенность. Об одной из них, спустя годы, уже в «новых» исторических обстоятельствах, поэт напишет:

*Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращённых в прах,
Из мук казнённых поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений –
Возникнет праведная Русь.
Я за неё за всю молюсь...*

(Заклинание (от усобиц) [4, с. 122].

Из книги «Неопалимая купина». 19 июня 1920 г.)

М.А. Волошин подчёркивал, что понимание, вернее, предчувствие, предвидение неких исторических «повторений» рождается в человеке не сразу, а скорее под впечатлением от пережитого им страха и желания (как можно предположить) понимать, о чём философ пишет следующее: «Без

сомнения, наше чувство будущего, подобное памяти – чувству прошлого, возникает именно в том промежуточном пространстве – между страхом и желанием. И оно уже есть в нас отчасти» [4, с. 192]. Это «отчасти» Волошин связывает с Ф.М. Достоевским, считая, что в его творчестве это предвидение-понимание было, что он будущее знал. Неслучайно, статья «Пророки и мстители» начинается с довольно большой известной цитаты, правда не вполне точной, из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», описывающей сны Раскольникова во время болезни на каторге. И хотя первая волошинская строчка как будто говорит о случайности цитаты в его тексте: «Я развернул книгу наугад, и мне раскрылась такая страница...» [4, с. 188], это, конечно, не так – понимание истории Волошиным рождается под глубоким впечатлением от художественных произведений Достоевского. Не воспроизводя цитату полностью, укажем всё-таки на особо значимые для Волошина строки: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осуждён в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. <...> Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нём в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром» [5, с. 516]. Эти вопросы касались трагичности исторического бытия, вернее, трагической связи человека с историей, особенно в эпохи глубоких революционных трансформаций. Это были вопросы о странных, едва заметных в преходящих исторических процессах «повторениях» прошлого, о том, возможно ли отыскать хоть какой-то смысл истории, тем более, когда речь идёт об обстоятельствах, в которых требуются всё новые и новые человеческие жертвы; когда добро и зло распределяется, по чьему-то внешнему указанию, между людьми, разделяя их на «правых» и «неправых», не желая вовсе видеть, что в каждом человеке есть место и для добра и для зла.

Именно из текстов Достоевского рождаются волошинские историософские вопросы, открывающиеся и для других в условиях новой

(«повторяющейся», уже когда-то бывшей в иной истории) реальности: «Очевидно, глаза наши до нынешних времён скользили по этим строкам, не видя их. Только дыхание ужаса революции выявило их для нас, как прикосновение огня обнаруживает бледные буквы, написанные химическими чернилами на белом листе бумаги» [1, с. 189]. Лежащее подспудно в пластах истории становилось, таким образом, явью. В своём понимании русской истории философ исходил из того, что человеческое мироощущение всегда облекается в конкретные национальные формы, выявляющие «самую глубинную и самую индивидуальную сущность национальной души» [6, с. 363]. В этом плане он очень точно уловил «код» славянского исторического пути: «Славянская душа трагична в своей сущности, – пишет он. – Сравните её с душою других европейских рас: она отличается от них и глубиной своих эмоций, и напряженностью совести, и остротой трагических противоречий. Она катастрофична» [6, с. 363]. Этой своеобразной ментальной особенностью М.А. Волошин поясняет, почему ни Ф.М. Достоевский, ни Л.Н. Толстой не занимались театром, а создавали «трагический миф». Он видел, что «... русская трагедия может найти свой дом Атридов в “Братьях Карамазовых”, Троянскую войну в “Войне и мире”, Орестейю в “Преступлении и наказании”, Федру – в “Анне Карениной”» [7, с. 367]. В духе жанра трагедии размышляет М.А. Волошин и о событиях мировой истории, видя в них явленную или не проявленную жестокость к отдельному человеку: «Мировые трагедии, – пишет он, – обычно бывают прекрасно срежиссированы. История задолго готовит актёров, ей нужных» [8, с. 101].

Отталкиваясь от конкретных исторических обстоятельств, в перипетиях своего весьма непростого времени, М.А. Волошин выстраивает собственную логику понимания событий и соответственно – свой «новый» гуманизм – этику солидарности и человечности. Волошинский гуманизм вытекал из персоналистского мировоззрения, толкующего личность не как часть или функцию целого (общества, социальной общности), а как целое, значимое само по себе. Отсюда культура предстаёт историей личностей, а история – культурой не массового, родового, коллективного, социального «начал», а способом личностного творческого бытия в культуре. Так, во времена революционных трансформаций, самостояния и противостояния

людей, их катастрофического разъединения, отчуждения, нечеловечности идей и действий, М.А. Волошин создаёт свой собственный «закон» бытия в истории. Этот волошинский закон можно назвать законом «не «исключённого» третьего», когда под этим «третьим» имеется в виду культура, снимающая, в отличие от политики, антагонистические противостояния людей. За этим «третьим», которое не исключить ни при каких обстоятельствах, стоит духовный опыт культивирования любовного внимания к отдельному человеку, «новый» подлинный гуманизм, явленный жизнью самого М.А. Волошина, выступившего в годы гражданской войны подлинным миротворцем «белых» и «красных», «фанатиков непримиримых вер», спасая (друг от друга, по сути) тех и других.

Философ исходил из того, что столь традиционный для «мира людей» логический закон «исключённого третьего», заставляющий мыслить по принципу «или – или» (истинно утверждение или ложно?) нельзя применять в качестве практического закона общественного бытия – как закон прямого действия, ставящий человека перед жестоким выбором – с нами ты или против нас... Нельзя, однако именно в таком качестве в переходные революционные эпохи этот закон и применялся:

*И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
“Кто не за нас – тот против нас,
Нет безразличных, правда – с нами”.*
*А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.*

(Гражданская война [4, с. 113].

Из книги «Неопалимая купина». 21 ноября 1919 г.)

Действующий таким образом логический закон, становясь одновременно и социальным, ведёт только к одному результату – «логике» насилия, принуждения, разрушения (изнутри!) и так хрупкого мира людей и культуры. М.А. Волошин же действует согласно иному закону, никому кричаще его не навязывая, не взывая Других к его исполнению, просто считая, что силу истории «масс» и «коллективностей» можно преодолеть

слабой силой собственной души, силу ненависти – силой любви, силу расчеловечивания – силой человечности. При этом, подчеркнём, волошинская позиция вовсе не была некритическим «примиренчеством» выживания в новых исторических условиях – просто поэт и философ не принимал ненависти как формы социальных взаимоотношений, доказывая, что любить можно только любовью, но не ненавистью, что только любовью можно созидать себя и свой человеческий (и человеческий!) мир. Отсюда его категоричное: «Ненависть является одной из форм выражения любви только для сердец не просветлённых» [9, с. 202].

Волошинская принципиальная надполитичность, «нестайность», уединённость и отъединённость от всех второй своей стороной демонстрировала глубокую солидарность со всеми. Его желание «... в смутах усобиц и войн постигать целокупность / Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих» не являлось уходом из ситуации гражданского конфликта, а, напротив, выказывало глубоко личное сопротивление террору: «19-й год, – вспоминал М.А. Волошин, – толкнул меня к общественной деятельности в единственной форме, возможной при моём отрицательном отношении ко всякой политике и ко всякой государственности, утвердившимся и крепко обосновавшимся за эти годы, – к борьбе с террором, независимо от его окраски. Это ставит меня в эти годы (1919–1923) лицом к лицу со всеми ликами и личинами Русской усобицы и даёт мне обширный и драгоценнейший революционный опыт. Из самых глубоких кругов Преисподней – Террора и Голода я вынес свою веру в Человека...» [10, с. 207]. Конечно, его крайне беспокоило, что Россия была предречена, как считал, перешагнуть «круг безумия справедливости и отмщения», после которого – та «морозная язва», о которой предупреждал ещё почитаемый Володиным Ф.М. Достоевский.

Итак, нельзя не заметить, что в волошинских размышлениях о далёких тамплиерах и давно ушедшем поколении французских революционеров, прежде всего, лежало желание предостеречь соотечественников от кровавых «повторений». Не удалось. И пока нет оснований думать иначе, иметь надежду на иной вариант разрешения противоречий истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Волошин М.А.** Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции // Волошин Максимилиан. Лики творчества. Ленинград, 1988. С. 188–208.
2. **Волошин Максимилиан.** Лики творчества. Ленинград, 1988.
3. **Амфитеатров А.В.** Чудодей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/mv_v_05.htm.
4. **Волошин М.** Любовь – вся жизнь. Стихотворения. Переводы. Статьи. Воспоминания о Максимилиане Волошине. Избранное. Симферополь, 2008.
5. **Достоевский Ф.М.** Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том пятый. Л., 1989.
6. **Волошин М.А.** Достоевский и русская трагедия. Русская трагедия возникнет из Достоевского // Волошин Максимилиан. Лики творчества. Ленинград, 1988. С.362-365.
7. **Волошин М.А.** «Братья Карамазовы» в постановке Московского художественного театра // Волошин Максимилиан. Лики творчества. Ленинград, 1988. С. 365–374.
8. **Волошин М.А.** Поколение 1914 г. // Волошин Максимилиан. Все даты бытия. О себе и о других. М., 2004. С. 101–104.
9. **Волошин М.А.** Судьба Верхарна // Волошин Максимилиан. Все даты БЫТИЯ. О себе и о других. М., 2004. С. 196–202.
10. **Волошин М.А.** Автобиография // Волошин Максимилиан. Все даты БЫТИЯ. О себе и о других. М., 2004. С. 204–208.

SUKHODUB Tatyana D. – National Academy of Sciences of Ukraine. str. Vladimirskaya, 54, Kyiv, 01030, Ukraine. E-mail: borftat@mail.ru.

«NEW HUMANISM» OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY OF M.A. VOLOSHIN

Voloshin's philosophy of history is based on the principle of bonding of historical periods: the events of the past as «parent forms» define the modern history. For instance, the defeat of the Templars in the beginning of 14th century defined, by Voloshin, the «genealogy of terror» of the French revolution, and this revolution, in turn, created the «parent form» of revolutionary events in modern history, including Russian. Revolutions, according to Voloshin, are not only linked to the idea of justice, but revenge. Hence, the genre of tragedy is the code of history, in Voloshin's term of view. His «new humanism» means the cultivation of the humanity principles and personal solidarity with Others.

PHILOSOPHY OF HISTORY; RUSSIAN «SILVER AGE»; CULTURE OF HISTORICAL THINKING; «NEW HUMANISM»; HUMANISM; PHILOSOPHICAL OUTLOOK OF M.A. VOLOSHIN

СОДЕРЖАНИЕ

Погодин С.Н. Колонка главного редактора	5
--	---

К 70 ЛЕТИЮ В.В. ГЛУХОВА

Погодин С.Н. Владимир Викторович Глухов – ученый и университетский профессор. К 70-летию со дня рождения	9
Глухов В.В., Петреня Ю.К., Шилин П.С. Организация инновационной деятельности: обзор теоретических аспектов и практических подходов ...	27
Балашова Е.С. Генезис и эволюция систем управления ресурсами промышленного предприятия	40

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Песцов С.К. Россия и Китай: восприятие друг друга и перспективы сотрудничества	51
Волынчук А.Б. Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия России и Китая в условиях глобальной нестабильности ...	64
Кучумова Е.В., Хуан Чжуан Проблемы формирования имиджа России в Китае на современном этапе	78
Сюй Хао, Ли Цзинчэн Китайско-Российское сотрудничество в области высшего образования (на примере Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне)	97
Ли Цзинчэн Первые русские православные в Китае (по китайским материалам)	105
Новоженова М.Ф., Пантелеева В.Н. Участие Российской Федерации в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе (обзор новейших публикаций)	113
Мохоров Д.А., Мохорова А.Ю. Современные реалии социально-экономического взаимодействия России и Китая	127
Ягья Т.С. Социально-экономические аспекты тринадцатого пятилетнего плана в Китае	135
Алекберов Р.И. Анализ мотиваций китайского туриста при выборе России в качестве страны путешествия	146

**НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ КАФЕДРЫ
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Атнашев В.Р. Особенности раннего национализма в Восточной Азии начала XX в.	155
Ерофеев Д.Р., Погодин С.Н., Фролова А.П. К истории сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе	164
Ерофеев Д.Р., Погодин С.Н., Фролова А.П. Национальная политика китайского правительства в Синьцзян-Уйгурском автономном районе	175
Рябова А.Л., Саблина М.А. Был П.А. Столыпин националистом?	187
Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика П.А. Столыпина в отношении Финляндии	192
Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III	201

**«ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ:
СТАНОВЛЕНИЕ, ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ, КОНЦЕПЦИИ»
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА (29 СЕНТЯБРЯ 2017 Г.).**

Безлепкин Н.И. Философия истории в российских университетах XIX–XX вв.: проблемы институциализации научной дисциплины. Итоги исследования	211
Мархевски О. Русская историософия и философия истории как предмет изучения в Словакии	221
Павлов В.Л. Философская и правовая ценность Конституции Никиты Муравьева	234
Погодин С.Н. А.С. Лаппо-Данилевский в новейшей отечественной историографии	245
Савельева М.Ю. Основной вопрос русской философии (П. Чаадаев contra В. Соловьев)	258
Суходуб Т.Д. «Новый гуманизм» философии истории М.А. Волошина ...	271

CONTENTS

Pogodin S.N. Editor-in-Chief's Section	5
---	---

TO THE 70TH ANNIVERSARY OF V. V. GLUKHOV

Pogodin S.N. Vladimir Viktorovich Glukhov – a Scientist and University Professor. To the 70-anniversary from Birthday	9
Glukhov V.V., Petrenya Y.K., Shilin P.S. Organization of innovative activity: review of innovative activity and practical approach	27
Balashova E.S. Genesis and Evolution of Industrial Enterprise Resource Management Systems	40

THE PRESENT STAGE OF THE RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

Pestsov S.K. Russia and China: the Perception of Each Other and the Prospects for Cooperation	51
Volynchuk A.B. Geopolitical and Geoeconomic Aspects of Interaction Between Russia and China in Conditions of Global Instability	64
Kuchumova E.V., Huang Chuan The Formation of the Image of Russia in China at the Present Stage	78
Xu Hao, Li Jingcheng Chinese-Russian Cooperation in Higher Education (on the Example of Shenzhen MSU-BIT University)	97
Li Jingcheng The First Russian Orthodox in China (for Chinese Materials)	105
Novozhenova M.F., Panteleyeva V.N. Participation of the Russian Federation in Integration Processes in the Asia-Pacific Region (Review of the Latest Publications)	113
Mokhorov D.A., Mokhorova.A.U. The Modern Realities Of Russia and China Socio-Economic Interaction	127
Yagya T.S. Socio-Economic Aspects of the Thirteenth Five-Year Plan in China	135
Alekberov R.I. Analysis of the Motivation of Chinese Toutists in Choosing Russia as a Country to Travel	146

**RESEARCH PROJECTS OF THE DEPARTMENT
OF INTERNATIONAL RELATIONS**

Atnashev V.R. Specifics of Early Nationalism in East Asia at the Beginning of the XX Century	155
Erofeev D.R., Pogodin S.N., Frolova A.P. On the History of Separatism in Xinjiang-Uighur Autonomous Region	164
Erofeev D.R., Pogodin S.N., Frolova A.P. Chinese Government Ethnic Policy in Xinjiang-Uighur Autonomous Region	175
Riabova A.L., Sablina M.A. Was P.A. Stolypin a nationalist?	187
Muller A.M., Riabova A.L., Sablina M.A. The National Policy of P. A. Stolypin Towards Finland	192
Muller A.M., Riabova A.L., Sablina M.A. National Policy of Alexander III ..	201

**«THE PHILOSOPHY OF HISTORY IN THE RUSSIAN UNIVERSITIES:
FORMATION, INSTITUTIONALIZATION, CONCEPTS»**

MATERIALS OF THE SCIENTIFIC SYMPOSIUM (SEPTEMBER, 29, 2017)

Bezlepkin N.I. Philosophy of History in Russian University of the XIX–XX Centuries: Problems of Institutionalization of Scientific Discipline. Results of the Study	211
Marchevsky O. Russian Historiosophy and Philosophy of History as a Subject of Study in Slovakia	221
Pavlov V.L. Philosophical and Legal Values of the Constitution of Nikita Murav'ev	234
Pogodin S.N. A.S. Lappo-Danilevsky in Modern Russian Historiography	245
Savel'eva M.Yu. The Main Question of Russian Philosophy (P.J. Chaadaev contra V.S. Solovyov)	258
Sukhodub T.D. «New Humanism» of the Philosophy of History of M.A. Voloshin	271

Альманах

**«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»**

№ 11 (34) 2017

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.

Редакция альманаха:

Павлова О.К. – литературный редактор, корректор

Марченко М. – дизайн обложки

Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Гришина Н.Ю., Рябова А.Л. – перевод на английский язык

Манцерова И.В. – выпускающий редактор

Подписано в печать 27.11.2017 Печать цифровая Формат 60x84/16

Усл. печ.

Тираж 100

Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного редакционной коллегией,
в типографии издательства Политехнического университета.
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

Аlmanac

**«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»**

№ 10 (33) 2017

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

Registration Certificate PI number FS77-52142 oa 11 December 2012

Editorial Board of Almanac:

Pavlova O.K. – Literary editor, proofreader

Marchenko M. – cover design

Liutinskaia O.V. – DTP

Grishina N.Yu., Riabova A.L. – the English translation of

Mantserova Irina V. – Managing Editor

Signed for printing 27.11.2017 Format 60x84/16

Conventional Printed Sheet

Circulation

Order

Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в альманахе «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Альманах «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Несколько лет социально-теоретический альманах «Россия в глобальном мире» издавался как Приложение к научно-историческому журналу «Клио».

С 2013 г. Альманах выпускается два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках.

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях Альманаха отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски Альманаха рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегией руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов Альманаха ссылка обязательна.

Альманах освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области истории, философии, культурологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме, начинаться с формулировки целей и завершаться выводами, рекомендациями по внедрению результатов в практику и оценке перспектив дальнейшего развития проблемы. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения.

Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8-10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – не менее десяти.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,8 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,8 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком /Authors** (на русском/английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация /Abstract** (на русском/английском языке): не менее 50-55 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;
- **ключевые слова/ Keywords** (на русском/английском языке);
- **текст статьи** на русском языке, в соответствии с техническими требованиями;
- **список литературы** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Текст статьи должен содержать ссылки **на все источники** из списка литературы.
Статьи без приставейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов Альманаха.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции:

**Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д.28;
тел.: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.**